
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

* Публикуется по изданию: *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. С небольшими изменениями.

ВВЕДЕНИЕ

“Бесспорно поразителен факт малого изменения рождаемости из года в год, обнаруживающийся, если мы возьмем долгий период времени” [1: 100]. Мог ли автор этих слов, написанных на исходе прошлого столетия, предвидеть, сколь далеким от истины окажется его утверждение спустя каких-нибудь два десятка лет! Все то, что на протяжении XIX в. казалось наблюдателю демографических процессов вечным и незыблемым, в XX в. стало стремительно меняться, приводя к таким последствиям, при виде которых многих наблюдателей – и не без оснований – охватывала паника. “Поразительная неизменность” рождаемости сменилась таким быстрым и глубоким ее падением, что в период между двумя мировыми войнами в Европе всерьез говорили и писали о надвигающейся депопуляции. А резкое снижение в развивающихся странах не менявшейся тысячелетиями смертности привело к другому небывалому феномену – мировому демографическому взрыву, беспрецедентному ускорению роста населения земного шара во второй половине нашего века.

До тех пор, пока в демографической сфере не происходило существенных изменений, она не привлекала большого внимания ни общественного мнения, ни даже науки. Нет человека, который бы не был активным или пассивным участником демографического процесса, и тем не менее этот процесс может не вызывать широкого интереса. Многие ли задумываются над тем, из чего состоит воздух, которым мы дышим? Но если состав воздуха меняется, это привлекает всеобщее внимание.

Общественный интерес к демографическим проблемам постепенно рос. Оказалось, что изменения в рождаемости и смертности, которым еще недавно не придавали большого значения, меняют очень многое как в жизни отдельного человека, так и в жизни целых населений – и не всегда в желательном направлении; что эти процессы зависят от воли и деятельности людей гораздо сильнее, чем думали прежде; и в то же время, что целенаправленное обще-

ственное воздействие на демографический процесс чрезвычайно сложно и невозможно без очень глубокого понимания сущности того, что совершается в демографической сфере.

Общественный интерес к демографической проблематике вызвал к жизни науку демографию. Ученые, интересовавшиеся теми или иными аспектами воспроизводства населения, были и раньше. Но демография как особая наука возникла только в нашем столетии, когда историческое развитие породило социальный заказ, когда оно заставило увидеть в воспроизводстве населения особую, очень важную сторону жизнедеятельности общества и потребовало знания его (воспроизводства населения) законов.

Одной из первых и главных задач новой науки стало осмысление тех необычных явлений, которые достаточно ясно проявились в первые десятилетия нашего века. Сперва в поле зрения исследователей попадали лишь наиболее очевидные и впечатляющие демографические перемены, например быстрое падение рождаемости в капиталистических странах в начале XX в. Но постепенно демографы в разных странах приходили к убеждению, что речь идет не о каких-то отдельных, случайных и изолированных тенденциях, а о всеобъемлющих сдвигах, охватывающих все стороны демографического процесса.

В мировой литературе эти сдвиги обычно обозначаются терминами “демографическая революция” (*révolution démographique*, *vital revolution*) или “демографический переход” (*demographic transition*), мы будем пользоваться в основном термином “демографическая революция”¹. Эта революция имеет огромное значение для всего демографического развития населения мира в XX в. Понимание ее сущности и закономерностей дает ключ к пониманию современной демографической ситуации как в развитых, так и в развивающихся странах и во многом облегчает предвидение будущих тенденций воспроизводства населения. Поэтому вполне понятен интерес, который вызывает исследование проблем демографической революции.

Закономерности количественных изменений, совершающихся в ходе демографической революции, уже сейчас изучены неплохо, причем иногда всю суть ее сводят именно к таким количественным изменениям². Но сущность любого явления может быть до конца понята лишь в том случае, если вскрыта его качественная природа. Только если удастся показать, каковы те качественные сдвиги, которые приводят к количественным изменениям в процессе воспроизводства населения, можно осмыслить происходящий демографи-

¹ Обоснование такого выбора дано в разделах 1.2 и 4.1 этой книги.

² См., напр., [3: 627–633].

ческий переворот как органический элемент исторического процесса и понять закономерные связи демографических и социально-экономических изменений. Эта мысль не нова. “Демографическая революция, – писал З. Павлик, – очень часто бывает весьма упрощенно характеризована по своим признакам, поддающимся выражению в количественном отношении... Такая характеристика, однако, замалчивает то, что демографическая революция является составной частью комплексного исторического процесса, имеющего много сторон, причем далеко не является их пассивным продуктом, а играет во всем этом процессе свою самостоятельную и важную роль” [2: 51–52].

Чем больше мы стараемся проникнуть в глубинное содержание демографической революции, тем теснее она оказывается связанной со всеми переменами, происходящими в обществе на определенном этапе его исторического развития, тем яснее становится, что она представляет собой одну из сторон очень глубокой качественной перестройки всего общественного организма, включает в себя изменения не только интенсивности демографических процессов, но и общих условий, детерминирующих демографическое поведение людей, и механизмов, с помощью которых осуществляется эта детерминация, и того места, которое занимает воспроизводство населения в жизни общества. Такое понимание демографического перелома, в свою очередь, вызывает вопрос о том, какое место за-

н во всей демографической истории человеческого общества только он уникален, какие изменения в жизни людей сполнему привести, а какие нет, в какой мере наблюдающиеся демографические закономерности имеют всеобщий характер и действуют только на нынешней стадии развития.

лагаемая читателю книга содержит попытку ответа на эти

Демографическое развитие человечества схематически лено в ней как история трех типов воспроизводства населения – архетипа, традиционного типа и современного (рационального) типа – и двух демографических революций, в результате которых совершается переход от одного типа к другому. Различные части этой схемы освещены с далеко не одинаковой полнотой. В центре внимания современная (вторая) демографическая революция, более обстоятельный анализ которой не заменяет, конечно, изучения всех остальных элементов предлагаемой схемы, тем более, что некоторые из них пока гипотетичны и потому лишь слегка намечены здесь. Но знакомство с проблемами современной демографической революции, о которой к тому же известно сейчас гораздо больше, чем о любом другом этапе демографической истории, осмысление этих проблем позволяет по-новому взглянуть на всю историю размножения людей.

В то же время было бы неверно ограничиться только рассмотрением современной демографической революции и не попытаться хотя бы пунктиром обрисовать предшествующее развитие. Вырванные из достаточно масштабного исторического контекста современные демографические события могут восприниматься в свете конъюнктурной злободневности, а это едва ли оправдано, когда речь идет о таком неотделимом от самого существования человеческого общества фундаментальном процессе, как продолжение человеческого рода.

Автор отдает себе отчет в том, что предлагаемая схема, так же как всякая схема вообще, сильно упрощает действительность и позволяет лишь в самых общих чертах объяснить конкретные особенности воспроизводства населения в разные эпохи и у разных народов. Но зато она позволяет подняться над огромным многообразием фактов и увидеть некоторые общие закономерности демографического развития, действовавшие на протяжении всей человеческой истории или отдельных крупных исторических периодов. Автор убежден, что такая схема нужна. Для ее конструирования многое уже сделано демографами разных стран, но, пожалуй, больший путь еще предстоит пройти. Автор далек от мысли, что ему удалось значительно продвинуться на этом пути, он лишь стремился внести посильный вклад в общую работу.

Знание демографических закономерностей имеет большое практическое, прикладное значение. Но прикладные рекомендации немного стоят, если они не опираются на надежный теоретический фундамент. Процессы, происходящие в демографической сфере, заслуживают более широкого и, главное, более глубокого, чем это имеет место сейчас, теоретического интереса и не только со стороны собственно демографов, но и со стороны философов, социологов, экономистов, историков, социальных психологов — одним словом, всех тех, кто занят исследованием закономерностей жизни общества. Если эта книга будет способствовать пробуждению такого интереса, автор будет считать свою задачу выполненной.

Эта книга не была бы написана, если бы автор не ощущал постоянной помощи коллектива Отдела демографии НИИ ЦСУ СССР и прежде всего В.А. Беловой, Г.А. Бондарской, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского и Р.И. Сифман. Их благожелательная критика и высококвалифицированные советы сыграли исключительно важную роль в работе над книгой. Автор приносит им свою искреннюю благодарность. Автор глубоко признателен также Э.А. Араб-Оглы и Ю.А. Леваде, прочитавшим книгу в рукописи и сделавшим ряд весьма полезных замечаний, которые были учтены в окончательном варианте рукописи.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ

1.1. РАЗМНОЖЕНИЕ ПОПУЛЯЦИЙ ЖИВОТНЫХ И ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ

История человечества – история развития производительных сил, история войн и история идей, история классовой борьбы и социальных революций – есть в то же время и история размножения людей. Выделившиеся из животного мира сотни тысячелетий назад и жившие тогда маленькими группками на необъятных просторах люди постепенно заселили все пригодные для обитания территории земного шара, создали густонаселенные центры цивилизации. Увеличение численности людей, рассматриваемое как элемент истории человеческого общества, есть результат всего социально-экономического развития человечества, но в то же время и его необходимое условие.

В размножении можно видеть индивидуальный процесс, происходящий на уровне отдельной брачной пары. Однако, пытаясь понять закономерности того, что совершается на индивидуальном уровне, мы обнаруживаем, что индивидуальные процессы не независимы от процессов, происходящих во всем населении, и что интересующие нас закономерности могут быть поняты лишь при изучении взаимодействия индивидуального и коллективного. Это предполагает рассмотрение размножения как единства процесса возобновления поколений, изменения численности и возрастно-половой структуры всего населения, с одной стороны, и непрерывно совершающихся в нем индивидуальных актов рождения и смерти – с другой.

Размножение как процесс изменения (или поддержания неизменными) численности и структуры популяции в результате постоянного возникновения новой жизни и гибели отжившего, постоянного взаимодействия рождений и смертей свойственно, конечно, не только людям. Это – закон всего живого. Поэтому, исследуя закономерности возобновления поколений у людей, необходимо понять, какое место занимает оно во всей эволюции

форм размножения от простейших до человека. Размножение людей – высшая форма размножения, качественно отличная от всех его предшествующих форм. Но, как известно, высшее, вырастая из низшего, никогда не перечеркивает его полностью. Стало быть, если мы хотим понять качественные особенности высшей ступени эволюции, мы должны не только разобраться в сути качественного скачка, позволяющего говорить о возникновении одновременно с человеческим обществом и более высоких форм размножения, но и не упустить из поля зрения ту преемственность, которая сохраняется при переходе от размножения в дочеловеческом органическом мире к размножению в человеческом обществе.

Продолжение рода представляет собой одну из основных сторон жизнедеятельности любого биологического вида. Непрерывность процесса возобновления поколений предполагает длительное сохранение относительно устойчивого равновесия между видом и средой. В то же время, как само размножение вида, так и колебания внешних условий всегда содержат возможность нарушения этого равновесия, в частности возникновения диспропорции между численностью индивидов данного вида и теми элементами среды, с которыми он взаимодействует. Казалось бы, такое нарушение неизбежно уже хотя бы потому, что размножение вида в целом есть суммарный результат жизнедеятельности массы независимых индивидуумов, не способных учитывать непрерывно меняющийся баланс взаимодействия вида и среды. Однако длительная история всех преуспевающих видов свидетельствует о существовании механизмов, не допускающих таких нарушений этого баланса, которые ставили бы под угрозу само существование вида.

Равновесие между видом и средой обеспечивается в рамках естественных экологических систем, к которым принадлежат популяции данного вида. Известно, что “численность почти всех популяций животных колеблется непериодически и в очень ограниченных пределах. Относительная стабильность популяции обусловлена действием регулирующих факторов, которые находятся в зависимости от плотности популяции” [11: 33]. Правда, в отношении регулирующей роли факторов, зависящих от плотности, нет полного единодушия, разные авторы придают различное значение факторам внешней среды, оказывающим постоянное воздействие на популяцию, – климату, почвам, растительности и т.п., и факторам, зависящим от самой популяции (соответственно факторам, не зависящим и зависящим от плотности), – вплоть до полного отрицания влияния одной из этих двух групп факторов (см.: [25: 44; 36: 245–246]).

Все же регулирующее воздействие факторов, зависящих от плотности, признается большинством исследователей. Но сами эти факторы делятся на две группы. Факторы первой группы проявляются как прямой результат нарушения равновесия между популяцией и какими-либо элементами среды, с которыми она непосредственно взаимодействует. Например, повышение плотности популяций животных может привести к снижению обеспеченности их кормом, что, в свою очередь, может вызвать снижение рождаемости. Еще большее влияние оказывают подобные факторы на смертность. “Наиболее вероятными факторами, вызывающими высокую смертность при высокой плотности популяции и приводящими таким образом популяцию к равновесию, являются: недостаток пищи, истребление хищниками или болезни, поскольку действие этих факторов сильнее при высокой численности животных” [11: 335].

Вторая группа факторов, зависящих от плотности, вступает в действие независимо от непосредственных взаимоотношений, которые складываются в данный момент между популяцией и средой, механизмы действия этих факторов внутренние. Такие механизмы могли выработаться в ходе эволюции, они поддерживают стабильность популяции независимо от изменений среды, подобно тому, как гомеостатические механизмы поддерживают устойчивость внутренних состояний организма. Эти механизмы могут многократно дублировать друг друга и – при длительной неизменности условий в экосистеме – обеспечивать взаимодействие популяции с другими элементами экосистемы лучше, “экономичнее”, чем механизм непосредственных реакций на изменение внешних условий, не допуская слишком резких колебаний численности популяций.

Механизмы, о которых идет речь, реагируют не на изменение внешних условий, например на недостаток пищи, а на внутреннее состояние популяции, которое может быть непосредственно не связано с какими-либо внешними условиями. “Существует некая, различная для каждого вида средняя плотность популяции, при которой неотвратимо приходит в действие таинственный регуляторный механизм, который через посредство надпочечников и гипофиза сначала подавляет, а затем полностью прекращает воспроизведение” [28: 184]. При повышении плотности популяции у некоторых видов животных усиливается агрессивность, в результате чего нарушается устойчивость внутренней структуры сообществ, приостанавливается половое созревание, повышается смертность молодняка, снижается сопротивляемость заболеваниям и рост популяции замедляется. Вообще существует огромное многообразие конкретных механизмов, обеспечивающих внут-

реннее взаимодействие между размножением популяции и размножением входящих в нее индивидуумов (см. [24: 66–71]).

Иногда процессы, зависящие от плотности, проявляются в весьма сложных реакциях животных. Например, В. Уин-Эдвардс “обнаружил совершенно своеобразное явление: оказалось, что многие животные, в особенности птицы, имеют тенденцию собираться вместе на определенных участках всегда в одно и то же время года, но не в период размножения. По образному выражению Уин-Эдвардса, на этих сборищах определяется тот процент взрослых особей, которые “имеют право” размножаться. Конечно, такая регуляция, если она действительно имеет место, осуществляется нейро-гуморальным путем” [29: 184].

При всем многообразии форм действия механизма, контролирующего размножение и приводящего реализацию биологических потенций индивидуумов в соответствие с требованиями, формирующимися на популяционном уровне, они – поскольку речь идет о мире растений и животных – имеют одинаковую природу: все они выработаны в ходе эволюции под действием естественного отбора, наследственно запрограммированы.

Правда, в последнее время обсуждается гипотеза о ненаследственной основе некоторых элементов поведения животных. Предполагается, что врожденное в поведении животных очень существенно дополняется приобретенным, причем приобретенное поведение рассматривается как самостоятельный фактор, влияющий на последующую эволюцию. “Наследственное поведение обогащается и насыщается массой индивидуальных приобретенных элементов. Однажды оказавшись полезными, они могут восприниматься последующими поколениями, минуя генетическое русло, – путем подражания, обучения” [24: 63]. В основе этой гипотезы лежит выдвинутое В. Уин-Эдвардсом положение о “групповом” естественном отборе, объектом которого оказываются не отдельные особи и их внутренняя организация, а структура и способ организации популяций и субпопуляционных образований (отдельных сообществ животных), которые могут существовать и процветать только при соблюдении особями определенных, усваиваемых каждым поколением при общении со старшими членами сообщества “правил поведения”. Само такое сообщество рассматривается как организация, способная обеспечить “конвенционную конкуренцию” между ее членами [43: 143]. Иначе говоря, в поведении животных, в том числе и в области размножения, есть много “конвенционного”, есть свои “традиции”, которые передаются из поколения в поколение и соблюдаются сообществом, охраняющим свое, по выражению В. Уин-Эдвардса, “потенциальное бессмертие”.

Среди специалистов нет единодушия в отношении гипотезы В. Уин-Эдвардса, одни относятся к ней критически, другие считают весьма плодотворной [12: 182; 23; 24]. Но даже если эта гипотеза подтвердится, она не опровергает положения о том, что механизмы, управляющие процессами, происходящими в животном мире, в том числе и процессом размножения, – результат действия естественного отбора, имеют естественную, а не общественную природу.

Каковы бы ни были механизмы, обеспечивающие стабильность популяции, – смысл их действия заключается в том, что они приводят к жизнедеятельности индивидуума – в той мере, в какой она связана с размножением, – в соответствии с экологическими требованиями, предъявляемыми к популяции. Иначе говоря, они обеспечивают существование обратной связи между жизнедеятельностью индивидуального организма и размножением популяции, так что размножение популяции оказывается суммарным результатом массы не независимых индивидуальных актов рождений и смертей, ибо интенсивность последних сама в большой мере зависит от динамики численности популяции при данных внешних условиях ее существования.

В этом смысле реализация физиологически predeterminedной воспроизводительной потенции или использование отпущенного природой срока жизни отдельного индивидуума контролируется гомеостатическими механизмами, которые учитывают процессы, протекающие на популяционном уровне. В результате индивидуальное функционирование оказывается подчиненным – до известного предела, который ставится физиологическими возможностями организма, – коллективному функционированию.

Такие выработанные естественным отбором гомеостатические механизмы, обеспечивающие относительную стабильность популяции, достаточно эффективны в дочеловеческом мире, в условиях, когда сама емкость экологических систем, как правило, длительное время остается стабильной.

С появлением человеческого общества положение коренным образом меняется. В человеческой деятельности, в коллективном труде с самого начала заложены возможности изменения исходных условий экологического равновесия – вначале за счет повышения эффективности использования того, что человек находит в природе готовым, а затем за счет преобразования природы. Человеческая деятельность в относительно очень короткие сроки, хотя и не сразу, нарушает равновесие между популяцией и средой, сложившееся в природе. При этом постепенно изменяется само понятие среды, она перестает быть только естественной, становится все в большей мере социальной – идет ли речь о пре-

образованной трудом природе или о материальных, социальных либо культурных рамках, в которых протекает жизнь людей. Эта меняющаяся среда предъявляет определенные требования к процессу размножения, рассматриваемому как с точки зрения развития всего населения в целом (с позиций макроуровня), так и с точки зрения семьи или индивидуума (с позиций микроуровня).

Чтобы человеческое общество могло существовать и развиваться, должна постоянно поддерживаться внутренняя согласованность различных сторон жизнедеятельности социального организма. Все эти стороны (экономическая, социальная, демографическая и т.п.), будучи до известной степени автономными, могут предъявлять к отдельным людям и к человеческим коллективам различные, в том числе и противоречивые, требования. В результате непрерывной взаимоувязки этих требований определяются возможные границы их удовлетворения, оптимальные для данного общества условия выполнения каждой из его многочисленных функций, те условия, при которых каждая сторона жизнедеятельности общества находится в равновесии со всеми остальными. Разумеется, такая “оптимизация” – не следствие чьей-то сознательной деятельности, а объективно детерминированный и – во всяком случае, до настоящего времени – стихийный процесс.

Размножение людей – одна из важнейших сторон жизнедеятельности социального организма. Оно, разумеется, не составляет исключения из общего правила: всегда существуют объективно определенные условия равновесия между процессом размножения людей и всеми остальными протекающими в обществе процессами – условия демографического равновесия.

На разных этапах исторического развития существуют различные – но каждый раз достаточно жесткие – рамки, в пределах которых может устанавливаться указанное равновесие, существуют как демографические, так и недемографические ограничения, “узкие места”, которые не могут быть расширены при данном уровне экономического и социального развития. Типы демографического равновесия соответствуют тому или иному уровню развития общества, отражают степень контроля человека над природной и социальной средой. Однако чем выше степень этого контроля, тем шире область свободы человека и тем, казалось бы, больше опасность нарушения демографического равновесия в результате сознательных действий людей, каждый из которых, конечно, не знает о существовании объективного демографического оптимума. У животных, как мы видели, размножение регулируется гомеостатическим механизмом, имеющим биологическую природу, животные не могут вести себя иначе, чем они се-

бя ведут. А человек с самого своего появления умел перехитрить природу, и чем дальше, тем власть его над природой становится больше. Каким образом поддерживается демографическое равновесие у людей? Не становится ли оно все более хрупким?

Наш ответ на этот вопрос заключается в том, что и у людей размножение всегда протекает на основе самоорганизации, обеспечивающей поддержание демографического равновесия, то, что можно назвать демографическим гомеостазисом. Но природа этого гомеостазиса, разумеется, совсем не та, что у животных.

У животных регулирующие размножение гомеостатические механизмы выработаны в процессе эволюции и соответствуют условиям естественных экосистем, очень долгое время остающимся неизменными. Но в быстро меняющихся условиях человеческого общества эти механизмы становятся неэффективными и перестают выполнять свои функции. Самый косный человеческий коллектив несравненно динамичнее любого сообщества животных и не может развиваться, приспосабливаясь к черепашьям шагам естественного отбора. Создание новых приспособительных механизмов, в частности механизма, контролирующего размножение, – одна из фундаментальных задач, решаемых человечеством в процессе его становления. Эта задача порождается самим развитием становящегося человеческого общества – развитием, которое в то же время создает условия ее решения.

Существуют различные, во многом еще не известные нам каналы, по которым в животном мире к отдельной особи поступает информация, предопределяющая ее функционирование в сфере размножения и отражающая ситуацию, складывающуюся на популяционном уровне. Природа этих каналов, как уже говорилось, естественная. Подобные информационные каналы существуют, по-видимому, и у людей (одно из свидетельств их наличия – регуляция соотношения полов среди новорожденных)³. Но в целом обратная связь “коллектив-индивидуум” у людей осуществляется по каналам, имеющим общественную природу.

Основа существования человеческого общества – совместная трудовая деятельность людей – невозможна на базе выработанных естественным отбором способов общения, закрепления, хранения и передачи информации. В процессе трудовой де-

³ Согласно одной из гипотез, соотношение полов при рождении – эволюционно сложившаяся характеристика вида. Оно обеспечивает оптимальное соотношение полов в зрелой, способной к размножению части популяции. У человека, так же как у животных, “нарушение оптимального соотношения полов взрослых особей вызывает такое изменение в соотношении полов их потомства, которое приводит к восстановлению оптимального соотношения полов в популяции в целом” [5: 191].

тельности и в связи с ней между человеком и природой, с одной стороны, и между людьми – с другой, возникают отношения гораздо более многообразные, глубокие и гибкие, чем это возможно у животных. Эти отношения и все, что с ними связано, находят свое выражение в специфически человеческом, социальном по своей природе феномене – культуре. Под культурой здесь понимается система небιологических средств и механизмов, обеспечивающих адаптацию в среде и поддержание общественной жизни. “Выработку подобного рода средств и механизмов... следует рассматривать не просто как дальнейшее усовершенствование и развитие отдельных свойств биологического типа организации, а как создание качественно особого типа организации” [13: 37–38].

Животное поступает тем или иным образом, повинаясь “инстинкту” или следуя живому примеру. Человек ведет себя в соответствии с культурными нормами. Культурные нормы вырабатываются в результате долгого движения человечества по пути проб и ошибок. В этом есть сходство с действием естественного отбора в природе. Но культурный отбор несравненно более эффективен, чем естественный. Культура обладает мощным кумулятивным действием, она позволяет непрерывно накапливать и обогащать приобретенный опыт, “учиться на ошибках”. Все это колоссально сокращает время выработки норм поведения, адекватных условиям, в которых они действуют, сообщает нормам человеческого поведения неизвестную животному миру гибкость, способность быстро приспосабливаться к меняющимся условиям. В кумулятивном действии культуры – основа экспоненциального характера развития человечества.

В то время, как животные, в лучшем случае, способны к непосредственной передаче индивидуального опыта, человеческая культура обеспечивает условия его многократного тиражирования, служит основой для возникновения совершенно новых способов хранения и передачи ненаследственной информации, в громадной степени расширяет каналы ее передачи, их емкость и надежность. Культура образует то русло, в котором протекает жизнь индивидуума в человеческом обществе. В сфере действия культуры функционирует и механизм саморегулирования размножения людей. Этот механизм через посредство культурных норм, содержащих в себе необходимую информацию об условиях размножения людей и взаимодействия человеческих коллективов со средой, диктует такое поведение каждого индивидуума, которое (в среднем и на протяжении достаточно длительных отрезков времени) обеспечивает поддержание объективно необходимого равновесия.

Иногда гомеостатическое регулирование отличают от адаптивного⁴. Если принять это различие, то можно сказать, что благодаря культуре человеческое общество в сфере размножения, как и во всех других сферах, оказывается способным к адаптивным реакциям, значение которых выходит за рамки простого поддержания гомеостаза. Оно не ограничивается сохранением неизменного равновесия в неизменной среде, а развивается как бы под девизом капитана Немо – “подвижное в подвижном”: изменяя среду, изменяется и само. Однако при достаточно широком понимании гомеостаза адаптивное поведение можно и не противопоставлять гомеостатическому, а рассматривать как частный случай последнего. Именно в таком широком смысле употребляем термин “демографический гомеостазис” и мы для обозначения свойства населения поддерживать демографическое равновесие, в том числе и за счет приспособительных изменений, когда этого требуют меняющиеся условия равновесия.

Механизмы культуры имеют общественную, а не естественную природу, их возникновение – результат действия социальных сил. Замена биологических регуляторов, обеспечивающих согласование требований, предъявляемых к процессу размножения на популяционном и на индивидуальном уровне, культурными регуляторами, совершившаяся в период становления человеческого общества, представляла собой качественный скачок, переворот в сфере размножения. Эта замена произошла в силу общей трансформации многих закономерностей развития жизни в связи с переходом на высшую ступень этого развития – к общественной жизни, и, возможно, новый механизм длительное время выполнял те же функции, что и старый (поддержание равновесия в рамках естественных экосистем). Но создание этого механизма было одной из важных составных частей подготовки перехода человечества к преобразующей внешнюю природу созидательной деятельности.

Совокупность социально-культурных регуляторов, приводящих к тому, что демографическое поведение людей обеспечивает поддержание демографического равновесия, назовем демографическим механизмом. Ранее говорилось, что определенным этапам человеческой истории соответствуют и определенные типы демографического равновесия. В свою очередь, каждому типу демогра-

⁴ О различии между гомеостатическим и адаптивным поведением см.: [13] Э.С. Маркарян пишет, в частности. “Гомеостатическим следует считать такое поведение, при котором сохраняющие реакции системы не затрагивают присущую ей структуру и направлены на ее сохранение... Собственно адаптивное поведение начинается именно там, где в целях самоподдержания системы в ней происходят приспособительные изменения” [13: 23].

фического равновесия соответствует своя система социально-культурных регуляторов, свой демографический механизм.

Возникновение социального по своей природе демографического механизма означало появление качественно нового явления – воспроизводства населения. Под воспроизводством населения мы понимаем размножение в его высшей форме, свойственное только человеку и отличающееся от размножения в дочеловеческом органическом мире тем, что оно протекает не под биологическим, а под социальным контролем⁵. Подчеркнем еще раз, что, говоря как о размножении вообще, так и о воспроизводстве населения, мы имеем в виду единство процессов, происходящих на индивидуальном и на популяционном (“населенческом”) уровне.

1.2. ИСТОРИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Все социальное исторично. Не составляет исключения и воспроизводство населения, которое проходит в своем историческом развитии несколько ступеней, соответствующих различным типам демографического равновесия и демографического механизма. В своем единстве типы демографического равновесия и демографического механизма определяют исторические типы воспроизводства населения, адекватные исторически определенным экономическим, социальным и культурным условиям жизни общества. Смены таких типов можно рассматривать как моменты движения от низших форм к высшим. Вне этих исторических форм воспроизводство населения не существует. Воспроизводство населения вообще, так же как и производство вообще – “абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений” [15: 711]. Представляя собой специфическую сторону об-

⁵ Следует подчеркнуть отличие нашего подхода от имеющей некоторое распространение точки зрения, согласно которой и в человеческом обществе “биологическая сторона человеческой природы”, “естественный инстинкт продолжения рода” до известной степени сохраняют роль непосредственных регуляторов демографического поведения (см., например [6 10]) Мы не отрицаем, разумеется, значения биологического для воспроизводства населения, однако биологическое присутствует здесь в “снятом” виде, закономерности его проявления социальные. Согласно нашему пониманию, развиваемому в этой книге, демографическое поведение людей на любом этапе человеческой истории детерминируется не биологическими инстинктами (а существование “инстинкта продолжения рода” и у животных более чем сомнительно), а социально-культурными нормами, отражающими общественную потребность в непрерывности демографического процесса.

щественного бытия, воспроизводство населения имеет как черты, меняющиеся от эпохи к эпохе, так и черты, общие для всех эпох человеческой истории, а в более широком плане, как мы видели, даже черты, общие с размножением в мире растений и животных.

Демографические изменения в истории очень тесно связаны со всеми социально-экономическими изменениями – но не как их простое отражение, обязательное автоматическое следствие. Даже такие важные исторические различия, как различия общественных формаций, не всегда ведут к различиям в типе воспроизводства населения – существует несколько формаций, которые “обслуживаются” одинаковыми типами воспроизводства. Например, единый тип воспроизводства населения существует во всех докапиталистических классовых обществах.

Демографическому развитию, так же как и любому другому, свойствен диалектический характер. Длительные периоды существования неизменного типа воспроизводства, во время которых происходит медленное накопление подспудных количественных изменений, постепенное назревание внутренних противоречий, сменяются “перерывами постепенности”, возникновением нового качества, нового исторического типа воспроизводства населения. Такие скачкообразные переходы от одного типа воспроизводства к другому логично рассматривать как демографические революции.

По поводу использования нами термина “демографическая революция” необходимо сделать несколько замечаний. Этот термин применительно к современным демографическим изменениям был введен крупным французским демографом А. Ландри, которому принадлежит видная роль как одному из первых исследователей проблемы возникновения современного типа воспроизводства населения. Заслуга А. Ландри заключается в том, что он ввел понятие “демографического типа” (“régime démographique”), рассматривал различные демографические типы, т.е. то, что мы называем типами воспроизводства населения, в историческом контексте и понимал демографическую революцию как смену таких типов. “Всякое изменение типа (régime) в демографической области, как и в любой другой, – писал он, – можно рассматривать как революцию” [39: 54]. Хотя наше понимание исторических типов воспроизводства населения очень во многом не совпадает с пониманием “демографических типов”, которое мы находим у А. Ландри, его стремление видеть в демографической революции принципиальный качественный сдвиг кажется нам правильным.

Впоследствии предложенный А. Ландри термин получил широкое распространение, но, разумеется, не все, кто пользуется

этим термином, вкладывают в него одинаковый смысл. Очень часто в западной литературе подчеркиваются чисто количественные аспекты происходящих демографических изменений, а слово “революция” трактуется не как научный термин, а как описательное, образное выражение. Вот пример такого словоупотребления. «Если ускорение в приросте в более развитых районах после 1850 г. можно назвать революцией, то более сильная формулировка, по-видимому, будет подходящей к описанию гораздо большего ускорения примерно с 1950 г. прироста населения менее развитых районов. Фактически более сильный термин “демографический взрыв” получил широкое распространение, и это не должно вызывать удивления, поскольку беспрецедентный масштаб этого нового явления действительно поражает воображение» [21: 9].

Для марксистской литературы характерно понимание демографической революции как исторического этапа в развитии населения, как качественного скачка, приводящего к замене одного типа воспроизводства населения другим. “Демографическая революция – всеобщий процесс, при котором примитивные способы воспроизводства населения заменяются современным способом воспроизводства, существующим у нас или в большинстве европейских стран и в экономически развитых странах других континентов” [41: 38] (см. также [22: 382]). Аналогичная точка зрения развивается и в настоящей книге.

Хотя правомерность термина “демографическая революция” казалась нам несомненной, использование его в статье на эту тему [4] неожиданно вызвало критику со стороны ряда авторов, которые усматривали в нем указание на “самодовлеющую природу демографических процессов”, на отрыв демографического развития от социально-экономического и т.п. [1; 7: 87].

Нам кажется, что эта критика основана на недоразумении. Термин “революция” употребляется нами в обычном диалектико-материалистическом смысле. Марксистская философская концепция развития не сводима к “ходячей идее эволюции”, в частности потому, что она рассматривает всякое развитие как “скачкообразное, катастрофическое, революционное” [9: 55]. Как писал В.И. Ленин, только такая концепция жизненна, только она «дает ключ к “самодвижению” всего сущего; только она дает ключ к “скачкам”, к “перерыву постепенности”, к “превращению в противоположность”, к уничтожению старого и возникновению нового» [10: 317]. Отнюдь не случайно классики так широко пользовались термином “революция” применительно к самым различным областям жизни. К. Маркс и Ф. Энгельс писали не только о социальной и политической революциях, но и про-

мышленной революции, аграрной революции, о “великих революциях в торговле”, о философской революции, о “религиозной революции” и т.п. [17: 365; 30: 256]. В наш язык прочно вошли такие выражения, как “культурная революция”, “научно-техническая революция”.

Нам кажется, было бы неверным демографические процессы, демографическое развитие исключать из ряда “всего сущего”. И для их понимания недостаточно “ходячей идеи эволюции”, и их следует рассматривать в свете общей марксистской концепции развития. Обсуждение вопроса о качественном скачке в демографическом развитии кажется нам вполне естественным. Демографическое развитие – не исключение из общего правила. Нельзя рассматривать его как простое изменение количественных показателей, как циклические колебания, как повторение того, что уже было (десять, в Древнем Риме было то же, что в современной Франции). Одна из задач этой книги, показать, как в наше время на глазах нескольких поколений вся система демографического регулирования пережила полное качественное обновление, стала принципиально иной по сравнению с тем, что существовало, в неизменном виде тысячелетиями. Иначе, как революцией, эту перемену не назовешь.

Подобно тому, как воспроизводство населения не существует вне определенных исторических форм, так оно не существует и вне постоянного взаимодействия двух конкретных демографических процессов: рождаемости и смертности. Оно проявляется всегда как результат этого взаимодействия, но было бы неверно рассматривать его только как результат, ибо рождаемость и смертность тоже не существуют самостоятельно вне воспроизводства. Правильнее говорить, что воспроизводство населения – единство процессов рождаемости и смертности и что, при всей их относительной самостоятельности, развитие этих противоположных по смыслу процессов возможно только в рамках указанного единства. Тем не менее воспроизводство всегда проявляется как готовый итог, тогда как рождаемость и смертность – реально наблюдаемые процессы, складывающиеся из множества вполне конкретных элементарных актов рождений и смертей.

Именно в рождаемости и смертности проявляются непосредственные результаты взаимодействия демографического процесса со всеми другими протекающими в обществе процессами и лишь через взаимную согласованность рождаемости и смертности реализуется демографическое равновесие в целом. В ходе взаимодействия рождаемости и смертности с недемографической областью и между собой объективно детерминируется цель социального контроля над каждым из этих двух процессов и средства

такого контроля. Тем самым определяются основные качественные черты рождаемости и смертности (в той мере, разумеется, в какой эти черты зависят не от биологических, а от экономических и социально-культурных факторов), а вследствие этого и их основные количественные характеристики, иначе говоря, исторический тип рождаемости и смертности. Но так как рождаемость и смертность суммируются в воспроизводстве населения, то исторические типы рождаемости и смертности определяют в конечном счете и исторический тип воспроизводства населения.

Попытаемся теперь окинуть общим взглядом основные типы воспроизводства, встречавшиеся на протяжении человеческой истории, и демографические революции, приводившие к замене одного типа воспроизводства населения другим.

1.3. АРХЕТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Человечество начинает свой исторический путь в условиях исходного экологического равновесия, унаследованного им от прошлого. Люди – даже если говорить только о неолитах, *Homo sapiens*, появившихся 35–40 тыс. лет тому назад, – далеко не сразу изменили окружающий их мир. Долгое время, подобно животным, они ничего не приносили в природу, ничего не преобразовывали в ней, а имели в своем распоряжении только те средства существования, которые можно было найти в природе готовыми. Поэтому даже выделившись из животного мира, люди, как и животные, должны были оставаться в постоянном равновесии со всеми элементами тех естественных экологических систем, к которым они принадлежали.

Исходному экологическому равновесию должно было соответствовать и исходное демографическое равновесие, условия жизни первобытного человека, вероятно, долгое время не давали основы для принципиальных изменений качественных и количественных характеристик рождаемости и смертности.

Палеоэкономические расчеты, археологические и этнографические материалы показывают, что населения, жившие в условиях присваивающей экономики, могли существовать только при очень низкой плотности – порядка нескольких человек на 100 км². Чтобы плотность населения длительное время не выходила за эти пределы, не должны были существенно изменяться ни численный состав общины, ни общее количество общин, обитающих на данной территории. Одним из регуляторов плотности населения была миграция, но главную роль, вероятно, все же играло то, что постоянно сохранялись такие уровни рождаемости и

смертности, при которых значительный рост населения был просто невозможен.

Соответствие уровней рождаемости и смертности экологическим требованиям, предъявляемым к воспроизводству населения в целом, отчасти обеспечивалось автоматически, отражая естественную согласованность функционирования различных частей одного социального организма, имеющего единую основу развития – крайне примитивную экономику, неразвитые общественные отношения, сильную зависимость от природы и т.п. Однако эта внутренняя согласованность не гарантировала полностью демографического равновесия. Ведь человек – даже и ранний собиратель – нарушал господствующий в природе автоматизм, он постоянно расширял область своей свободы, мог взять у природы больше, чем любое животное, мог искусственно ограничить рождаемость и т.п. Одного лишь естественного автоматизма для поддержания демографического равновесия теперь было недостаточно. Нужны были специальные механизмы, которые вводили бы демографическое поведение людей в рамки, диктуемые общественной потребностью.

Конкретное рассмотрение этих механизмов не входит сейчас в нашу задачу. Здесь необходимо только подчеркнуть, что они не были биологическими. Возможности целенаправленного воздействия на демографические процессы у первобытного человека были очень небольшими, но в той мере, в какой они существовали, поведение людей было не инстинктивным, а определялось социально-культурными нормами. Как писал У. Ле Гро Кларк, “имеется достаточно данных, свидетельствующих о том, что за долгие годы существования первобытнообщинного строя люди приобрели смутное, но в основных чертах правильное представление о связи между занимаемой ими территорией, обычным прожиточным минимумом и численностью популяции... Они стремились ограничить рост численности либо такими грубыми, но эффективными мерами, как аборт, детоубийство или пожизненное вдовство, либо посредством различных табу, запрещавших половые сношения в определенное время года. Стихийные бедствия, вредители и болезни брали у людей свою дань, но в целом узаконенное детоубийство, аборты и табу всегда давали древнему человеку способ регулировать рост популяции” [Цит. по: 26: 414.].

В последнее время интерес к изучению механизмов поддержания демографического равновесия у первобытных населений повысился; дальнейшие исследования позволят нарисовать картину более глубокую и более подробную, чем та, которая содержится в приведенных словах Ле Гро Кларка. Полагают, в частно-

сти, что демографическое равновесие на ранних стадиях человеческой истории обеспечивалось несколькими сложными, дублирующими друг друга механизмами, которые действовали на разных уровнях (племени, общины, семьи), порождая сложную иерархическую организацию человеческих сообществ [33].

Социально-культурный механизм приводил рост численности населения в соответствие с границами, которые предписывала природа, – таков главный отличительный признак того типа воспроизводства населения, который пришел непосредственно на смену размножению животных. В дочеловеческом мире природа не только ставит эти границы, но и заботится об их соблюдении. На более поздних этапах развития человеческого общества социальный контроль над воспроизводством населения развивается параллельно расширению границ роста численности человеческих популяций в результате производственной деятельности людей. Но первые шаги на историческом пути человечество делает с таким типом воспроизводства населения, который формируется “между двух миров”: цели демографического регулирования ставятся природой, средства даются обществом. Этот исходный тип будем называть архетипом⁶ воспроизводства населения.

Свойственный архетипу воспроизводства населения демографический механизм выполнял, по существу, старые функции, которые в животном мире выполнялись биологическим механизмом. Но он содержал в себе потенциальные возможности приспособления процесса размножения к иным условиям равновесия, возможности, которые сыграли огромную роль в последующие исторические эпохи.

Архетип воспроизводства населения изучен слабо. Сам факт его существования – не более, чем гипотеза, в пользу которой сейчас имеется лишь ограниченное количество доводов. До тех пор пока не выявлены существенные качественные различия в основных демографических процессах – в рождаемости и смертности, свойственных архетипу и пришедшему ему на смену типу воспроизводства населения (а этого не сделано), все соображения, относящиеся к исторической специфике архетипа, остаются гипотетическими. Тем не менее было бы нецелесообразно в ожидании надлежащей проверки отказаться от гипотезы о существовании архетипа, поскольку она позволяет объяснить некоторые трудно объяснимые явления, в частности “демографический взрыв” эпохи неолита.

⁶ Термин “архетип” был введен в демографию Д. Ачади и Я. Немешкери, но только применительно к смертности древнейшего человека [32].

Архетип воспроизводства населения был неразрывно связан с палеолитической экономикой и с теми общественными отношениями, которые могли развиваться на ее чрезвычайно узкой базе. Характер производства и социальных отношений со времени появления *Homo sapiens* в основных чертах сохранялся неизменным на протяжении десятков тысячелетий, а вместе с ними сохранялся неизменным и характер воспроизводства населения, повсеместное господство его архетипа.

Однако и в самую раннюю эпоху человеческой истории производительные силы не стояли на месте, и условия жизни людей очень медленно эволюционировали, шло длительное накопление прогрессивных изменений в материальных условиях и социальной организации жизни и деятельности людей. Разумеется, эффект каждого отдельно взятого изменения мог быть лишь очень незначительным и не способен был привести к изменению экономической и социальной системы первобытного общества. Но по мере того, как таких изменений накапливалось все больше и больше, возникали и распространялись элементы новой экономики, которые вступали в противоречие со старой хозяйственной системой и подрывали ее основы.

Со своей стороны и демографическое развитие сыграло важную роль в назревании кризиса старой хозяйственной системы. Социально-экономический прогресс подтачивал основы демографического равновесия, свойственного обществу, основанному на присваивающей экономике. Демографическая стабильность постепенно уступила место пусть очень медленно, но неуклонному росту численности палеолитических населений и, что самое главное, их плотности. Если присваивающая экономика не подготовлена к коренным переменам, повышение плотности населения может привести к катастрофе, но когда элементы новых экономических отношений уже достаточно созрели, рост плотности может оказаться одним из сильнейших стимулов перехода от присваивающей экономики к производящей. Так, возможно, и было во многих случаях. Например, В.М. Массон пишет, что “скорее всего именно относительно густая заселенность верхнепалеолитической и мезолитической Европы была одной из предпосылок победного шествия по этой территории производящей экономики в VI–IV тысячелетиях до н.э.” [20: 135].

Кризис всей системы отношений, базировавшихся на присваивающем хозяйстве первобытных собирателей, охотников и рыболовов, и вызвал в конечном счете устранение этих отношений и замену их новыми. Перемены охватили все стороны жизни че-

ловеческого общества, в частности, они привели к замене архетипа воспроизводства населения его новым историческим типом – к первой демографической революции.

1.4. ПЕРВАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Смена архетипа новым типом воспроизводства населения произошла, по-видимому, в далекие времена неолита и была неразрывно связана с грандиозным социально-экономическим переворотом, получившим название неолитической революции⁷. Сущность этого переворота заключалась в переходе от присваивающей экономики к производящей. Прежде люди лишь совершенствовали способы добывания того, что они находили в природе готовым, – теперь человек научился лучше использовать в своих интересах животных и растения, имевшиеся в природе, создал сельское хозяйство. Это было революцией в развитии производительных сил, огромным шагом в овладении силами природы. Отныне люди гораздо меньше, чем прежде, зависели от неконтролируемых стихийных сил. Они научились – до известного предела, конечно, – предвидеть и планировать свою хозяйственную деятельность. Более эффективные и надежные способы получения продовольствия, расширение знаний об окружающем мире (что было тесно связано с нуждами сельского хозяйства), улучшение жилищ и тому подобные изменения преобразовали материальные условия жизни первобытного общества и в то же время имели глубокие социальные последствия.

Важнейшее из них – появление прибавочного продукта, а значит, и возможности присваивать чужой труд. Скачок в производительности труда нес с собой возможность расширения сферы личной собственности и превращения семьи в самообеспечивающуюся хозяйственную единицу, имущественного неравенства, эксплуатации человека человеком – всего того, что в конечном счете должно было подорвать сами основы первобытного общества. Но этот результат неолитической революции сказался не сразу. Непосредственно после того, как она совершилась, “общества, одержавшие эту одну из величайших в истории человечества побед, пожинали плоды достигнутых успехов в рамках первобытнообщинного строя. Можно без преувеличения оказать, что именно с неолитической революцией наступает пора его наивысшего, хотя и финального расцвета” [20: 159].

⁷ Этот термин принадлежит Гордону Чайлду

Первые очаги неолитической революции возникли, по-видимому, в X–VIII тысячелетиях до н.э. Начавшись в каком-либо районе мира, она занимала многие столетия, а в целом на земном шаре длилась тысячелетия. Например, до Европы она докатилась только в VI–IV тысячелетиях до н.э., отдельные же группы населения Земли оставались на стадии присваивающей экономики до наших дней.

Возникновение сельского хозяйства и его превращение в главную сферу производственной деятельности людей сделали возможным существование на тех же территориях во много раз более многочисленных, чем в донеолитическое время, населений. В свою очередь новые методы ведения хозяйства и соответствовавшие им формы общественной жизни прямо требовали иной, чем прежде, пространственной концентрации людей, а значит, и иной, гораздо большей их численности. В то же время и под влиянием тех же факторов исторического развития произошли глубокие изменения и в организации частной жизни людей, в их быту, в условиях, в которых происходило рождение и воспитание детей и т.п., в конечном счете, в условиях рождаемости и смертности.

Сейчас качественные и количественные различия в рождаемости и смертности до и после неолитической революции изучены недостаточно, и именно эта недостаточная изученность обязывает к большой осторожности, когда речь идет об архетипе как об особом историческом типе воспроизводства населения. Очень может быть, что когда этот вопрос станет предметом специального исследования, уже имеющийся археологический и этнографический материал позволит без большого труда установить наличие или, наоборот, отсутствие таких – и притом принципиальных – различий. Мы попытаемся лишь с помощью небольшой иллюстрации показать, о каких различиях, с нашей точки зрения, может идти речь.

Известно, что важным элементом демографического регулирования у многих, если не у всех, народов, находящихся на стадии собирательства, было детоубийство (инфантицид). Это явление многократно описано в этнографической литературе (см., например: [35: 158–159]), приведем выдержки из одного из самых последних свидетельств, относящихся к середине нашего века. “У бушменов мать кормит ребенка грудью до трех-четырёх лет, когда можно будет найти подходящую для него пищу... Часто второй ребенок или даже несколько детей рождаются, когда мать еще кормит грудью первого. Но молока матери не хватает на всех детей, да и больше одного ребенка она не смогла бы носить на далекие расстояния, которые проходит в поисках пищи. Поэ-

тому нередко последнего новорожденного убивают сразу после появления на свет... Выжить могут только ребенок или дети, родившиеся после того, как первый новорожденный будет отнят от груди” [3: 115].

Следует обратить внимание на своеобразный автоматизм действия этого механизма. Он естественным образом учитывает уровень рождаемости, младенческой и детской смертности, существующий независимо от инфантицида. Если предыдущая беременность по той или иной причине не привела к рождению живого ребенка, или ребенок родился живым, но вскоре умер, следующему ребенку не угрожает умерщвление. Если же предыдущий ребенок родился живым и его жизнь удалось сохранить, появляющимся сразу после него детям грозит смерть. Таким образом, выживающие дети следуют один за другим с большим интервалом, что не может не оказывать весьма существенного ограничивающего воздействия на рост населения.

Переход к производящей экономике несет изменения сразу во многих сферах. С одной стороны, “дети – тяжелая обуза для охотников – в хозяйстве, основанном на производстве пищи, могут уже в раннем возрасте быть использованы для прополки полей или для присмотра за скотом” [27: 55]. С другой стороны, оседлый образ жизни, более надежная база питания, в частности возможность использования молока домашних животных и т.п., неолитические нововведения устраняют жесткую необходимость детоубийства. У африканских племен, отошедших от собирательства, детоубийство практиковалось не столь широко и диктовалось главным образом качественными, а не количественными соображениями; как правило, убивали детей, которых считали неполноценными (см., например [2: 373]). У бушменов же, как пишет Й. Бьерре, все решает арифметика: первого ребенка, даже и уродя, мать будет воспитывать, второго, пусть и полноценного, но появившегося до того, как первый поставлен на ноги, умертвит [3: 115].

На более высоких стадиях развития под влиянием как экономических, так и социальных сдвигов детоубийство становится все более и более редким. Хотя пережитки инфантицида сохраняются очень долго, постепенно он перестает быть культурной нормой и утрачивает свое значение одного из важнейших демографических регуляторов.

Этот пример показывает, как изменение объективных условий жизни людей делает возможным совершенно иное, чем прежде, демографическое поведение индивидуума, ведущее в данном случае к снижению смертности. Более низкая смертность, которая прежде, возможно, привела бы к катастрофе, теперь оказы-

вается элементом поддержания нового демографического равновесия. Условия размножения всего населения и условия появления и сохранения индивидуальной жизни изменились не сами по себе, а во взаимодействии со всеми другими социальными изменениями, поэтому согласованность между демографическим и социально-экономическим не нарушилась. Но это уже новая согласованность, новое демографическое равновесие.

В новых условиях женщина может уже не убивать каждого второго из родившихся у нее детей, но может и убивать, повинаясь древнему обычаю. Поэтому изменений только в объективных условиях демографического равновесия недостаточно. Надо, чтобы утратили силу и уступили место новым старые культурные нормы, которые приводили поведение людей в соответствие со старыми условиями демографического равновесия. Так и происходит в действительности. Постепенно совершается отбор и фиксация культурных норм, отвечающих новым условиям, они канонируются, становятся общеобязательными. В результате складывается новый демографический механизм, система культурных регуляторов, обеспечивающих гомеостатичность воспроизводственного процесса, длительное поддержание нового демографического равновесия. С того момента, как демографический механизм приходит в соответствие с новыми условиями демографического равновесия, можно говорить о возникновении нового исторического типа воспроизводства населения, о завершении первой демографической революции.

Первая демографическая революция сыграла огромную роль в истории человечества. Ее разностороннее влияние на жизнь посленеолитического общества еще ждет своего исследователя, мы кратко коснемся лишь вызванного ею ускорения роста населения.

Как писал Г. Чайлд, “вероятность того, что новая экономика сопровождалась увеличением численности населения, априори очень высока. Тот факт, что население действительно росло очень быстро, кажется, установлен археологией. Только так можно объяснить очевидную внезапность, с которой крестьянские общины возникают в районах, до того времени пустынных или населенных только очень редкими группами собирателей” [37: 70].

Быстрый рост населения отмечается уже в древнейших очагах неолитической революции, например на Ближнем Востоке. “По сути дела это был первый демографический взрыв, и недаром мы видим, как рано земледельческие поселки заполняют археологическую картину Ближнего Востока” [20: 141]. Впоследствии, по мере “неолитизации” и другие районы земного шара вступали в полосу стремительного умножения числа поселений.

Неолитические и посленеолитические поселения были не только более многочисленными, но и более многолюдными. В условиях присваивающей экономики люди жили небольшими общинами. Численность примерно в 25 человек иногда рассматривают даже как некую константу, оптимальную величину, при приближении к которой обеспечивались наилучшие условия существования локальной группы собирателей и охотников [33: 235]. В большинстве случаев, по-видимому, численность общины действительно колебалась в пределах от десятка до нескольких десятков человек.

После завершения неолитической революции стала возможной значительно большая концентрация людей, и людность поселений стала быстро возрастать. В это время повсюду наблюдается быстрое повышение плотности населения и его общей численности в пределах отдельных районов. Например, в Южной Туркмении, на территории Джейтунской культуры, в VI тысячелетии до н.э. сразу после завершения неолитической революции жило около 3 тыс. человек (при плотности 140 человек на 100 км²). В IV тысячелетии, в эпоху раннего энеолита, на той же территории обитало 12–14 тыс. человек (660 человек на 100 км²) [20: 142]. На территории современной Франции, по некоторым оценкам, в IV тысячелетии до н.э. жило 200–300 тыс. человек, в III тысячелетии – примерно 5 млн человек [40: 213]. Население Двуречья при его относительно небольшой территории в III тысячелетии до н.э. насчитывало уже примерно полмиллиона человек [34: 28–29], впоследствии же оно увеличилось до 4–5 млн человек [42: 25]. Сходная картина наблюдалась и в других центрах древнейших цивилизаций. Население Египта в середине I тысячелетия до н.э. по разным оценкам составляло от нескольких миллионов до нескольких десятков миллионов человек [38: 308]. Хотя подобные оценки могут быть лишь приблизительными, сам факт существования густонаселенных зон (наряду с зонами, населенными крайне слабо) не вызывает сомнений.

Распространение по земному шару зон с высокой численностью и плотностью населения заняло, вероятно, несколько тысячелетий. Оценивая этот срок, надо иметь в виду, что периоду демографического подъема предшествовали десятки тысячелетий существования человека современного вида в условиях чрезвычайно низкой плотности и исключительно медленного роста численности населения. По имеющимся оценкам, к началу неолита на всей Земле насчитывалось не более 5–10 млн человек, численность населения в палеолите увеличивалась на 3–8% за тысячелетие. В неолите же рост численности населения резко ускорился

(до 40% за тысячелетие), и к концу неолита население достигло примерно 50 млн человек [19: 236].

Факт неолитического “демографического взрыва” не вызывает сомнений. Он может рассматриваться и в качестве веского довода в пользу изложенной выше гипотезы, согласно которой резкое ускорение роста населения было количественным результатом качественных изменений в воспроизводстве населения, смены его исторического типа, первой демографической революции. В целом, однако, эту гипотезу еще рано считать научно подтвержденной, она нуждается в тщательной проверке на большом фактическом материале.

1.5. ТРАДИЦИОННЫЙ ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ

Новый тип воспроизводства населения, возникший во времена неолита, безраздельно господствовал во всем мире вплоть до XVIII в., а у значительной части населения мира далеко не полностью изжит еще и сегодня. Основные черты этого типа воспроизводства неразрывно связаны с аграрной экономикой и соответствующими ей общественными отношениями и культурой.

Трудно переоценить ту роль, которую сыграло в человеческой истории возникшее в эпоху неолита сельское хозяйство. Оно составляло экономическую основу всех классовых докапиталистических способов производства. На базе аграрной экономики сложились блестящие цивилизации древности, расцвел античный мир Греции и Рима, созрело европейское Возрождение. На протяжении многих тысячелетий сельское хозяйство было той почвой, на которой произрастали все достижения человечества, идет ли речь о торговле или мореплавании, о накоплении научных знаний или о создании шедевров искусства, о возникновении новых культур или о смене социально-экономических формаций.

Тем не менее, подчеркивая глубокую прогрессивность аграрной экономики по сравнению с экономикой присваивающих обществ, необходимо сразу же указать на историческую ограниченность, узость тех рамок, которые создает эта экономика для развития производительных сил и изменения условий жизни людей.

Несмотря на бесспорный прогресс производительных сил на протяжении существования всех аграрных обществ, их материально-техническая база остается развитой крайне слабо. Совершенствование орудий производства и улучшение агрикультуры несколько повышали производительность сельско-

хозяйственного труда, но они не избавляли сельское хозяйство от сильнейшей зависимости от природных условий – и в средневековой Европе оно также страдало от засухи, как в Древнем Египте в годы, когда воды Нила стояли слишком низко. Существование отдельных центров торговли и торговых путей не в состоянии было нарушить замкнутость, изолированность жизни основной массы населения в условиях почти исключительно натурального хозяйства. Быт, жилища, весь жизненный уклад подавляющего большинства населения менялись очень мало. Тяжелый труд и полуголодное существование были основными чертами образа жизни земледельца и в Древней Индии, и в античном Риме, и в феодальной Европе. Ни в одном из аграрных обществ не существовало предпосылок для изменения условий демографического равновесия, и если бы каким-то чудом удалось изменить некоторые условия жизни людей независимо от общих социально-экономических условий и тем повлиять на рождаемость или смертность, вызвав ускоренный рост населения, то нельзя было бы согласовать этот более быстрый рост с возможностями аграрной экономики, соответствующих ей социальных институтов и т.п.

“Аграрному” типу демографического равновесия соответствовала и система культурных регуляторов, обеспечивающих поддержание этого равновесия. По сравнению с демографическим механизмом времен архетипа, эти регуляторы были гораздо более “тонкими”, более совершенными. Но с позиций более высоких форм демографического механизма они были весьма грубыми и примитивными и не могли быть иными, поскольку возможности их развития ограничивались относительной неразвитостью всех общественных отношений, свойственных аграрным обществам. Эта неразвитость – естественное следствие низкого уровня развития производительных сил и всего связанного с ними образа жизни людей. Разумеется, нельзя ставить на одну доску уровень развития общественных отношений при всех основанных на эксплуатации докапиталистических способах производства, которые, как известно, суть “прогрессивные эпохи экономической общественной формации” [16: 7], ступени на пути исторического движения от низшего к высшему. Но при всех – часто весьма важных – различиях добуржуазным общественным организациям свойственны очень существенные общие черты, предопределяющие во многом сходное положение индивидуума в обществе, одинаково узкие рамки развития человеческой личности. Все добуржуазные общества – “традиционные”, т.е. такие, в которых поведение людей, их отношения между собой, вся их жизнь регла-

ментируются принимаемой на веру и не требующей рационального истолкования традицией, ориентированы на повторение неизменных, унаследованных с незапамятных времен образцов. Воспроизводство заранее данных отношений отдельного человека и коллектива, предопределенность его отношений к условиям труда, своим соплеменникам и т.д. – не второстепенная черта, а, как писал К. Маркс, основа развития всех обществ, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя [18: 475]. “Незрелость индивидуального человека” [17а: 89] – одна из важнейших черт таких обществ. Человек в них “выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому...” [15: 710], он “обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса” [18: 486]. Но до тех пор, пока такое обособление не произошло (т.е., согласно К. Марксу, до XVIII в.), в самых различных областях своей жизни человек ведет себя в соответствии с окаменевшими правилами, с определенной схемой, которая не предусматривает его личного волеизъявления, его свободного выбора, рационального осмысления его действий. Все вопросы, которые сейчас каждый взрослый человек решает для себя сам: чем добывать свой хлеб, где жить, как одеваться, с кем и когда вступать в брак и т.д., еще не так давно повсюду в мире очень жестко разрешались за индивидуума традицией, обычаем, родителями, сувереном и т.п. Накладывая на человеческий разум “рабские цепи традиционных правил” [14: 135], традиционные формы жизни “подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того чтобы возвысить его до положения властелина этих обстоятельств... превратили саморазвивающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок...” [14: 136].

Таким образом, с одной стороны, на протяжении всего периода господства аграрной экономики оставались в основном неизменными условия демографического равновесия, те объективные требования к процессу воспроизводства населения, которые вытекали из социально-экономических особенностей функционирования аграрных обществ. С другой – оставался в основном однотипным социально-культурный механизм, с помощью которого поведение индивидуума приводилось в соответствие с объективной общественной потребностью. Этот механизм регулировал поведение людей во всех сферах их жизни, не составляла исключения и область воспроизводства населения. Демографический механизм был частью всего “традиционного” механизма, регулировавшего поведение каждого отдельного человека, он, стало быть, тоже был “традиционным”. Это дает основание на-

звать “традиционным”⁸ тот тип воспроизводства населения, который характеризуется “аграрным” типом демографического равновесия (в отличие от “собирабельского” его типа в донеолитическое время) и “традиционным” демографическим механизмом. В такой терминологии есть, правда, некоторая непоследовательность, так как, с точки зрения принципа действия демографического механизма, свойственный архетипу, – тоже традиционный. Эту непоследовательность, возможно, удастся устранить, когда будут лучше исследованы различия между архетипом и традиционным типом воспроизводства населения.

Конкретные особенности традиционного типа воспроизводства населения, о котором сейчас известно гораздо больше, чем об архетипе, рассматриваются в последующих главах книги. Задача этого параграфа заключалась в том, чтобы подчеркнуть генетическую и функциональную связь традиционного типа воспроизводства с определенным этапом социально-экономического развития человеческого общества и, следовательно, его исторически преходящий характер. Когда исторический процесс подводит черту под долгим периодом существования аграрных обществ, он тем самым предопределяет и скорое исчезновение традиционного типа воспроизводства населения.

1.6. СОВРЕМЕННЫЙ (РАЦИОНАЛЬНЫЙ) ТИП ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Преодоление традиционного типа воспроизводства населения и замена его новым историческим типом, иначе говоря, вторая демографическая революция, были подготовлены всем долгим развитием человечества. Непосредственные же условия, приведшие к началу демографической революции, созрели в процессе разложения феодального общества в Западной Европе. Эта революция – один из многих переворотов, происходивших на протяжении последних столетий, тесно взаимодействовавших между собой и имевших одну общую исходную основу – развитие капиталистического способа производства.

Становление капитализма было обусловлено прежде всего развитием производительных сил. Прогрессивные изменения в агротехнике, развитие торговли и промышленности, успехи мо-

⁸ Этот термин кажется нам более точным, чем введенный А. Ландри и широко распространенный (в том числе и в советской литературе) термин “примитивный тип воспроизводства населения”, которым пользовался ранее и автор настоящей книги.

реплавления, накопление естественнонаучных знаний – все это шаг за шагом подводило к возникновению нового, невиданного ранее типа производства. Однако чтобы капитализм победил, одних только изменений непосредственно в производстве было недостаточно. Должна была произойти цепная реакция, которая распространилась на все стороны жизни общества и постепенно привела к созданию совершенно новой культуры и нового человека.

Подобная смена экономического базиса и политической, идеологической и других надстроек происходила и раньше, в частности при замене рабовладельческого способа производства феодальным. Однако переворот, связанный с утверждением капитализма, был во многих отношениях более глубоким. Он знаменовал конец аграрной экономики как основы хозяйственной жизни человека и замену ее промышленной экономикой. Это в свою очередь означало огромное скачкообразное расширение материально-технической базы развития человеческого общества и вело к кардинальным переменам в общественных отношениях.

Переворот в экономических и социальных условиях жизни человечества начался в Западной Европе примерно в середине нашего тысячелетия. Революции в торговле, в науке, в сельском хозяйстве, в промышленности, наконец, политические революции, приведшие буржуазию к политической власти везде, где она до этого победила экономически, на протяжении столетий разрушали старую хозяйственную систему, старую социальную структуру, старую идеологию, отделяя все большую часть населения “от земледелия и от связанных с этим последним вековых традиций патриархальной жизни” [8: 541]. Узость производственной базы, на которой покоилась аграрная экономика докапиталистических обществ, была преодолена. Новые знания и новая техника, все время совершенствуясь, давали в руки людям все более мощные и экономически эффективные орудия и средства сознательного контроля над неподвластными ему ранее стихийными силами природы. В конечном счете, все эти изменения необратимо нарушили старое демографическое равновесие и привели к замене его новым.

Далеко не всякий переворот в социально-экономической сфере способен подорвать демографическое равновесие. Надо, чтобы был непосредственно затронут “демографический блок” социальной системы, нарушена его внутренняя согласованность, единство рождаемости и смертности. Этого, по-видимому, не было никогда за всю историю аграрных обществ, даже крушение Римской империи и возникновение на ее обломках европейского

феодализма не внесло принципиальных изменений в ход демографических процессов. Но теперь такие изменения произошли. Как будет показано в следующей главе, в XVIII–XIX вв. социально-экономическое развитие привело к коренному изменению причин смерти, а тем самым и к ее резкому снижению, в результате чего и нарушилось демографическое равновесие.

Само по себе нарушение равновесия еще ни о чем не говорит, демографический гомеостазис заключается не в том, что равновесие никогда не нарушается, а в том, что, в случае его нарушения, социальная система стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Важно то, как происходит такое восстановление.

Если допустить, что снижение смертности произошло при неизменности прочих (демографических, экономических, социальных и т.п.) условий, то оно привело бы к очень быстрому росту населения. Следствием такого роста населения, скажем, в средневековой Европе была бы неминуемая катастрофа. С одной стороны, быстро растущее население невозможно было бы просто прокормить в условиях аграрной экономики и застойной техники. С другой стороны, у средневекового общества не было таких мощных внутренних мотивов развития (например, таких, каким стало впоследствии стремление капитала к самовозрастанию), которые могли бы сыграть роль целевой доминанты в процессе оптимизации функционирования всей социальной системы с учетом новых условий смертности и вызвать прекращение роста населения путем соответствующих изменений в рождаемости. Поэтому рост населения продолжался бы до тех пор, пока нехватка продовольствия и ухудшение санитарных условий из-за растущей скученности населения и неумения оздоровить среду обитания не привели бы к грандиозным вспышкам голода и эпидемий и к возвращению смертности на прежний очень высокий уровень. Демографическое равновесие было бы восстановлено, но это было бы прежнее равновесие, существовавшее до снижения смертности, причем, что важно подчеркнуть, качественно прежнее, по структуре своей соответствующее оставшимся неизменными экономическим и социальным условиям.

Другое дело, когда смертность снижается в процессе развития капитализма. Здесь создаются совершенно иные условия восстановления нарушенного равновесия и его постоянного поддержания. И дело не в том, как иногда думают, что теперь колоссально развившиеся производительные силы позволяют обеспечить средствами существования сколь угодно большое население – это как раз, вероятно, не так, особенно если учесть, что речь должна идти не о простом прокормлении, а об обеспечении гораздо более высокого, чем прежде, качества жизни миллионам

людей. Но уже при капитализме у господствующего класса появляется главная цель, которая низводит все остальные цели до положения средств, способствующих достижению этой главной. Стремление к получению как можно большей прибыли и к непрерывному накоплению капитала как целевая доминанта капиталистического общества предполагает, что воспроизводство населения должно быть таким, которое наилучшим образом соответствует достижению этой цели. Если бы она была достижима вообще без людей, то, может быть, воспроизводство населения вообще прекратилось бы. Но так как в действительности без людей никакое производство и никакое общество существовать не может, то и при капитализме должна надежно обеспечиваться непрерывность продолжения человеческого рода. Однако, коль скоро это требование соблюдено, продолжение рода должно занимать в жизни общества как можно меньше места, чтобы не отвлекать его внимание, время, ресурсы от его главной функции – накопления капитала.

Капитализм, таким образом, требует свести уровень воспроизводства населения к его нижней допустимой границе – почти до простого воспроизводства – но не путем возврата к прежней смертности. Новая смертность – порождение новых условий жизни, без которых немислимо само капиталистическое общество. Капитализм создает иной путь – путь приспособления характера и уровня рождаемости к изменившимся характеру и уровню смертности. В результате складывается новое демографическое равновесие, качественно новое. Многие количественные его характеристики могут оставаться прежними (и, скорее всего, должны оставаться прежними). Скажем, темп роста населения или значения нетто-коэффициента воспроизводства могут и при старом и при новом демографическом равновесии колебаться в одних и тех же пределах. Но структура этого равновесия, пути, которые ведут к его установлению, – совершенно иные, чем прежде, они соответствуют новым экономическим условиям, более того, они детерминированы ими.

Переход к индустриальной экономике изменил не только условия демографического равновесия, но и механизм его поддержания. Старый демографический механизм был пригоден в традиционном обществе, где вся система поведения человека была ориентирована на слепое повторение заданных образцов. Но новое время создало новый исторический тип личности, нового человека, в поведении которого оказались так или иначе отражены и запечатлены главные черты новых общественных отношений. “В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от естественных связей и т.д., кото-

рые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного ограниченного человеческого конгломерата” [15: 709]. Человек впервые оказывается способным вести себя не в соответствии с жесткой программой, не как несамостоятельная частица муравейника или пчелиного роя, а реагируя непосредственно на все внешние воздействия, вытекающие из функционирования общества. Более того, теперь он не может вести себя иначе. Впервые “различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей, как внешняя необходимость” [15: 710]. Взаимодействие индивидуума с общественной средой стало более сложным и более гибким, потенциально многовариантным, основанным на относительной свободе индивидуального выбора.

Отсутствие разделения труда и торговли, экономическая, культурная и территориальная замкнутость – характерные черты жизни большинства населения традиционного общества. Перед человеком не было никакого выбора, никакого пути – экономического, социального, культурного – отличного от пути отцов и дедов. Развитие капитализма подорвало материальные и социальные основы, на которых держалась ненужность выбора в прошлые эпохи. Оно несло с собой невиданную ранее дифференциацию человеческой деятельности, сфер приложения и характера труда, типов расселения, образа жизни, культурных стандартов и т.д. Оно породило огромное многообразие и доступность материальных и духовных благ, ранее неизвестных или мало кому доступных, что вело, в свою очередь, к непрерывному возникновению и развитию разносторонних потребностей, которых люди не знали раньше, и, в значительной степени, делало эти потребности удовлетворимыми. Оно создало мир, который был во многом прямо противоположен прежнему, качественно ограниченному миру – миру узких материальных возможностей, неразвитых общественных и индивидуальных потребностей, миру канонизированного и строго регламентированного поведения. Теперь каждому решению, каждому поступку должен предшествовать выбор одной из многих конкурирующих между собой возможностей, для отдельного человека и для всего общества должна существовать определенная свобода выбора.

Утверждение такой свободы во всех областях человеческой жизни полностью соответствует логике исторического развития капитализма. Капиталистическое производство, «превратив все в товары..., уничтожило все исконные, сохранившиеся от прошлого отношения, на место унаследованных обычаев, исторического права оно поставило куплю и продажу, “свободный” договор. Но заключать договоры могут люди, которые в состоянии свободно

располагать своей личностью, поступками и имуществом и равноправны по отношению друг к другу. Создание таких “свободных” и “равных” людей именно и было одним из главнейших дел капиталистического производства» [31: 82]. “Свобода выбора” утверждается не только в экономических отношениях, но распространяется на все стороны жизни людей: “право свободного личного выбора бесцеремонно вторгалось в сферу церкви и религии” [31: 83]; была признана известная степень свободы выбора в области брака [31: 82] и т. д.

Но человек, которому приходится делать выбор, не может в своих поступках ориентироваться на окаменевшие нормы поведения, не считающиеся с возможными изменениями внешних условий. Поведение, основанное на непреложном следовании традиционному образцу, уступает место поведению, в основе которого лежит рациональная мотивация каждого поступка.

А поскольку такая смена типа поведения происходит во всех сферах человеческой жизни, постольку традиционное поведение не может сохранить свое былое значение и в демографической сфере. И здесь все большее место занимает рационально мотивированное поведение, сознательно ориентированное на достижение тех или иных, тоже рационально осмысленных целей. В последующих главах этой книги (см., в частности, 4.3) мы попытаемся показать, как такое поведение, на первый взгляд, совершенно не учитывающее общих интересов, может все-таки лежать в основе гомеостатического регулирования демографического процесса и обеспечивать поддержание демографического равновесия. Сейчас заметим только, что индивидуальную свободу выбора целей, равно как и средств для их достижения, не следует понимать в том смысле, что каждый может делать и делает, что хочет. Обстоятельства могут диктовать и, как правило, диктуют необходимость того или иного выбора, но эта необходимость не такая жесткая, как прежде, и, главное, смысл влияния внешних обстоятельств осознается, тогда как в традиционном каноне никто и не ищет рационального смысла.

Таким образом, с переходом к индустриальной экономике были подорваны условия старого демографического равновесия, разрушен старый демографический механизм и сложились новое демографическое равновесие и новый демографический механизм. Этот переворот, в ходе которого демографические процессы сложно взаимодействовали с социально-экономическими, а также между собой, и составляет содержание второй демографической революции. Ее результатом было возникновение нового

исторического типа воспроизводства населения, который мы, за неимением более удачного термина, будем называть *современным*⁹, или *рациональным*. Последующие главы посвящены подробному рассмотрению того, как происходило становление нового типа воспроизводства населения.

1.7. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Размножение животных совершается по естественным законам, размножение людей – воспроизводство населения – социально управляемый процесс. Воспроизводство населения всегда представляет собой диалектическое единство рождаемости и смертности. Основные черты рождаемости, смертности, а значит, и воспроизводства в целом детерминированы объективными условиями демографического равновесия и демографическим механизмом, с помощью которого это равновесие поддерживается. Демографическое равновесие и демографический механизм меняются на протяжении истории. В своем единстве они определяют исторический тип воспроизводства населения.

При всем многообразии конкретных условий, в которых протекало воспроизводство населения в разные исторические эпохи, пестроте регулирующих его социально-культурных норм и довольно широком диапазоне количественных характеристик этого процесса можно выделить три основных исторических типа воспроизводства населения.

Первый из них – исходный тип человеческого размножения, который мы предлагаем называть архетипом воспроизводства населения. Он характерен для доклассового общества, живущего в условиях присваивающей экономики. На этой стадии человеческой истории размножение людей находится уже под социальным контролем, но сфера действия последнего сильно ограничена, демографический механизм приводит воспроизводство населения в соответствие с возможностями естественных экологических систем, к которым все еще принадлежат первобытные человеческие популяции.

В результате первой демографической революции на смену архетипу приходит второй исторический тип воспроизводства – традиционный. Он господствует в доиндустриальных обществах, хозяйственную основу которых составляет аграрная экономика. Возникновение и развитие сельского хозяйства и основанных на

⁹ Этот термин принадлежит А. Ландри [39–47]

нем экономики и форм общественной жизни существенно изменили условия рождаемости и смертности людей, резко увеличили возможности роста населения и в то же время сделали более многочисленное население необходимым, что и вызвало к жизни традиционный тип воспроизводства населения и обеспечило его сохранение до тех пор, пока сохранялась доминирующая роль аграрной экономики.

Наконец, современный, или рациональный, тип воспроизводства возникает в связи с новым скачком в развитии производительных сил, с превращением преимущественно аграрной экономики в преимущественно индустриальную. Этот скачок создает материальную основу новых условий демографического равновесия и требует приведения демографического механизма в соответствие с ними.

Переход от традиционного типа воспроизводства населения к его современному типу составляет содержание второй демографической революции, рассмотрению которой посвящены следующие главы этой книги.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТИПА СМЕРТНОСТИ

2.1. СУЩНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА В СМЕРТНОСТИ

Смертность современного типа, характерная сегодня для всех экономически развитых стран и все более распространяющаяся по всему земному шару, еще совсем недавно не была известна нигде в мире. Она – результат важнейшего демографического переворота, который назревал на протяжении нескольких столетий, начался примерно в середине прошлого века и не завершился на большей части территории Земли еще и теперь

Сущность переворота в смертности заключается в коренном изменении структуры причин, от которых умирают люди. До переворота подавляющее большинство людей умирало от причин, связанных с внешними условиями жизни, – от голода или неправильного питания, эпидемий, инфекционных или паразитарных заболеваний, от туберкулеза, насильственной смерти и т.п. Все эти так называемые *экзогенные* причины смерти – внешние с точки зрения естественных процессов, происходящих в человеческом теле, не имманентны развивающемуся организму и не связаны с его врожденными пороками.

Две важнейшие черты характерны для экзогенной смертности. С одной стороны, эта смертность наиболее опасна, потому что она затрагивает людей во всех возрастах, в том числе и тогда, когда потенциальная жизнеспособность организма далеко не исчерпана, особенно же, когда организм еще не окреп – в младенческом и детском возрастах. Следовательно, экзогенная смертность *преждевременна*. С другой стороны, раз экзогенная смертность не вытекает из самого развития организма человека, его можно, в принципе, оградить от этой смертности, преобразовав материальные и социальные условия его существования. Иными словами, экзогенная смертность *устранима*.

Однако устранение экзогенной смертности отнюдь не означает устранения смертности вообще. Бессмертия не существует.

Максимальная продолжительность индивидуальной жизни, свойственная человеческому виду, обусловлена биологически и составляет примерно 100 лет или несколько больше¹. В каких бы условиях ни происходило развитие человеческого организма, в конце концов приходит старость (если жизнь не оборвалась до ее наступления), жизнеспособность организма исчерпывается, что и приводит к его неизбежной гибели. Старение – естественный этап развития организма, оно внутренне обусловлено, *эндогенно*. Правда, сами процессы старения, при всей их эндогенности, не совсем независимы от влияния внешних факторов: характера и условий труда, образа жизни, среды обитания и т.п. Эти факторы, имеющие в основном социальную природу, могут до известной степени замедлять или, наоборот, ускорять сам процесс старения, несколько корректируя его биологическую программу. Но в целом, как отмечает В И Давыдовский, было бы неверно утверждать, что социальные условия – ведущий фактор геронтогенеза человека, такое утверждение означало бы отрицание примата инволюционных процессов в ходе геронтогенеза, общих для всего живого [8 272]

Некоторое количество эндогенных смертей, не связанных со старением, а обусловленных какими-либо другими причинами (наследственными болезнями, врожденными пороками и т.п.), наступает в младших, часто в ранних детских возрастах. Те же эндогенные причины, которые связаны со старением, в условиях преобладания экзогенной смертности в большинстве случаев не успевают проявиться, потому что лишь небольшая доля родившихся доживает до пожилых и старческих возрастов. Но если экзогенная смертность сокращается, то на первое место выступают эндогенные причины смерти, связанные со старением.

Ведущие к смерти заболевания пожилых и старых людей могут быть самыми различными, но в настоящее время резко преобладают две группы заболеваний: сердечно-сосудистые болезни и злокачественные новообразования. В этих, так же как и в других болезнях пожилых и старых людей, переплетается влияние эндогенных факторов, таких, как естественный процесс снижения жизнеспособности организма или поздно проявляющиеся наследственные пороки, и экзогенных факторов – среды, условий работы, питания, отдыха и т.п. Но каково бы ни было влияние экзогенных факторов на заболеваемость и смертность в старших возрастах, если большинство смертей приходится на эти возраста, можно утверждать, что эндогенные процессы создают ту поч-

¹ Имеются разные оценки этой величины. В В Фролькис, например, оценивает ее в 120–130 лет (см [27 35])

ву для действия экзогенных факторов, без которой сами по себе эти факторы бессильны. В этом смысле сердечно-сосудистые и раковые заболевания могут рассматриваться как основные по преимуществу эндогенные причины смерти в противовес таким экзогенным ее причинам, как инфекционные заболевания, болезни органов дыхания, различного рода травмы и т.п.

Рассматриваемый в этой главе переход от традиционного типа смертности к современному заключается в том, что экзогенная смертность была поставлена под контроль, и люди стали умирать преимущественно от эндогенных причин. Принципиальное демографическое значение этих перемен определяется тем, что замена экзогенной смертности эндогенной тождественна замене смертности в ранних возрастах, особенно в младенческих и детских, смертностью в пожилых и старческих возрастах, а значит, равносильна увеличению средней продолжительности жизни.

2.2. СМЕРТНОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

Эффективный контроль над смертностью долго был недоступен человеку. Одно дело – теоретическая возможность устранения экзогенной смертности, другое – ее реальное устранение. На протяжении большей части человеческой истории такая смертность, неразрывно связанная с примитивными условиями существования людей, была практически неустранима.

Во всех традиционных аграрных обществах – и при азиатском, и при античном, и при феодальном способах производства – основная масса населения жила в условиях крайней бедности, бесправия и невежества, а для всего населения было характерно безоговорочное следование традиционному стереотипу. В этих обстоятельствах невозможны были никакие методы борьбы со смертностью, которые предполагали бы другие социальные условия (поскольку они были объективно невозможны) или требовали бы какого-либо избирательного индивидуального поведения со стороны каждого.

Разумеется, неолитическая революция создала возможности резкого усиления контроля людей над смертностью. Скачок в развитии производительных сил и переворот в экономических условиях жизни общества впервые в истории раздвинули узкие рамки, очерченные для роста населения самой природой, и уже одно это создало серьезные предпосылки снижения смертности. Реализации этих предпосылок должно было способствовать важнейшее социально-экономическое следствие возникновения аграрной экономики – появление прибавочного продукта, которое

привело к изменению экономической ценности человека. Человек стал экономически “рентабельным”, превратился в элемент богатства. Новая социально-экономическая ситуация должна была вести к формированию в обществе нового отношения к жизни и смерти людей, что, в соединении с изменившимися материальными условиями их жизни, могло иметь своим результатом расширение контроля над смертностью.

Речь, разумеется, идет не о какой-то системе мер, сознательно выработанных и кем-то внедряющихся. Основу расширения контроля над смертностью составлял просто возросший контроль людей над природными условиями и своим общественным бытием. Но этому соответствовала новая культура, новая этика, впитавшие в себя и новое отношение к человеческой жизни, которое постепенно было закреплено в разного рода законодательных актах, писаных и неписаных этических или религиозных правилах, регламентировавших отношения между людьми да и всю их жизнь вообще.

Значение контроля, установленного на этой стадии развития и бывшего для своего времени огромным шагом вперед, ни в каком случае не следует переоценивать. С точки зрения наших сегодняшних достижений, это – весьма примитивный контроль, он осуществлялся полусознательно и не мог быть ни последовательным, ни всеобъемлющим, ни достаточно эффективным, не мог полностью искоренить прежнее отношение к человеческой жизни. У всех народов надолго сохранились самые варварские обычаи доисторических времен (например, обычай детоубийства). Меры по контролю над смертностью простирались не дальше, чем это допускал антагонистический характер укрепляющегося классового общества с его жестокой эксплуатацией трудящихся масс, задавленных нуждой и тяжелейшим трудом. Невежественное, нищее и подневольное население не в состоянии было вести активную борьбу со смертностью. Да и уровень развития производительных сил обуславливал узость материально-технической базы, на которой могла вестись такая борьба.

Смертность традиционного типа складывалась из двух компонентов: из “нормальной” смертности, наблюдавшейся в относительно благоприятные периоды при отсутствии каких-либо пертурбационных событий, и катастрофической смертности, свойственной периодам особо неблагоприятным, годам “демографических кризисов”.

Катастрофические подъемы смертности были результатом отдельного или совместного действия трех губительных пертурбационных факторов: голода в неурожайные годы, эпидемий и войн.

Сельское хозяйство обеспечивало базу питания гораздо более многочисленного населения, чем собирательство, но в то же время оно ставило людей в полную зависимость от урожая возделываемых ими культур. Засухи, наводнения и другие неконтролируемые стихийные явления периодически приводили к гибели значительной части урожая, и тогда массы людей оказывались обреченными на голодную смерть. Вспышки голода иногда охватывали огромные территории, иногда – лишь отдельные районы той или иной страны, но в целом они повторялись с высокой частотой и регулярностью. В Китае, например, за 1800 лет (со 108 по 1911 г.) зарегистрировано 1829 таких более или менее локализованных вспышек [9: 58], иначе говоря, почти не было года, чтобы какая-либо часть этой огромной страны не страдала от острого голода. В Западной Европе с 1000 до 1855 г. отмечено 450 вспышек голода [48: 51]. На протяжении всей истории человечества неурожаи и голод неотвратимо вели к частым и резким подъемам смертности.

Второй главной причиной катастрофических подъемов смертности были эпидемии, косившие население мира на протяжении тысячелетий. Иногда они, подобно “Черной смерти” XIV в., охватывали целые континенты, иногда имели более ограниченное распространение. Как и голод, они были постоянными спутниками человечества на протяжении всей его истории. В нашем тысячелетии они оказывали огромное влияние на уровень смертности населения Европы. Чума, сыпной тиф, оспа и другие “моровые болезни” свирепствовали среди европейского населения, производя огромные опустошения, унося миллионы и миллионы жизней, охватывая огромные территории. “Не токмо во единой Руси бысть гнев божий мором, – повествует летопись об одной из эпидемий XIII в., – но и в Ляхах; тое же зимы и в Татарах изомре все, кони и скоте и овце, все изомре, не оставя ничежоже” (Цит. по: [5: 36]). Точное число жертв эпидемий, разумеется, неизвестно, но, судя по свидетельствам современников, относящимся к разным периодам и частям Европы, оно бывало огромным. Считают, например, что “Черная смерть” унесла не менее четверти населения Европы.

Наиболее острые демографические кризисы, наиболее крутые “пики” смертности в прошлом наблюдались в периоды совместного действия голода и эпидемий. Истощенное голодом население особенно легко становилось жертвой повальных болезней, которые в свою очередь вносили дезорганизацию в хозяйственную жизнь, приводили к ухудшению экономического положения, росту цен на хлеб и в конечном счете затрудняли преодоление голода.

К губительному влиянию голода и эпидемий присоединялось действие постоянно возникавших войн. Военные действия приводили не только к прямой гибели масс людей, участвовавших в сражениях (эти потери могли быть как раз не особенно большими), но неизбежно усугубляли действие факторов, вызывавших неурожаи, а значит, и голод, а концентрация войск в одном месте и их передвижения служили причинами возникновения и распространения эпидемий.

Резкие подъемы смертности во время демографических кризисов означали своего рода срывы контроля над смертностью, который в разной форме был установлен, вероятно, еще во времена неолита и расширения которого человечество медленно и постепенно добивалось на протяжении тысячелетий. Эти периодические срывы воскрешали жестокую действительность времен детства человечества. Человек опять оказывался бессильным перед лицом стихии, на время переставали действовать общепринятые социально-культурные нормы, жизнь человека теряла всякую цену, и даже людоедство порой вновь появлялось на исторической арене.

Такие срывы контроля над смертностью, систематические демографические кризисы были неотъемлемой чертой традиционного типа смертности. Но все же они представляли собой из ряда вон выходящие события, нарушавшие обычные, “нормальные” условия, в которых протекали демографические процессы, находившиеся под определенным социальным контролем.

В обычных условиях подавляющее большинство людей умирало не насильственной смертью и не от полного отсутствия средств существования, как это бывало в голодные годы. Главной причиной “нормальной” смертности были болезни, причем не “моровые” болезни, не эпидемии, которые возникали в одном месте, а затем распространялись на огромные территории, а болезни, ежедневно и ежечасно порождавшиеся самими условиями существования людей: плохим питанием, тяжелым трудом, антисанитарным состоянием жилищ, отсутствием правильных санитарно-гигиенических представлений и т.п.

Даже в относительно более благоприятные периоды, когда удовлетворительные урожаи позволяли избежать острого голода, питание людей всех прошлых эпох оставалось крайне неполноценным. Аграрная экономика, даже когда она обеспечивает достаточное количество продуктов питания (для большинства населения, как правило, – минимально достаточное), зачастую не может обеспечить необходимого разнообразия пищевого рациона, который оказывается плохо сбалансированным с точки зрения качественного состава, что приводит к различным видам скрытого голодания (белкового, минерального, витаминного).

Малое количество потребляемых продуктов питания в сочетании с их неудовлетворительным качеством означает хроническое недоедание, которое представляет собой постоянную черту питания большинства населения на протяжении тысячелетий. Хроническое недоедание – одно из главных препятствий повышения эффективности социального контроля над смертностью; оно подрывает здоровье людей, служит одной из причин огромной детской смертности и преждевременной смертности взрослых. Характеризуя роль голода в истории Китая, Жозуэ де Кастро пишет: “Не будет преувеличением сказать, что около 50% смертей в Китае прямо или косвенно вызывается хроническим недоеданием. Недоедание оказывает незаметное влияние на организм, ослабляя и доводя его до такого состояния, при котором теряется иммунитет к опасным заболеваниям... Во всякий данный период времени число жертв хронического недоедания, или эндемического голода, в десятки раз превышает число жертв во время всплеск стихийного, эпидемического голода” [9: 58] (речь идет о Китае до образования КНР).

Хроническое недоедание и несбалансированность пищевого рациона вызывают специфические болезни (квациоркор, пеллагра, рахит, цинга, бери-бери и др.), которые могут служить непосредственными причинами смерти, но, кроме того, они резко снижают сопротивляемость организма и делают человеческую жизнь легкой добычей таких опаснейших врагов, как малярия, туберкулез, тиф, детские инфекции и т.п.

Антисанитарные условия существования людей, связанные отчасти с чрезвычайно низким уровнем жизни большинства населения, отчасти с отсутствием правильных гигиенических представлений и навыков, также выступают в качестве одной из главных причин возникновения и распространения тяжелых, часто смертельных болезней. Скученность в тесных и непроветриваемых жилищах, грязь, непонимание необходимости или невозможность избежать контактов с заразными больными, использование зараженных продуктов питания и источников водоснабжения, неумение бороться с паразитами, попадающими к человеку из окружающей среды, в частности от домашних и диких животных, отсутствие культуры ухода за новорожденными – таков очень далекий от полноты перечень причин огромной распространенности желудочно-кишечных, венерических, детских инфекционных и других заболеваний. Если голод был уделом трудящихся, которые составляли большинство населения, то антисанитарные условия жизни были характерны для всех его слоев. Очень высокая смертность, в том числе детская, даже среди самых привилегированных групп населения, не страдавших от го-

лода и бедности, – свидетельство того, что неумение человека бороться за оздоровление макро- и микросреды, в которой он жил, было одним из главных оснований, на которых покоилось тысячелетнее господство традиционного типа смертности. К этому следует добавить, что человек не только не мог уберечься от болезней, но и не умел их лечить – до самого недавнего времени медицина была бессильна против большинства болезней, приводивших человека к смерти.

Вероятно, немалую долю в прошлом составляли насильственные смерти (помимо смертей во время военных действий). Жизнь рабов или крепостных находилась в полной зависимости от воли их владельцев, жизнью детей часто неограниченно распоряжались их родители, жизнью жен – мужа. Нравы были суровыми, а отношения между людьми – далеко не идиллическими, законы до известной степени охраняли человеческую жизнь, но нарушение законов само очень часто каралось смертью. В порядке вещей было разрешение спорных вопросов с помощью оружия. Явное или тайное детоубийство широко практиковалось у многих народов.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что социально-экономические и санитарно-гигиенические условия жизни людей во всех аграрных обществах позволяли лишь немногим из них доживать до того возраста, когда исчерпывалась естественная жизнеспособность человеческого организма. Большинство людей погибало от внешних причин, которые при других жизненных условиях могли бы быть устранены, смертность прошлых эпох была почти исключительно экзогенной.

Эта главная качественная особенность смертности традиционного типа предопределяла ее количественные характеристики, ее чрезвычайно высокий уровень и соответственно крайне низкую среднюю продолжительность жизни.

Приведем некоторые оценки средней продолжительности жизни (e_0) для различных эпох. Согласно палеодемографической таблице смертности, составленной Дж. Эйнжелом для жившего 5 тыс. лет назад неолитического населения в районе Хирокитии на Кипре, средняя продолжительность жизни составляла 22,1 года. Палеодемографические таблицы смертности, относящиеся к двум захоронениям бронзового века на территории современной Венгрии (Тишаполгар-Басатанья и Алсонеменди), дают e_0 , равное соответственно 36,4 и 28,9 года, причем авторы таблиц Д. Ачади и Я. Немешкери считают первую величину завышенной в силу неполного учета детских смертей и допускают ее корректировку в сторону уменьшения до 28–29 лет. Таблица смертности, построенная по материалам надписей на мумиях, собранным М. Омбером и

К. Прео и относящимся к Древнему Египту римского периода (III в. до н.э. – IV в. н.э.), дает e_0 , равное 28,7 года. Оценки средней продолжительности жизни по материалам надгробных надписей для различных провинций Римской империи, выполненные разными авторами, колеблются от 14,5 года для Лациума до 42,9 года (мужчины) и 40,7 года (женщины) для Африки. Палеодемографическая таблица смертности, составленная по материалам аваро-франкского могильника IX в., дает e_0 , равное 26,7 года. Согласно обобщенной палеодемографической модели Д. Ачади и Я. Немешкери, отражающей условия смертности населения средневековой Венгрии (X–XII вв.), $e_0 = 28,7$ года. По таблицам смертности Дж. Рассела для средневековой Англии (XIII–XV вв.), составленным по материалам регулярных посмертных записей (inquisitions post mortem), средняя продолжительность жизни колебалась в пределах от 17,3 года в 1346–1375 гг. (на этот период пришлось страшная эпидемия чумы – “Черная смерть”) до 35,3 года во второй половине XIII в. [30: 188, 203, 205, 220, 225–226, 250, 256, 276, 302, 308].

Все эти оценки можно рассматривать лишь как сугубо приближительные. Чтобы судить о смертности современных людей, демографы используют огромный массовый статистический материал, да и то нередко высказываются сомнения в точности и достоверности полученных результатов. Историческая же демография неизбежно имеет дело с крайне скудными, отрывочными, часто противоречивыми материалами. Сама возможность использования некоторых из приведенных выше оценок, в частности основанных на надгробных надписях, не раз ставилась под сомнение².

Тем не менее большое количество подобных историко-демографических оценок, накопленных к настоящему времени и, в известной степени, контролирующихся данными о смертности и продолжительности жизни современных населений, находящихся на ранних стадиях демографического развития, дает основания полагать, что во все предшествующие нашему времени эпохи смертность населения оставалась чрезвычайно высокой, а величина средней продолжительности жизни, как правило, колебалась в пределах от 20 до 30 лет и, во всяком случае, почти никогда не превышала 35 лет.

Второй важный вывод из историко-демографического анализа смертности заключается в том, что в динамике смертности на протяжении тысячелетий нельзя увидеть какой-либо определенной тенденции. В Европе XVII в. смертность была столь же высокой, а средняя продолжительность жизни – столь же низкой, как в Древнем Риме или в Древнем Египте.

² См., например [38: 327–329; 40: 245–264].

Несколько лет тому назад во Флоренции была найдена датированная 1526 г. таблица, содержащая “основанную на опыте оценку времени, которое людям предстоит прожить”, и оказавшаяся почти точной копией таблицы, составленной в начале III в. н.э. римским юристом Ульпианом, описанной Эмилием Мацером и включенной в Дигесты Юстиниана (VI в.). Эта таблица содержит, по-видимому, оценку медианной (вероятной) продолжительности жизни для различных возрастов (т.е. числа лет, в течение которых умрет половина лиц, доживших до данного возраста). Таблица Ульпиана, так же как и таблица, найденная во Флоренции, использовалась, вероятно, для практических целей (для исчисления размеров пожизненной ренты и т.п.) и потому должна была отражать – пусть и приблизительно – реальный процесс вымирания поколения. Ж. Дюпакье, воспользовавшись типовыми таблицами смертности С. Ледермана, аппроксимировал значение медианной продолжительности жизни из таблицы Ульпиана кривой, соответствующей таблице смертности со средней ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, равной 22,4 года [34: 1068].

Такой результат интересен сам по себе, но мы хотим подчеркнуть здесь в первую очередь то, что таблица Ульпиана, просуществовав более тысячи лет, не утратила своей пригодности для практических целей. Это говорит об отсутствии значительных изменений в смертности на протяжении всего этого времени.

О том же свидетельствуют и первые современные таблицы смертности, которые начали составляться с конца XVII в. Хотя они строились без знания возрастной структуры всего населения, что снижало их точность, они все же дают представление об уровне смертности того времени. Даже в XVIII в. показатели смертности не отличались принципиально от тех, которые, по имеющимся ретроспективным оценкам, наблюдались за тысячи лет до этого (табл. 2.2.1).

Даже у наиболее привилегированной части населения, например у высшей европейской аристократии, средняя продолжительность жизни к середине XVIII в. не достигала 35 лет, хотя у этих слоев населения смертность была наиболее близка к “нормальной”, потому что они не страдали от голода и, по-видимому, в наименьшей степени страдали от эпидемий (табл. 2.2.2).

Таким образом, в течение по крайней мере нескольких тысячелетий в мире существовал один и тот же традиционный тип смертности, который характеризовался огромным преобладанием экзогенных причин смерти и вытекающими из этого

**Средняя продолжительность предстоящей жизни
при рождении по первым таблицам смертности**

	Период таблицы	Средняя про должительность жизни, в годах
Таблица Галлея для Бреслау	1687–1691	33,5
Таблица Прайса для Нортгемптона	1735–1780	30
Таблица Бартона для части Филадельфии	1782	25
Таблица Вигглсворта для Массачусетса и Нью-Гемпшира	до 1789	35,5
Таблица Морга для Монпелье	1772–1792	23,37 (мужчины) 27,35 (женщины)
Таблица Дювийера для различных час- тей Франции	до 1789	28,76

Источник [33 35]

Таблица 2.2 2

**Средняя продолжительность жизни в английских королевских
и герцогских семьях (в годах)**

Поколения родив- шихся в годы	Для всех умерших		Для умерших насильственной смертью	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1330–1479	24,0	32,9	31,0	33,0
1480–1679	27,0	33,1	30,1	33,9
1680–1729	33,0	33,6	34,7	33,7

Источник [39 358 – 359]

чрезвычайно быстрым вымиранием поколений и очень низкой средней продолжительностью жизни. Традиционный тип смертности был неразрывно связан с условиями жизни людей в аграрных обществах. Теперь мы попытаемся показать, что исчезновение этих обществ сделало необходимым исчезновение сложившегося на их базе типа смертности и одновременно создало предпосылки возникновения ее нового исторического типа.

2.3. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОРОТА В СТРУКТУРЕ ПРИЧИН СМЕРТИ

Развитие капитализма на протяжении нескольких столетий после Великих географических открытий изменяло как материальные условия существования европейского общества, так и характер социальных отношений внутри него, создавая тем самым предпосылки перемен в типе смертности. Но только появление на исторической сцене промышленного капитализма создало необходимые материальные, культурные и социальные предпосылки для глубокой перестройки причин смерти людей. С этого момента и начался, собственно, переворот в смертности, смена ее исторического типа, которая в мировых масштабах продолжается еще и сегодня.

В развитых западных странах смертность нового типа имеет самую долгую историю, и в них существует самая ранняя статистика смертности. Поэтому возникновение и утверждение нового типа смертности с наибольшей полнотой может быть рассмотрено на примере именно этих стран.

Условия смены исторического типа смертности, создаваемые капитализмом, крайне противоречивы. Хотя рост богатства капиталистического общества, его промышленность и наука все время создают новые огромные возможности расширения контроля человека над враждебными ему факторами среды и снижения экзогенной смертности, использование этих возможностей вовсе не есть что-то само собой разумеющееся. Социальные цели и приоритеты капитализма таковы, что многие пути борьбы со смертностью оказываются неиспользованными, элементы контроля над неблагоприятным воздействием среды сочетаются с бесконтрольной, вредной для здоровья и жизни человека ее эксплуатацией, а успехи в деле продления человеческой жизни нередко сменяются попятным движением.

Но и при капитализме условия жизни большинства населения складываются не произвольно, а отражают объективные закономерности развития этого противоречивого общественного строя. Сам рост производительных сил, развитие агротехники, промышленности, торговли, городов, путей сообщения, а позднее и прогресс науки вели к беспрецедентно быстрому росту богатства общества, а тем самым расширяли его возможности в борьбе со смертью. Разумеется, в действительности реализация этих возможностей очень сильно ограничивалась антагонистическим характером общества и неравным распределением богатств, жестокой эксплуатацией трудящихся. Однако всегда существует некоторая граница, которая не может быть

перейдена даже при самом сильном давлении капитала на условия жизни трудящихся без того, чтобы под угрозой не оказалось само существование капитализма. С одной стороны, эта граница определяется борьбой трудящихся за свои жизненные права. С другой же стороны, само развитие капитализма предъявляет такие требования к количеству, качеству, воспроизводству и сохранности рабочей силы, которые заставляют все время пересматривать стандарты “минимально допустимых” жизненных условий в сторону их повышения.

Поэтому появляется на свет фабричное законодательство – “столь же необходимый продукт крупной промышленности, как хлопчатобумажная пряжа, сельфакторы и электрический телеграф” [15: 500] – которое ограничивает продолжительность рабочего дня, возраст начала трудовой деятельности, определенным образом регулирует условия труда и т.п. Поэтому буржуазное государство вынуждено до известной степени контролировать жилищные условия, заботиться о минимально необходимом оздоровлении городской среды, а затем и об охране природной среды вообще, о развитии медицины и здравоохранения. Поэтому на известном этапе обязательным становится всеобщее образование и повышение культурного уровня населения, что само по себе есть важное условие успешной борьбы со смертью.

Характеризуя социальные условия, в которых происходило становление нового типа смертности при капитализме, не следует забывать, что при всех своих отрицательных чертах этот строй был более высокой ступенью развития общества по сравнению с предшествующими. Капитализм принес с собой весьма радикальные изменения для своего времени, в целом прогрессивные, которые затронули не только материальные условия существования людей, но и их духовный облик.

Ф. Энгельс писал, что промышленная революция превратила Англию в страну “с трудолюбивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности и которое состоит из совершенно других классов, мало того – составляет совершенно другую нацию с другими нравами и с другими потребностями, чем раньше” [29: 256].

Все эти изменения не только материально, но и духовно подготовили население Западной Европы к наступлению на преждевременную смертность.

Человек традиционного общества не осознавал связи между высокой преждевременной смертностью и примитивными условиями своего существования по той простой причине, что он не представлял себе ни другой смертности, ни других усло-

вий существования. И то, и другое казалось ему данным от века, соответствующим раз и навсегда установленному божественному порядку. Сопряженное развитие производительных сил, общественных связей и индивидуального самосознания, о котором говорилось в первой главе, подорвало веру в неизбежность всего сущего, породило мир, в котором все менялось и каждое изменение влекло за собой множество других, пробудило веру человека в свои силы, в свою способность изменять мир в своих собственных целях.

В вопросах, касающихся охраны своего здоровья и своей жизни, так же как и во всех других, человек традиционного общества ведет себя неизбирательно. Он подчиняется некоторым переходящим из поколения в поколение и обязательным для всех правилам, регламентирующим, скажем, способы ухода за младенцами, особенности питания и т.п., не задавая себе вопроса о том, вредны они для здоровья или полезны. Среди этих правил могут быть и рациональные с точки зрения борьбы со смертностью, но каждый отдельный человек выполняет их, не осознавая их рационального смысла. Вот интересное свидетельство Дж. Неру, относящееся к современной Индии: “Идея обрядовой чистоты чрезвычайно сильна среди индусов... Но... стремление к чистоте не основано на науке, и человек, который купается дважды в день, будет не задумываясь пить грязную воду, зараженную микробами... Люди держат свой дом в относительной чистоте, но выкидывают все отбросы на деревенскую улицу, прямо перед домом соседа... Чистота соблюдается не ради нее самой, а в силу требования религии. Если это требование религии отпадает, уровень чистоплотности снижается” [20: 266–267].

Борьбу со смертью в традиционном обществе вел собирательный, коллективный человек. Охрана человеческой жизни – крайне несовершенная – была функцией общества в целом, осуществлялась через посредство определенных социальных институтов (например, церкви, освящавшей те или иные нормы поведения авторитетом религии), индивидуум же оставался пассивным. По словам известного русского гигиениста Г.В. Хлопина, “сознание, что здоровье есть общественное благо, подлежащее защите общества или государства, явилось прежде, чем каждый член общества из развитого чувства самосохранения научился ценить здоровье для себя лично” [28: 4].

На протяжении истории господствовала “идея, что здоровье граждан есть общественное достояние, и забота о нем должна лежать на государстве” [28: 7]. Современному человеку трудно понять смысл различия, проводимого между коллективной и индивидуальной заботой о здоровье человека, и даже известное про-

тивопоставление одного другому. Но на определенном этапе исторического развития такое противопоставление было оправдано. Понадобилась сила исторического процесса, чтобы человек получил объективную возможность бороться за свою собственную жизнь или за жизнь своих детей и осознал ее. Всего два столетия назад знаменитый энциклопедист Ж. Даламбер писал по поводу инокуляции оспы: “Слишком смешивают интерес, который может видеть в инокуляции государство в целом, с интересом, который могут в ней найти частные лица... В то время как для каждого индивидуума на первом месте стоят интересы личного самосохранения, государство, напротив, рассматривает граждан, не делая между ними различия. Когда оно жертвует одного из 5, его мало интересуется, кто именно будет этой жертвой, лишь бы остальные четверо были сохранены. Но я спрашиваю, вправе ли какой-либо законодатель обязать граждан инокулироваться, исходя из предположения (столь выгодного для государства), что один из пяти погибнет, а четверым, которые избегают смерти, будет обеспечена жизнь до ста лет?” [32: 37–38].

Иногда Ж. Даламбера критикуют за содержащееся в этих словах противопоставление индивидуума и общества (См. [23: 212]. Даламбер спорил с Д. Бернулли, доказывавшим полезность инокуляции оспы, и в этом споре был неправ. Но цитированные слова могут рассматриваться в более широком, выходящем за рамки этого спора историческом контексте. Пафос противопоставления Даламбера заключается, как нам кажется, в стремлении подчеркнуть неограниченное право индивидуума самому решать свою судьбу.

До тех пор пока человек считает, что его судьба решается на небесах, а свое земное существование рассматривает лишь как временное пребывание в юдоли скорби, успешная борьба со смертностью невозможна. Необходимо было преодолеть пассивность индивидуума перед лицом смерти, неверие в возможность спасти каждую отдельную жизнь, провозгласить человеческую жизнь высшей ценностью и бросить вызов божественному промыслу. Это и стало возможным благодаря формированию нового духовного облика европейского населения, благодаря проникновению в сознание европейского общества революционных, гуманистических и атеистических идей, которое началось еще в эпоху Возрождения и резко усилилось в период решительной борьбы с силами феодализма.

Таков тот социальный фон, на котором происходили великие изменения соотношения сил человека и смерти.

В самих этих изменениях можно выделить два этапа. Вначале удалось поставить под контроль только причины экстраординар-

ной, катастрофической смертности, ограничить губительное действие демографических кризисов. Это – предыстория перехода к новому типу смертности. На втором же этапе произошла коренная перестройка структуры причин смерти, действующих в “нормальных” условиях, совершился переворот, приведший к полной замене традиционной смертности смертностью нового типа.

2.4. ОГРАНИЧЕНИЕ КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ СМЕРТНОСТИ

Традиционный тип смертности безраздельно господствовал во всем мире вплоть до XVIII в. Несмотря на немалый экономический, социальный и культурный прогресс, достигнутый к этому времени шедшими по капиталистическому пути странами Западной Европы, и здесь люди все еще оставались бессильными перед лицом смерти. По замечанию А. Сови, XVII в. “благоприятствовал некоторым незначительным улучшениям. Но как в отношении нормальной смертности, так и в отношении исключительной сверхсмертности это столетие, в котором было столько блеска, оставалось удивительно мрачным” [45: 4]. До исторического переворота в смертности оставалось совсем недолго, но, по словам французского историка П. Губера, «люди до 1740 г. и особенно люди классического XVII в., которые постоянно трепетали перед тремя традиционными и почти каноническими бедствиями – “*A peste, fame et bello, libera nos Domine*”, – эти люди не представляли себе, не могли вообразить подобных изменений, подобной “революции”» [35: 106]. И лишь примерно с середины XVIII в. население Западной Европы ощутило ветер надвигающихся перемен.

Именно в этот период началась та глубокая трансформация структуры причин смерти, которая привела в конечном счете к возникновению совершенно нового типа смертности. В первую очередь обращает на себя внимание ослабление силы причин, вызывавших катастрофическую смертность в периоды демографических кризисов – голода и эпидемий.

Голод отступал медленно. “Вспышки голода потрясали Европу весь XVIII в., и во второй половине этого века казалось, что все враждебные силы без исключения сговорились удерживать этот континент в состоянии хронического голодания”, – пишет Жозуэ де Кастро [9: 295]. Даже и XIX в. не был полностью свободен от вспышек смертоносного голода. В конце 40-х годов в результате неурожая картофеля в Ирландии голодной смертью погиб миллион человек, а еще большее количество ирландцев, гонимых голодом, эмигрировали из страны.

Но все же развитие производительных сил и постепенный рост капиталистических отношений, по-видимому, не могли не оказать влияния на питание населения. Вспышки голода стали повторяться реже, и сила их понемногу ослабевала. Этому способствовали, в частности, совершенствование методов ведения сельского хозяйства (переход от трехполья к более интенсивной плодосменной системе, заготовка на зиму корма для скота, большую часть которого еще в конце XVII в. просто забивали осенью, и т.п.), развитие торговли и средств сообщения (в средневековой Европе отдельные районы были почти не связаны друг с другом, и если в каком-нибудь из них производство продовольствия почему-либо сокращалось, помощи ждать было неоткуда) и т.д. Роль голода и хронического недоедания как причин высокой смертности начала идти на убыль.

Эпидемии также долго сохраняли свою грозную силу. Даже в XVIII в. Европа знала три крупные вспышки чумы: в 1720, 1743 и 1759 гг. и несколько более мелких. Страшным бичом в Европе в XVIII в. была оспа. Современники считали, что среди достигших 30-летнего возраста почти не было людей, не перенесших оспы, причем из заболевших оспой умирал каждый седьмой или восьмой, а среди маленьких детей – каждый третий [23: 256–257]. Немалые опустошения производили эпидемии тифа. В Скандинавских странах, например, во второй половине XVIII в. ежегодно оспой и тифом было обусловлено не менее 10% всех смертей, а в каждом втором году на долю этих болезней приходилось, по крайней мере, 20% всех смертей [48: 52].

Но все-таки к XVIII в. произошли некоторые изменения, появилось лучшее понимание природы эпидемий, характера их распространения, и люди научились если не бороться с ними, то по крайней мере принимать некоторые меры предосторожности, в частности, устанавливать карантин, изолировать заболевших и т.п. Были предприняты первые попытки международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями (в 1792 г. был создан первый международный карантинный совет в Танжере), сказались и результаты общего экономического и культурного развития европейского общества. Наконец, не исключено, что, как полагают некоторые исследователи, определенную роль сыграли “естественные” факторы: ослабление вирулентности возбудителей некоторых болезней, не связанное с совершившимися в обществе изменениями, а происшедшее потому, что вирулентность микроорганизмов вообще подвержена колебаниям [42].

Правда, если последний фактор вообще может иметь значение, то его действие должно было обнаруживаться и в другие исторические периоды. Так, возможно, и было на самом деле. Пола-

гают, в частности, что действием этого фактора могут быть объяснены два демографических подъема в Европе в нашем тысячелетии – с середины XI до конца XIII в. и с середины XV до конца XVI в. Не исключено, что такой же подъем, связанный со снижением смертности под действием “естественных” факторов, происходил и в XVIII в., вначале независимо от влияния социально-экономических изменений. Впоследствии, однако, это влияние присоединилось к действию “естественных” факторов, оказавшись гораздо более мощным, так что начавшееся снижение смертности не сменилось ее новым повышением, как это бывало прежде, а приобрело устойчивый и необратимый характер [37: 86].

Так или иначе, но население Европы уже не становится такой легкой добычей эпидемий, какой оно было в прошлые века. “В XVII в. исчезает проказа... Сифилис, после периода страшного усиления в конце XV и в начале XVI в., теряет свой эпидемический характер. В XVIII в. уменьшаются эпидемии кровавого поноса, до того производившие огромные опустошения” [13: 14]. Чума “перестает уже играть в жизни общества ту страшную роль, которая была ей присвоена в XIV–XVI, даже в XVII веках” [5: 81]. На протяжении XVIII в. распространяется, по крайней мере, среди некоторых слоев населения инокуляция оспы (прививка здоровым человеческой оспы, что создавало риск тяжелого заболевания и даже смерти от оспы, но у большинства инокулированных приводило к выработке пожизненного иммунитета).

В то время как отступление голода и эпидемий несло с собой снижение катастрофической смертности, третья ее причина – войны – только набирала силу. Боевые действия в прошлом были не столь кровопролитны, как в XIX в. и особенно в XX в., но все же военные потери были не такими незначительными, чтобы ими можно было пренебречь, и к XVIII в. они сильно возросли. Так, по оценке Б.Ц. Урланиса, потери армий в Европе за весь XVI в. исчислялись сотнями тысяч человек, в XVII в. составили 3,3 млн человек, в XVIII в. – 5,4 млн человек [26: 42, 404]. Кроме того, возросшие масштабы военных действий не могли не сказаться отрицательно на экономике европейских стран.

И все же суммарное действие причин катастрофической смертности к XVIII в. явно ослабело, и их роль среди других причин смерти стала гораздо более скромной. В результате в Западной Европе почти прекратились кризисные подъемы смертности. Впервые в истории человечества катастрофическая, экстраординарная смертность была поставлена под контроль. Разумеется, это был еще весьма несовершенный контроль, но все-таки он стал главным фактором начавшегося в ряде западноевропейских стран снижения смертности. «В XVIII в. “пики” смертности

почти исчезают: срезанием этих “пиков” и объясняется падение смертности» [25: 228], “все материалы по всем странам и городам показывают падение ее в XVIII в.” [25: 227], отступление смерти во второй половине XVIII в. не вызывает сомнений.

Ограничение действия причин катастрофической смертности еще не дает оснований говорить о появлении на исторической арене принципиально нового типа смертности. В нормальные, некризисные периоды люди продолжали умирать по законам, присущим традиционному типу смертности. Но демографические кризисы, сопровождающиеся катастрофическими подъемами смертности, – неотъемлемая черта традиционного типа смертности. Коль скоро они прекращаются, уже нельзя считать, что этот тип смертности сохраняется в неизменном виде. Поэтому в устранении систематических “пиков” смертности можно видеть первый шаг к устранению самого традиционного типа смертности.

2.5. ПЕРЕВОРОТ В СТРУКТУРЕ ПРИЧИН СМЕРТИ

Можно думать, что уже в XVIII в., когда впервые было значительно ограничено действие причин катастрофической смертности, намечались и первые перемены в структуре причин “нормальной” смертности в спокойные, некризисные годы. Они должны были естественно вытекать из всех перемен в экономических и социальных условиях жизни западноевропейского общества, которые к XVIII в. стали уже достаточно ощутимыми. Мы не располагаем данными о структуре причин смерти до середины XIX в., но знаем, что еще и к этому времени смертность оставалась преимущественно экзогенной. Следовательно, те перемены в соотношении причин смерти, которые могли совершиться в XVIII в., а до этого и подавно, могли быть очень небольшими, не менявшими сущности типа смертности. Тем не менее они медленно и постепенно подводили к качественному скачку, к возникновению нового исторического типа смертности.

Этот скачок начался примерно в середине XIX в., в период, когда к действию общих социально-экономических факторов, порожденных развитием буржуазного общества, добавилось действие некоторых специфических факторов, влияющих на здоровье и длительность жизни людей непосредственно и даже, до известной степени, независимо от уровня их благосостояния. Речь идет прежде всего о новых санитарно-гигиенических условиях и новой роли медицины, вытекавших из особенностей развития промышленного капитализма и связанного с ним научно-технического и культурного прогресса.

В XIX столетии ускорились начавшиеся еще в XVII–XVIII вв. изменения в личной гигиене. Поддержание чистоты тела, одежды или посуды, элементарная гигиена питания, умение бороться с насекомыми-паразитами и тому подобные вполне обычные в наше время вещи очень молоды. Еще в начале XVII в. англичанин Т. Кориат, путешествуя по Италии, был поражен тем, что “итальянцев нельзя заставить есть руками: они исходят как бы из того, что не у всех руки чисты” [13: 26]. На протяжении XVII–XVIII вв. обычаи не есть руками, ежедневно умываться, менять белье и другие постепенно распространялись среди богатой части населения европейских стран, но только в XIX в. они стали прочно входить в быт народа. Этому способствовали, с одной стороны, преодоление замкнутости сельской жизни и ускорившееся распространение новых культурных навыков, с другой – серийное производство более рациональной и гигиеничной одежды, дешевых товаров массового потребления (белья, посуды), доступных гигиенических средств (мыла и пр.), медикаментов и т. п.

XIX в. был периодом стремительного роста крупных городов, которые, при прежнем уровне требований к коммунальной гигиене, должны были бы превратиться в опаснейшие очаги эпидемий. Однако новые экономические и технические возможности позволили в значительной степени нейтрализовать эту опасность. Развитие крупной промышленности сделало возможным техническое переустройство жизни людей, строительство более благоустроенных жилищ, развитие санитарной техники и оздоровление населенных мест. Уже в начале XIX в. стали осуществляться первые мероприятия по реконструкции городов, созданию централизованных систем водоснабжения, канализации, очистки. Впоследствии они принесли плоды в виде резкого сокращения смертности от таких болезней, как сыпной тиф, чума, холера, дизентерия и другие желудочные заболевания. Большое значение имели новые методы обеззараживания питьевой воды, стерилизации пищевых продуктов, отопления и освещения жилищ и производственных помещений, постепенное изменение условий труда, развитие техники безопасности и т.д.

Огромную роль в борьбе с экзогенной смертностью сыграл прогресс медицины, который в значительной степени базировался на связанных с развитием промышленности успехах химии и биологии. Еще в конце XVIII в. Э. Дженнер открыл метод создания надежного иммунитета против одной из самых страшных болезней – оспы, что не только сделало возможной полную ликвидацию этой болезни, но впервые показало огромную эффективность принципа, которому суждено было стать одним из краеугольных камней профилактической меди-

цины,— принципа индивидуальной защиты человеческого организма. Применение этого принципа в борьбе с оспой оставалось исключением в медицинской практике до последней трети XIX в., когда, прежде всего благодаря работам Л. Пастера, была создана бактериологическая теория болезней и указан принципиальный путь борьбы с ними. Этот путь вел не только к надежной профилактике инфекционных заболеваний путем вакцинации, но, как показало развитие микробиологии уже в XX в., и к чрезвычайно эффективному лечению многих из них. Важное место в истории борьбы с болезнями и смертностью от них на протяжении последних ста лет занимает разработка современных методов антисептики, рентгенодиагностики и ряд других достижений медицинской науки. Исследования и открытия Л. Пастера, Р. Коха, И. Земмельвейса, Дж. Листера, Э. Беринга, К. Рентгена, И.И. Мечникова, П. Мэнсона, П. Эрлиха, А. Флеминга и их последователей позволили, начиная с конца прошлого века, развернуть победоносную борьбу против эпидемических и инфекционных заболеваний, таких, как сыпной тиф, холера, брюшной тиф, малярия, желтая лихорадка, туберкулез, сифилис, детских (скарлатины, дифтерии, кори, коклюша) и многих других болезней, которые еще в недавнем прошлом уносили тысячи и тысячи жизней, сейчас же почти полностью поставлены под контроль.

О том, насколько успешной была эта борьба, можно судить, проследившая судьбу некоторых причин смерти с середины прошлого века. Хорошее представление о происшедших изменениях дает табл. 2.5.1, относящаяся к одному из штатов США и к Англии и Уэльсу, по которым имеется наиболее ранняя статистика причин смерти.

Причины смерти, названные в таблице, в значительной степени, а во многих случаях почти полностью утратили свое значение, в то время как еще в середине прошлого века на их долю приходилось 50–60%, а то и более всех смертей. Это не могло не изменить коренным образом всю структуру смертности по причинам. Изменение структуры причин смерти за длительный срок в более общем виде покажем на примере Англии и Уэльса (табл. 2.5.2).

Разумеется, и к 1861 г., для которого приведены самые ранние данные, структура причин смерти существенно изменилась по сравнению с XVIII в.: к этому времени заметно сказались уже изменения в условиях жизни населения Англии, связанные с промышленной революцией, и стало ощутимым снижение смертности. Но все же первый столбец таблицы характеризует относительно ранний этап изменений в структуре причин смерти, отра-

Снижение смертности от некоторых причин

Причины смерти	Массачусетс (США)			Англия и Уэльс		
	Число умерших на 100000 жителей		Снижение, %	Число умерших на 100000 жителей		Снижение, %
	1856–1865	1945		1851–1860	1945	
Все причины	1794,7*	1222,3	31,9	2216,5	1261,3	43,1
в том числе:						
тиф и паратиф	92,5	0,1	99,9	39,0**	0,1	99,7
дифтерия	86,1	0,3	99,7	52,0*	1,8	96,5
корь	17,1	0,2	98,8	41,2	1,9	95,4
скарлатина	101,3	0,2	99,8	80,6*	0,2	99,8
коклюш	23,8	0,5	97,9	50,5	1,8	96,4
оспа	11,0	–	100,0	22,2		100,0
диаррея и энтериты	165,9**	4,3	97,4	...	13,9	–
туберкулез	446,4	39,3	91,2	347,6	61,5	82,3
пневмония	107,4	48,7	54,7	...	52,1	...

* 1856–1860 гг ** 1869 г.

Источник: [33: 164].

жает ситуацию накануне “пастеровской революции” и вступления медицины в бактериологическую эру.

В условиях смертности 1861 г. большинству родившихся предстояло умереть от экзогенных причин, прежде всего от таких, как туберкулез, другие инфекционные и паразитарные заболевания, пневмония и т.п. В то же время только примерно 140 человек из каждых 1000 родившихся умирали от двух основных эндогенных причин: сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований. За последующие же сто лет произошел колоссальный сдвиг в структуре причин смерти, и в начале 60-х годов нашего века от этих причин умирало примерно 700 из каждых 1000 родившихся.

Столетний период, характеризуемый столь значительными изменениями, был очень коротким по сравнению с многими тысячелетиями, на протяжении которых структура причин смерти не менялась. За сто лет совершился поистине стремительный скачок, имевший огромное значение для всего последующего развития. За этим скачком, как уже говорилось, лежит перемещение подавляющего количества смертей в стар-

**Число умирающих от различных причин из 1000 родившихся;
Англия и Уэльс, мужчины**

Причины смерти	1861	1881	1901	1921	1940	1951	1960	1964
Инфекционные и паразитарные болезни	229,7	209,4	165,3	108,8	69,3	37,4	12,9	9,8
в том числе туберкулез органов дыхания	109,5	98,1	77,4	59,3	40,2	26,1	8,1	5,9
Новообразования	14,0	26,1	52,3	104,4	118,8	161,2	192,8	201,1
Сердечно-сосудистые заболевания	124,3	174,2	181,5	253,4	348,7	462,5	504,8	497,4
Грипп, пневмония, бронхиты	132,2	170,9	165,2	174,0	163,2	149,4	119,2	132,5
Несчастные случаи, отравления и случаи насильственной смерти	49,4	52,2	48,9	42,8	86,0	40,8	45,0	45,8
Прочие и неустановленные причины	450,4	367,2	386,8	316,6	214,0	148,7	125,3	113,4

Источник [44 225-269]

шие возрастные группы, громадное снижение смертности в младших возрастах и увеличение средней продолжительности жизни.

Англия, к которой относятся приведенные выше данные, была не единственной страной, в которой коренная перестройка структуры причин смерти началась уже в XIX в. Тогда же по этому пути шло большинство промышленно развитых стран Западной Европы, а также некоторые заокеанские страны, заселенные выходцами из Европы. Как и в Англии, в них неуклонно сокращалась доля экзогенных причин смерти и на первое место среди других причин все больше выходили сердечно-сосудистые и раковые заболевания, причем во второй полови-

**Число умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний
и новообразований из 1000 родившихся в некоторых странах
в начале и в середине XX в.**

Страна	Год	Мужчины	Женщины	Год	Мужчины	Женщины
Австралия	1911	320,3	372,1	1964	713,2	768,0
Англия и Уэльс	1901	233,8	294,5	1964	698,5	737,0
Италия	1901	193,9	222,9	1964	637,2	692,1
Новая Зеландия	1901	324,8	335,3	1964	694,6	720,6
Норвегия	1910	245,5	244,5	1964	691,8	705,5
США	1900*	224,3	260,1	1964	725,8	783,8
Швеция	1911	262,0	278,8	1964	727,2	752,5
Япония	1899	176,7	165,1	1964	581,0	567,6

* Штаты, имевшие регистрацию причин смерти

Источник [44 225–269]

не XIX в. эта перестройка совершалась относительно медленно, в первой же половине XX в. она заметно ускорилась. Еще в начале века вероятность того, что человек умрет от болезней сердечно-сосудистой системы или рака, даже в странах с самой низкой смертностью была невысока. К середине же XX в. перестройка структуры причин смерти во многих странах продвинулась уже очень далеко, и при огромном снижении риска смерти от наиболее опасных в прошлом экзогенных причин резко увеличилась вероятность умереть от главных эндогенных причин – сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований.

Оценивая изменения, показанные в табл. 2.5.2 и 2.5.3, следует учитывать как совершенствование статистического учета смертности по причинам, так и улучшение диагностики, например, распознавания рака внутренних органов, смертность от которого прежде могла относиться на счет каких-либо иных причин. Внесение соответствующих поправок может сократить разницу в доле смертей от раковых и сердечно-сосудистых заболеваний прежде и теперь. Но оно, конечно, не может поколебать общего вывода о том, что структура причин смерти коренным образом изменилась, и доля смертей от эндогенных причин небывало возросла. Эти изменения оказали решающее влияние на уровень смертности всего населения и его отдельных возрастных групп.

2.6. СНИЖЕНИЕ ПОВОЗРАСТНОЙ СМЕРТНОСТИ И ИЗМЕНЕНИЕ КРИВЫХ ДОЖИТИЯ

По отношению ко всему населению выражение “снижение смертности” неточно. Смертность не становится более низкой: сегодня, как и тысячи лет назад, умирают все родившиеся. Но в отдельных возрастных группах смертность действительно может снижаться, так что все большее число людей, доживших до определенного возраста, не умирает в данной возрастной группе, а переходит в следующую. Разумеется, возможности таких изменений больше в младших возрастах, в пожилых и старческих возрастах они ограничены тем, что именно на эти возрасты перемещаются смерти, которые удается предотвратить в детстве, молодости или в зрелом возрасте. Тем не менее снижение смертности затрагивает все возрастные группы, вплоть до самых старших.

Динамику повозрастной смертности покажем на примере Швеции. Как следует из табл. 2.6.1, снижение возрастных коэффициентов захватило все возрастные группы лишь после 1800 г. С этого времени и до середины XX в. это снижение продолжалось непрерывно, хотя в разных возрастах протекало по-разному. Различия в темпах снижения смертности в разные периоды и в разных возрастах представляют большой интерес, но их подробный анализ выходит за рамки нашей темы. Отметим только, что в возрастах до 50 лет смертность снижалась наиболее быстро уже в нашем столетии, что же касается более поздних возрастов, то в них снижение смертности было наиболее быстрым во второй половине прошлого века, в нашем столетии оно явно замедлилось.

Но общее снижение смертности во всех возрастах за полтора столетия после 1800 г. было огромным. Именно в нем нашли количественное проявление те коренные перемены в структуре причин смерти, которые были описаны в предыдущем параграфе.

Снижение повозрастной смертности тождественно увеличению в каждом поколении доли людей, доживающих до все более старших возрастов. Это увеличение также можно проследить на материалах Швеции, памятуя о том, что Швеция не представляет какого-либо исключения: большинство стран Западной Европы и некоторые заокеанские страны, заселенные выходцами из Западной Европы, в XVIII–XX вв. в своем демографическом развитии прошли в основных чертах тот же путь, что и Швеция.

**Изменение возрастных коэффициентов смертности населения Швеции
за 1751–1945 гг.**

Возрастные группы	Коэффициенты смертности, ‰					Увеличение (+) или уменьшение (–) коэффициентов смертности, %				
	1751–1760	1801–1810	1851–1860	1901–1910	1941–1945	к 1751–1760	к 1801–1810	к 1851–1860	к 1901–1910	к 1801–1810
0–1	204,6	198,7	146,0	84,5	31,0	–2,9	–26,5	–42,1	–63,3	–84,4
0–4	83,8	78,9	60,5	28,4	9,3	–5,8	–23,4	–53,0	–67,3	–88,2
5–9	12,6	12,1	10,9	4,1	1,1	–3,7	–9,9	–62,9	–74,1	–91,3
10–14	6,4	7,2	5,5	3,2	0,9	+12,4	–23,3	–42,6	–72,2	–87,7
15–19	6,4	7,5	5,5	4,6	1,7	+16,8	–27,2	–14,9	–62,7	–76,9
20–24	8,0	9,5	6,8	6,0	2,6	+19,3	–28,6	–11,1	–56,4	–72,3
25–29	9,4	10,4	7,6	6,1	2,4	+9,8	–26,5	–19,9	–60,2	–76,6
30–34	11,6	11,7	9,2	6,1	2,5	+0,9	–21,5	–33,5	–59,3	–78,7
35–39	11,5	13,5	10,9	6,7	2,9	+17,9	–18,6	–38,5	–57,1	–78,8
40–44	16,1	16,3	13,2	7,6	3,7	+1,9	–19,4	–42,0	–51,5	–77,3
45–49	17,0	19,2	15,8	9,0	5,2	+12,2	–18,0	–42,7	–42,2	–72,8
50–54	21,7	26,5	20,3	11,4	7,7	+22,2	–23,5	–43,8	–32,8	–71,1
55–59	27,4	34,2	26,9	14,8	11,4	+24,6	–21,2	–45,0	–22,7	–66,5
60–64	38,3	49,2	38,3	21,3	17,7	+28,4	–22,2	–44,3	–17,3	–64,1
65–69	50,0	65,9	55,8	33,0	28,4	+31,7	–15,4	–40,8	–13,9	–56,9
70–74	82,6	102,5	86,2	53,6	47,4	+24,2	–15,9	–37,8	–11,6	–56,8
75–79	119,8	155,8	129,7	87,5	81,2	+30,0	–16,8	–32,6	–7,2	–47,9
80 и старше	208,2	263,5	211,1	179,7	166,8	+26,5	–19,9	–14,9	–7,2	–36,7

Источник [47 73].

Таблица 2.6 2

Доля доживающих до определенного возраста в различных поколениях населения Швеции
(в процентах к общему числу родившихся)

Возраст	Поколения, родившиеся в годы							
	1776–1780	1796–1800	1816–1820	1836–1840	1856–1860	1876–1880	1896–1900	1916–1920
Мужчины								
1	80,3	77,3	80,5	82,3	85,2	86,8	89,1	94,5
5	67,2	66,9	70,3	74,5	75,6	78,3	83,5	89,7
10	62,1	64,1	68,2	71,2	72,1	75,1	81,8	88,7
20	58,2	59,2	64,8	67,5	69,0	72,2	79,0	87,0
30	53,3	54,3	59,8	62,8	64,6	67,6	74,0	84,6
40	46,1	47,1	53,4	57,1	60,2	63,7	71,0	83,1
50	38,3	39,1	46,7	51,3	54,8	59,1	67,6	80,6
60	27,6	29,4	37,5	43,6	47,5	52,5	61,7	74,1
70	15,6	18,7	26,3	31,7	36,0	40,8	48,7	58,4
80	4,5	6,4	11,5	14,8	17,5	21,2	25,3	30,3
Женщины								
1	82,3	79,8	83,0	84,8	87,3	88,9	91,0	96,1
5	69,3	69,5	73,3	77,3	78,0	80,5	85,6	91,4
10	64,5	66,5	71,2	74,3	74,8	77,3	83,8	90,5
20	61,1	61,8	68,0	70,8	71,6	74,1	80,8	88,8
30	56,6	57,6	63,6	66,9	67,8	69,9	76,6	87,0
40	49,8	51,8	57,9	61,6	63,3	65,9	73,6	85,9
50	13,6	45,5	52,2	56,4	58,4	61,5	70,7	84,0
60	34,4	36,8	44,3	49,7	52,2	55,4	66,1	79,4
70	21,8	25,0	32,8	38,4	41,1	44,9	56,5	67,9
80	7,5	10,2	15,6	19,6	21,0	25,3	33,3	40,0

Источник [41 604–639]

Из табл. 2.6.2 отчетливо видно, как от поколения к поколению менялась доля доживающих до различных возрастов. Конечно, и поколения, родившиеся в 1776–1780 гг., жили уже не в условиях традиционной смертности, к концу XVIII в. эти условия во многом изменились. Но все же и тогда примерно 20% новорожденных не доживало до 1 года и около 40% не доживало до 20 лет. В поколениях, родившихся менее чем через полтора года лет, к 50-летнему возрасту вымирала меньшая доля, чем из числа родившихся в конце XVIII и начале XIX в. погибала на первом году жизни. Эти поистине колоссальные изменения привели к невиданному росту средней (ожидаемой) продолжительности жизни – обобщающего показателя, в котором наиболее полно отражаются повозрастные уровни смертности.

2.7. РОСТ СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Для приведенных в табл. 2.6.2 поколений населения Швеции изменение средней продолжительности жизни новорожденного дано в табл. 2.7.1.

К сожалению, по большинству стран мы не располагаем данными за столь длительный период, как по Швеции. Кроме того, лишь по немногим странам можно получить показатели средней продолжительности жизни, относящиеся к реальным поколениям. Как правило, приходится довольствоваться показателями, характеризующими условные поколения, т.е. поколения, искусственно образованные из живущих в один и тот же момент представителей различных реальных поколений, находящихся в это время в разных возрастах. В периоды, когда смертность быстро меняется (а именно так было

Таблица 2 7 1

Средняя продолжительность жизни населения Швеции (в годах)

Пол	Поколения, родившиеся в годы							
	1776– 1780	1796– 1800	1816– 1820	1836– 1840	1856– 1860	1876– 1880	1896– 1900	1916– 1920

Мужчины	34,4	35,5	40,8	44,2	46,5	49,8	55,7	63,8
Женщины	37,9	39,4	44,7	48,2	49,5	52,3	59,3	67,9

Источник [41 604–639]

**Средняя продолжительность предстоящей жизни для новорожденного
в некоторых капиталистических странах,
1765–1865 гг. (в годах) ***

Страны	Пол	1765	1795	1825	1835	1845	1855	1865
Англия и Уэльс	мужчины	–	–	–	–	40	–	–
	женщины	–	–	–	–	42	–	–
Дания	мужчины	–	–	–	43	41	–	44
	женщины	–	–	–	45	44	–	46
Нидерланды	мужчины	–	–	29	–	35	36	37
	женщины	–	–	35	–	38	38	39
Норвегия	мужчины	–	–	45	42	45	45	47
	женщины	–	–	48	46	48	48	50
Франция	мужчины	–	23	38	–	–	–	39
	женщины	–	27	41	–	–	–	41
Швеция	мужчины	33	–	39	–	42	41	43
	женщины	36	–	44	–	47	45	46

* Показатели таблиц смертности исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице

Источник [33 346–351]

в XIX–XX вв.), показатели, относящиеся к условным поколениям, рисуют картину, несколько искажающую действительность. Однако искажения не таковы, чтобы этими показателями нельзя было пользоваться для наших целей, т.е. для того, чтобы показать общую динамику средней продолжительности жизни населения ряда стран за последние 150–200 лет.

Приведенные в табл. 2.7.2 и 2.7.3 показатели не нуждаются в комментариях. Сейчас во всем мире едва ли можно найти такие низкие показатели средней продолжительности предстоящей жизни при рождении, которые всего два столетия назад были нормой в самых развитых, самых цивилизованных странах того времени. Если за всю предыдущую историю человечества – до XVIII в. – средняя продолжительность жизни оставалась практически неизменной, а при весьма оптимистических допущениях увеличилась самое большее на 10–15 лет, то за последние 200 лет она выросла – пусть пока только у части населения Земли – на 35–40, а то и более лет. Трудно представить себе скачок более стремительный и в то же время более важный!

**Динамика средней продолжительности предстоящей жизни новорожденного в некоторых капиталистических странах,
1875–1975 гг. (в годах)***

Страна	Пол	1875	1885	1895	1905	1915	1925	1935	1945	1955	1965	1975***
Австралия	мужчины	–	47	51	55	–	59	63	66	67	68	70
	женщины	–	51	55	59	–	63	67	71	73	74	77
Австрия	мужчины	31	–	37	39	–	–	55	–	62	66	68
	женщины	34	–	39	41	–	–	59	–	67	74	75
Англия и Уэльс	мужчины	41	44	44	49	52	56	60	66	68	68	69
	женщины	45	47	48	52	55	60	64	71	73	74	75
Бельгия	мужчины	–	44	45	–	–	56	–	62	–	68	69
	женщины		47	49			60		67		74	75
Германия**	мужчины	36	37	41	45	47	56	60	58	65	68	68
	женщины	38	40	44	48	51	59	63	63	68	73	74
Дания	мужчины	46	47	50	55	56	60	62	66	70	70	71
	женщины	47	49	53	58	59	62	64	68	73	75	77
Италия	мужчины	–	35	–	44	47	49	54	–	66	68	70
	женщины	–	36	–	45	47	51	56	–	70	73	76
Нидерланды	мужчины	38	43	46	51	55	62	66	69	71	71	72
	женщины	41	45	49	53	57	64	67	72	74	76	77
Новая Зеландия	мужчины	–	–	55	58	61	64	65	–	68	68	69
	женщины	–		58	61	63	67	68	–	73	74	75

Таблица 2 7 3 (окончание)

Страна	Пол	1875	1885	1895	1905	1915	1925	1935	1945	1955	1965	1975
Норвегия	мужчины	48	49	50	55	56	61	64	68	71	71	72
	женщины	51	51	54	58	59	64	68	72	75	77	78
США	мужчины	–	–	–	48	50	56	61	64	67	67	69
	женщины	–	–	–	51	54	59	65	70	73	74	77
Финляндия	мужчины	–	41	43	45	43	51	54	55	63	66	68
	женщины	–	44	46	48	49	55	60	61	70	74	76
Франция	мужчины	41	–	45	46	48	52	56	62	65	68	69
	женщины	43	–	49	49	52	56	62	67	71	75	77
Швейцария	мужчины	41	43	46	59	51	58	61	63	66	69	72
	женщины	43	46	49	52	54	61	65	67	71	75	78
Швеция	мужчины	45	49	51	55	56	61	63	67	70	72	72
	женщины	49	51	54	57	59	63	65	70	73	76	78
Япония	мужчины	–	–	–	44	44	42	47	24	64	68	72
	женщины	–	–	–	45	45	43	50	38	68	73	77

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице

** Начиная с 1945 г. приведены данные по ФРГ

*** Данные за 1975 г. в издании 2005 г. обновлены по более поздним источникам

Источник [33 344–353 49a Table 29 49b Table 34, 49c Table 18]

2.8. ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРЕХОДА К НОВОМУ ТИПУ СМЕРТНОСТИ

Процесс эволюции структуры причин смерти – длительный и, вероятно, непрерывный. Но революционный этап этой эволюции, качественный скачок имеет начало и конец. Точно указать момент начала этого скачка, как мы видели, довольно сложно из-за полного отсутствия до второй половины XIX в. статистики причин смерти, условно его можно отнести к середине XIX в. Пока не просто судить и о его окончании, несмотря на наличие в наше время богатых статистических материалов.

Как следует из рис. 1, стремительный рост доли умирающих от сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований в странах с низкой смертностью, начиная примерно с 50-х годов XX века, замедлился, и обнаружилась даже тенденция к стабилизации этой доли. Если отмеченная тенденция закрепится, то можно будет, вероятно, говорить о завершении переворота в структуре причин смерти.

Относительная стабилизация доли основных эндогенных причин смерти вполне естественна. Ликвидация устранимых, экзогенных причин не может длиться без конца, рано или поздно они должны потерять свою прежнюю роль, хотя говорить о возможности их полного исчезновения пока нет оснований. Нельзя, например, ожидать резкого сокращения доли смертей, связанных с транспортным травматизмом, в условиях возрастающей автомобилизации. В эволюции структуры причин смерти наступает такой момент, когда все или почти все поддающиеся устранению экзогенные причины ликвидированы и соотношение экзогенных и эндогенных причин более или менее стабилизируется.

Это, конечно, не значит, что прекращается всякое изменение структуры причин смерти, равно как и процесс оттеснения смертности к старшим возрастам. Сейчас мало кто умирает просто от старости. “В наши дни основной причиной смерти людей остаются различные заболевания, приобретающие в старости губительное течение. Многие морфологи ставят под сомнение возможность смерти от старости или же пишут о чрезвычайной редкости этого в наше время...” [27: 21]. “Старость только подводит человека к пропасти, куда сбрасывают его болезни” [27: 21].

В нашу задачу не входит рассмотрение специального вопроса о соотношении эндогенного и экзогенного влияния на возникновение и течение таких заболеваний, как раковые или сердечно-сосудистые. Хотя в их этиологии преобладают эндогенные факторы, нет сомнения, что имеются возможности дальнейшего ограничения воздействия болезнетворных экзогенных факторов и еще большего оттеснения смертности от этих заболеваний к

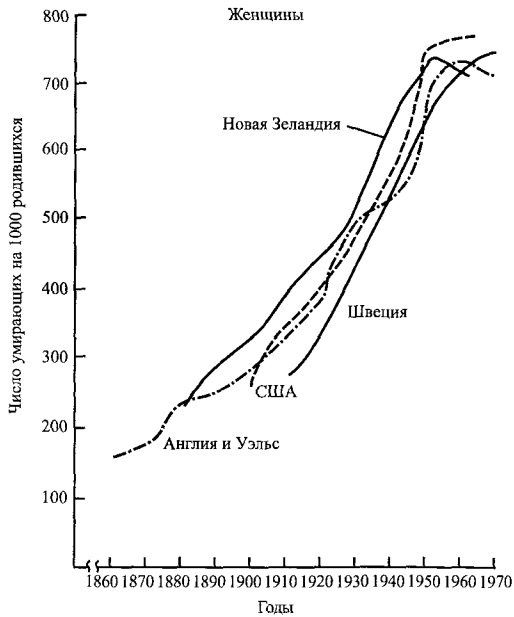
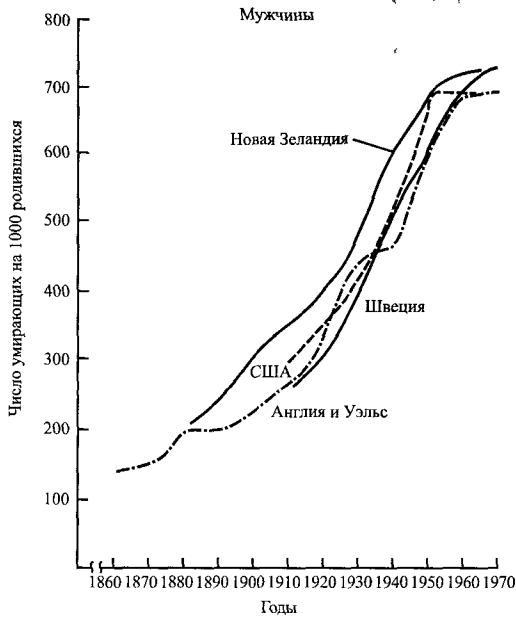


Рис. 1. Рост вероятности умереть от главных эндогенных причин (сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований) в некоторых странах
 Источники [44, 50 818–819]

старшим возрастам. Самые большие достижения в этой области будут естественным завершением того переворота, который привел к установлению контроля над экзогенной смертностью и который в наиболее развитых в демографическом отношении странах в основном уже произошел.

Иначе обстоит дело с эндогенными причинами смерти, которые пока слабо поддаются контролю со стороны человека. Разумеется, в делении причин смерти на экзогенные и эндогенные есть небольшая доля условности. Нельзя абсолютизировать “неустранимость” эндогенных причин. Ж. Буржуа-Пиша, который первым широко использовал деление причин смерти на эндогенные и экзогенные в демографическом анализе, писал: “Борьба со смертью содержит две различные задачи неодинаковой сложности. Можно сравнить смертность с участком земли, состоящим из двух пород разной твердости. Эрозия воздействует сначала на более мягкую из них, обнажая контур твердой породы. Исчезновение более мягкой породы как раз и происходит на протяжении вот уже двух столетий. Такое развитие не может служить доказательством невозможности победить упорно сохраняющиеся причины смерти. Но мы видим, что это совсем иная проблема. Тогда как до сих пор речь шла о том, чтобы благоприятствовать естественному ходу вещей, устраняя нарушающие его факторы, теперь речь идет об изменении самого этого естественного хода вещей” [31: 393–394].

Быть может, настанет время, когда люди научатся преодолевать сопротивление самой твердой породы. Но это потребует, вероятно, нового переворота в смертности, последствия которого трудно предугадать. Современный же этап эволюции смертности связан прежде всего с углублением и расширением тех завоеваний, которые принес с собой уже совершившийся переворот, со все более эффективным устранением тех негативных влияний среды, которые мешают “естественному ходу вещей”.

Каково в этом свете ближайшее будущее человеческой смертности и средней продолжительности жизни человека?

Еще в начале 1950-х годов Ж. Буржуа-Пиша попытался, отталкиваясь от наиболее благоприятных достигнутых в то время показателей смертности, отделить эндогенную смертность от экзогенной и на базе показателей эндогенной смертности подойти к определению “биологических” пределов снижения смертности в каждой возрастной группе. По его оценке, при условии снижения смертности до определенных им биологических пределов средняя продолжительность жизни мужчин может достигнуть 76,4 года, женщин – 78,7 года. Казалось бы, достижения конца 40-х годов, на которые опирался в своих расчетах Ж. Буржуа-Пиша, а следовательно, и его оценки биологических пределов снижения смертности должны бы-

Наименьшие фактические вероятности смерти в различных возрастах и предельные минимальные вероятности Ж. Буржуа-Пиша (q_x 100 000)

Возрастные группы	Мужчины			Женщины		
	наименьшие фактические вероятности	предельные вероятности Буржуа-Пиша	гр 1 к гр 2	наименьшие фактические вероятности	предельные вероятности Буржуа-Пиша	гр. 4 к гр 5
А	1	2	3	4	5	6
0	1550	1300	1,2	1200	900	1,3
1-4	286	13	22,0	211	11	19,2
5-9	231	26	8,9	153	21	7,3
10-14	186	43	4,3	116	35	3,3
15-19	354	71	5,0	159	57	2,8
20-24	508	117	4,3	187	94	2,0
25-29	496	193	2,6	215	155	1,4
30-34	555	318	1,7	307	256	1,2
35-39	741	524	1,4	517	421	1,2
40-44	1210	862	1,4	794	693	1,1
45-49	1920	1417	1,4	1220	1139	0,1
50-54	3190	2326	1,4	1870	1871	1,0
55-59	5230	3809	1,4	3040	3067	1,0
60-64	8780	6213	1,4	5100	5013	1,0
65-69	14000	10070	1,4	8800	8150	1,1
70-74	21000	16147	1,3	15600	13138	1,2
75-79	32500	25442	1,3	24600	20885	1,2
80-84	46700	38954	1,2	38000	32440	1,2
85-89	63000	56913	1,1	58100	48518	1,2
90-94	7970	77162	1,0	75200	68263	1,1

Источник [43 858]

ли быстро устареть – ведь контроль человека над смертностью все время расширялся. Этого, однако, не произошло².

Французские демографы А. Низар и Ж. Валлен составили таблицу наименьших вероятностей умереть в том или ином возрасте, достигнутых в промышленно развитых странах к середине 60-х годов, и сопоставили эти вероятности с оценкой Ж. Буржуа-Пиша.

Табл. 2.8.1 ясно показывает, что уровни смертности, которые Ж. Буржуа-Пиша считал нижним биологическим пределом, к се-

² Позднее эти пределы все-таки были превышены. В 2000 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин в Японии составила 77,7 года, женщин – 84,6 года. К этому времени предельный уровень, обозначенный Ж. Буржуа-Пиша для мужчин был достигнут и превышен, по крайней мере, в 5 странах, для женщин – в 23.

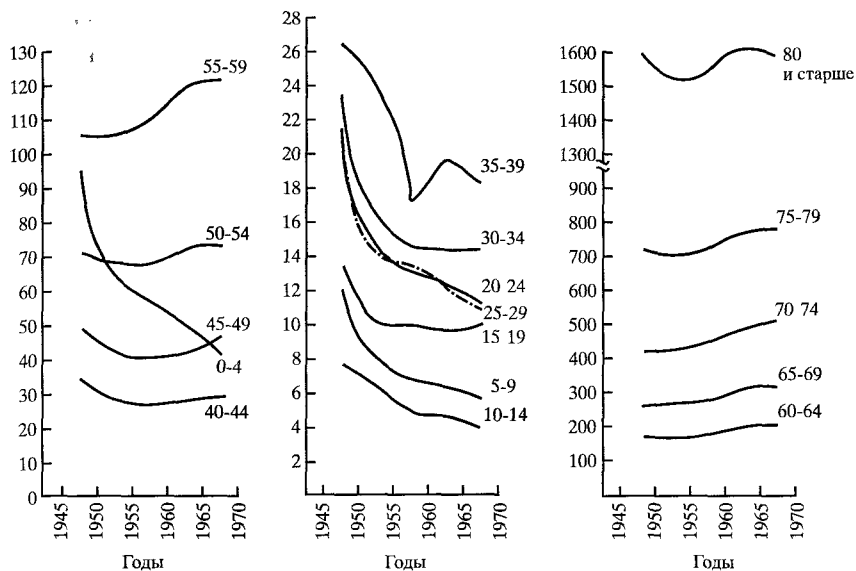


Рис. 2. Возрастные коэффициенты смертности мужчин в Норвегии (число умерших на 1000 мужчин соответствующего возраста)
 Источник [46 27]

редине 60-х годов были достигнуты только в немногих возрастных группах (преимущественно у женщин) и то лишь в отдельных странах и ни в одном случае не были превзойдены. Средняя продолжительность жизни по таблице смертности, построенной на базе наименьших фактических вероятностей смерти, равнялась 72,2 года для мужчин и 76,8 года для женщин, т.е. была существенно меньше, чем предельная “биологическая” (76,4 и 78,7 года). Более того, в этот период обнаружилась явственная тенденция к увеличению смертности во многих возрастных группах, особенно у мужчин, и, стало быть, к удалению от предельных “биологических” вероятностей. Это увеличение происходило в старших возрастах и в целом перекрывалось снижением смертности в младших возрастах, так что средняя продолжительность жизни все же росла. Однако в некоторых случаях рост смертности захватил такое количество возрастных групп и стал столь значительным, что средняя продолжительность жизни перестала увеличиваться и даже обнаружила тенденцию к снижению. Проиллюстрируем это явление примером одной из стран с самой низкой смертностью – Норвегии.

Как видно из рис. 2, в Норвегии коэффициенты смертности мужчин в возрасте 55 лет и старше в большинстве случаев увели-

**Средняя продолжительность предстоящей жизни мужчин;
Норвегия, 1946–1970 гг. (в годах)**

Возраст	1946–1950	1951–1955	1956–1960	1961–1965	1966–1970
0	69,25	71,11	71,32	71,03	71,09
1	70,70	71,95	71,94	71,42	71,22
5	67,30	68,40	68,29	67,74	67,51
10	62,63	63,65	63,50	62,94	62,69
20	53,25	54,11	53,93	53,34	53,08
30	44,22	44,81	44,57	43,93	43,61
40	35,16	35,54	35,19	34,58	34,22
50	26,43	26,60	26,21	25,62	25,32
60	18,39	18,52	18,12	17,60	17,33
70	11,43	11,60	11,38	11,04	10,87

Источник [46 27].

чиваются, начиная примерно с 1946 г., а в 1956–1960 гг. это увеличение распространилось и на возрастные группы от 35 до 55 лет. Сейчас увеличивается также смертность юношей в возрасте 15–19 лет. Несмотря на то, что смертность в остальных возрастных группах продолжает снижаться, возникла тенденция к снижению средней продолжительности предстоящей жизни, которая до этого времени непрерывно росла. Эта тенденция обнаружилась после 1955 г. во всех возрастах, кроме возраста 0 лет, в следующем же пятилетии распространилась и на новорожденных (табл. 2.8.2).

Причины современного повышения смертности не изучены, и не ясно даже, имеют ли они эндогенную или экзогенную природу.

Исходя из представления о том, что экзогенные причины смерти в основном подавлены, можно, казалось бы, думать, что наблюдающееся в настоящее время повышение смертности имеет эндогенную природу, что часть экзогенных смертей просто замещается эндогенными, но кажущимися преждевременными. Например, высокая детская смертность – в основном экзогенна. Но не оказывают ли влияние на ее уровень и эндогенные факторы, так что при высокой детской смертности действует своеобразный естественный отбор, в результате которого заболевают и погибают менее жизнеспособные? Если это так, то многие жизни, спасенные в результате успехов медицины в детском возрасте, оборвутся все же раньше других в силу меньшей жизнеспособности организма, что в период достижения соответствующими поколениями старших возрастов должно повысить повозрастные коэффициенты смертности от эндогенных причин. С таким повышением смертности бо-

Таблица 2.8.3

**Возможный прирост продолжительности жизни при условии
устранения указанных причин смерти (в годах)**

Страна	Сердечно-сосудистые заболевания		Злокачественные новообразования		Несчастные случаи	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
США	12,5	16,0	2,3	2,6	1,8	0,8
Англия и Уэльс	8,1	12,4	2,8	2,8	1,0	0,5
Швеция	9,1	10,0	2,3	2,6	1,2	0,5
Япония	5,9	6,3	2,2	2,1	1,5	0,6
Франция	4,3	5,0	2,8	2,5	1,8	0,9

Источник: [36: 291]

роться трудно. С другой стороны, не исключено, что повышение смертности вызвано какими-либо внешними причинами, например неблагоприятными экологическими факторами, ростом производственного или бытового травматизма и т.п. Некоторые из этих факторов, может быть, и не устранимы в ближайшее время, как не устранимы автомобиль или самолет, городской образ жизни и т.п., но в принципе с их отрицательным влиянием можно бороться. Возможно также комбинированное действие факторов как первой, так и второй группы.

Но даже если исходить из самых оптимистических гипотез и предположить, что современное замедление роста средней продолжительности жизни обусловлено факторами, которые в обозримом будущем можно устранить, и что удастся полностью поставить под контроль главные эндогенные причины смерти (что мало вероятно), не следует ожидать слишком большого увеличения средней продолжительности жизни, сопоставимого с тем, которое было достигнуто за последние 150–200 лет.

Приведем данные о возможном увеличении средней продолжительности жизни в некоторых странах с низкой смертностью при условии устранения ее главных причин. Эти данные получены из так называемых гипотетических таблиц смертности, построенных с учетом полного устранения отдельных причин смерти. В качестве исходного взят уровень смертности 1967 г. (табл. 2.8.3).

Таким образом, даже если бы удалось полностью устранить смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, от которых сейчас в странах с низкой смертностью погибает, как правило, половина и даже более всех умерших, то выигрыш в средней продолжительности жизни составил бы в среднем не более 10–15 лет, а уст-

ранение смертности от рака принесло бы выигрыш в 2–3 года. В действительности же на полную ликвидацию смертности от этих причин рассчитывать пока не приходится, так что реальный прирост средней продолжительности жизни будет гораздо меньшим. Напомним, что только с конца XVIII в. средняя продолжительность жизни увеличилась не менее чем на 35–40 лет.

2.9. НОВЫЙ ТИП СМЕРТНОСТИ В СССР

До сих пор речь шла о сравнительно небольшой группе государств Западной Европы и отдельных неевропейских странах, которые раньше других вступили на путь перехода к новому типу смертности и уже к началу XX столетия намного опередили на этом пути весь остальной мир. Но на эти страны в 1970 г. приходилось всего около 20% мирового населения. Как изменялись условия смертности остальных 80% – большей части населения мира?

Проникая в самые отдаленные уголки земного шара, колонизируя целые континенты, капитализм неизбежно подтачивал устои существовавших там традиционных общественных отношений и закладывал материальные основы нового общества, а тем самым и нового типа смертности. Но изменения происходили не сразу, и даже в тех вовлекаемых в орбиту капитализма странах, в которых его позиции были уже достаточно сильны, тип смертности, а следовательно, и ее уровень долгое время могли оставаться без изменений.

Таким было, в частности, положение в дореволюционной России. К началу XX в. капитализм в России достиг уже значительной степени развития, однако влияние этого развития на смертность было небольшим. Буржуазные отношения тесно переплетались с феодальными, патриархальные устои старой России не были окончательно подорваны, что также тормозило перестройку структуры причин смерти и становление нового типа смертности. “Русская смертность, – писал известный демограф С.А. Новосельский, – в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношениях стран” [21: 179].

Еще в 1926 г. структура причин смерти населения СССР была исключительно неблагоприятной. На одном из первых мест стоял туберкулез, от которого погибало свыше 10% всех умиравших в городских поселениях европейской части РСФСР, Украины и Белоруссии, причем смертность от туберкулеза была наибольшей в возрастах от 20 до 40 лет. Еще выше была смертность от пневмонии – одной из главных причин детской смертности: 70–80% умерших от этой болезни имели возраст до 10 лет, а

**Доля смертей от сердечно-сосудистых заболеваний
и злокачественных новообразований в общем числе смертей
в некоторых возрастных группах населения СССР (в процентах)**

Возрастные группы	1926				1971– 1972
	Москва	Ленин- град	прочие города РСФСР с насе- лением 50 тыс. чело- век и более	города УССР с населением 50 тыс. чело- век и более	все на- селение СССР
40–49	25,6	28,2	26,0	25,4	46,3
50–59	35,2	37,9	36,3	33,9	62,9
60 лет и старше	38,6	39,0	35,8	31,8	80,3

Источники: [10: табл. 6; 4а: 81, 83; 16b: 30].

40–50% – до 1 года. Огромное количество детей погибало от инфекционных желудочных заболеваний и других детских болезней, только на долю кори и скарлатины приходилось свыше 5% всех умерших. В то же время на долю причин смерти, выдвигающихся на первый план после достижения человеком 40-летнего и особенно 50-летнего возраста, – болезней сердца, рака и причин, которые классифицировались как старческая дряхлость, – приходилось не более 15–17% всех смертей [10: 25–27].

Послереволюционные преобразования, охватившие все стороны жизни советского общества, привели к очень быстрой перестройке структуры причин смерти, в результате чего смертность в СССР за несколько десятилетий приобрела качественно новые черты. Качественные сдвиги в свою очередь обусловили резкое изменение количественных характеристик смертности, ее стремительное снижение во всех возрастах и увеличение средней продолжительности жизни.

Изменения в структуре причин смерти населения СССР шли в направлении непрерывного сокращения доли основных экзогенных причин, главным образом инфекционных и паразитарных заболеваний, и нарастания доли смертей от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний, в этиологии которых очень велика эндогенная составляющая. Некоторое изменение структуры причин смерти наметилось давно, еще в XIX в., но решающий скачок произошел за 4–5 десятилетий уже при Советской власти. В 1926 г. даже в старших возрастах на долю основных эндогенных причин приходилось не более трети всех смертей, к настоящему же времени удельное значение этих причин резко выросло (табл. 2.9.1).

Возрастные коэффициенты смертности населения СССР
(в промилле)

Возрастные группы	1896–1897	1926	1938–1939	1958–1959	1964–1965	1972–1973
0–4	133,0	78,9	75,8	11,9	7,2	7,2
5–9	12,9	7,3	5,5	1,1	0,8	0,7
10–14	5,4	3,1	2,6	0,8	0,6	0,5
15–19	5,8	3,7	3,4	1,3	1,0	1,0
20–24	7,6	5,5	4,4	1,8	1,6	1,6
25–29	8,2	6,1	4,7	2,2	2,0	2,1
30–34	8,7	6,3	5,4	2,6	2,5	2,8
35–39	10,3	7,5	6,8	3,1	3,1	3,6
40–44	11,8	9,0	8,1	4,0	3,8	4,8
45–49	15,7	10,9	10,2	5,4	5,0	6,2
50–54	18,5	14,0	13,8	7,9	7,8	8,6
55–59	29,5	18,1	17,1	11,2	10,8	12,5
60–64	34,5	24,7	24,5	17,1	17,2	18,0
65–69	61,6	36,5	35,1	25,2	24,4	27,2
70 и старше	89,0	79,5	78,9	63,8	64,2	75,5

Источники [19 141, 16а 44]

Повышение доли смертей от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний в данном случае – показатель огромного сокращения смертности от других, в основном экзогенных причин. Установление контроля над экзогенной смертностью естественно вело к оттеснению большинства смертей к старшим возрастам и к снижению смертности во всех возрастных группах (табл. 2.9.2).

Возрастные коэффициенты смертности 1896–1897 гг. настолько высоки, что не позволяют предположить существования ясно выраженной тенденции к снижению смертности в России конца XIX в. В возрастах от 15 до 30 лет они выше, чем были в Швеции в 1851–1860 гг., а в возрастах до 10 лет – выше, чем в Швеции 1751–1760 гг.

В свое время С.А. Новосельский и М.В. Птуха произвели оценку динамики возрастных коэффициентов смертности населения европейской части России и Украины за 10–12 лет после переписи 1897 г. Полученные ими результаты дают основание утверждать, что даже в первом десятилетии нашего века тенденции этой динамики были противоречивыми, снижение смертности в некоторых возрастах сочеталось с повышением ее в других возрастах, особен-

Рис. 3. Возрастные вероятности смерти мужчин в СССР в 1964–1965 гг. и наименьшие возрастные вероятности смерти мужчин, достигнутые в мире к середине 60-х годов

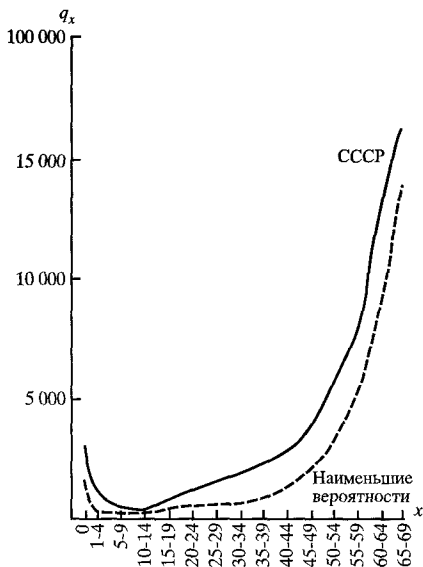
Источники [16а 45, 43 858]

но у мужчин [24: 362]. К 1926 г. снижение смертности во всех возрастных группах стало уже фактом, не вызывающим сомнений, однако в полную силу этот процесс развернулся в последующие десятилетия.

По мере приближения к завершению стремительной перестройки структуры причин смерти снижение повозрастных коэффициентов смертности замедляется и даже в ряде возрастных групп, особенно у мужчин, сменяется их некоторым ростом. Самые благоприятные показатели смертности мужчин в большинстве возрастных групп в СССР были зафиксированы в 1964–1965 гг. или несколько ранее. На рис. 3 показаны возрастные вероятности смерти для мужчин СССР в 1964–1965 гг. в сравнении с наименьшими вероятностями, приведенными в табл. 2.8.1. Ясно видно, что самые низкие показатели смертности мужчин СССР, по достижении которых во многих возрастах наметилась тенденция к повышению смертности, были выше показателей, которые в некоторых странах были достигнуты в 60-е годы.

Это указывает на необходимость внимательного изучения новейших тенденций в динамике смертности, во многом неясных. Возникновение этих тенденций порождает много вопросов. С точки зрения нашей темы очень важно было бы выяснить, связаны ли они с особенностями перехода от старого типа смертности к новому или отражают плохо изученные закономерности динамики смертности нового типа. К сожалению, сейчас приходится воздержаться от ответа на этот вопрос.

Остановимся, наконец, на динамике средней продолжительности жизни. Определенное представление об этой динамике в предреволюционный период дают таблицы смертности православного населения Европейской России (которое составляло 84% всего населения Европейской России в 1897 г.).



**Средняя продолжительность предстоящей
жизни новорожденного. Православное
население России (в годах)**

	Мужчины	Женщины
1874–1883 гг.	26,31	29,05
1896–1897 гг.	30,07	31,90
1907–1910 гг.	31,90	33,98

Источник [22: 290]

Таблица 2.9.3

**Средняя продолжительность предстоящей жизни
для новорожденного в России и СССР (в годах)**

Годы	Мужчины	Женщины	Оба пола
1896–1897*	31,43	33,36	32,34
1926–1927**	41,93	46,79	44,35
1938–1939	43,99	49,69	46,92
1958–1959	64,42	71,68	68,59
1968–1971	64,56	73,53	69,50

* 50 губерний Европейской России. ** Европейская часть СССР.

Источники: [11 260, 22: 292; 16с 637, 4б: 94–95]. Данные за 1938–1939 гг. в настоящем издании уточнены по [6. 88].

Если и можно говорить об увеличении средней продолжительности жизни в десятилетия, предшествовавшие революции, то лишь об очень небольшом. Даже и в 1907–1910 гг. средняя продолжительность жизни большей части населения Европейской России оставалась чрезвычайно низкой, характерной для традиционного типа смертности, но никак не для современного.

Первой таблицей смертности, зафиксировавшей явный отрыв от традиционного уровня смертности и значительное увеличение средней продолжительности жизни, была таблица 1926–1927 гг. для европейской части СССР, а уже таблица смертности 1958–1959 гг., построенная для всего населения СССР, свидетельствовала о том, что показатели, свойственные традиционному типу смертности, оставлены далеко позади (табл. 2.9.3).

Показатели таблицы смертности 1926–1927 гг. принято обычно сравнивать с показателями таблицы 1896–1897 гг. В обоих случаях речь идет о населении европейской части страны. Следует, однако, заметить, что в 1926 г. в границы СССР не входили многие западные районы, находившиеся в составе России во время всеобщей переписи 1897 г. При этом отпали как раз те рай-

ны, в которых была наибольшей доля неправославного населения. Поэтому не лишено оснований сопоставление показателей 1926–1927 гг. с приведенными ранее показателями для православного населения Европейской России. Такое сопоставление позволяет утверждать, что скачок в динамике средней продолжительности жизни начался не после 1896–1897 гг., а позднее, по крайней мере после 1910 г. Учитывая годы войн и разрухи, которые едва ли благоприятствовали снижению смертности, можно предположить, что таблица смертности 1926–1927 гг. отразила достаточно ранний этап стремительного роста средней продолжительности жизни, начавшегося при Советской власти. Переход от крайне низких показателей средней продолжительности жизни, которые были свойственны населению дореволюционной России, к современным потребовал чрезвычайно короткого срока – примерно четырех десятилетий. К концу 50-х годов средняя продолжительность жизни населения СССР достигла уровня экономически развитых капиталистических стран, от которых еще в первом десятилетии нашего века она отставала на 15–20 лет.

2.10. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА СМЕРТНОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

Иначе развивались события в тех странах, которые до середины XX в. прямо или косвенно входили в колониальную систему капитализма и которые теперь образовали “Третий мир” – мир развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. В большинстве этих стран и сейчас еще не изжит традиционный тип смертности.

Влияние колониализма на смертность колониальных народов было не однозначным. Колониализм никогда не ставил своей целью систематическую последовательную борьбу со смертностью в колониальных и зависимых странах. Отдельные благоприятные изменения в условиях смертности возникали здесь скорее как исключение из общего правила и были лишь побочным результатом каких-либо мероприятий, необходимых самим колонизаторам. Общие предпосылки снижения смертности, так же как и других прогрессивных изменений в жизни колониальных и зависимых стран, связанные с проникновением в них капитализма, развивались очень медленно и непоследовательно и не могли в должной мере реализоваться до тех пор, пока сохранялось колониальное господство. Это предвидел еще К. Маркс, который писал в середине прошлого века о будущих результатах британского владычества в Индии: “Население Индии не сможет пожать

плодов созревания тех элементов нового общества, которые посеяла среди него британская буржуазия, пока в самой Великобритании ныне правящие классы не будут вытеснены промышленным пролетариатом, или пока сами индийцы не станут достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго” [14: 228–229].

Но в то же время капитализм не мог осуществлять свое господство над колониями, не создавая в них материальных предпосылок развития производительных сил и изменения условий жизни населения, не подготавливая тем самым колониальные страны к движению по тому же пути борьбы с экзогенной смертностью, по которому шел сам капиталистический мир. Более того, в некоторых случаях капитализм должен был проявлять инициативу в этой борьбе. Высокая смертность рабочей силы в далеких заморских странах тормозила рост прибылей, “тропические болезни” косили тысячи людей, согнанных на плантации, рудники или стройки, угрожали жизни самих колонизаторов и обрекали на неудачи “цивилизаторские” начинания капитализма. Поэтому и здесь капитализм вынужден был, следуя своим экономическим и политическим интересам, принять определенные меры по борьбе со смертностью. Прибыльное использование ценных сырьевых ресурсов и дешевого труда колоний предполагало затрату определенных усилий и средств на эту борьбу. “Такая тенденция в основном возникла еще до начала этого столетия, вместе с первоначальным расцветом империализма в восьмидесятых годах прошлого века. Не случайно Мэнсон, отец тропической медицины, пользовался покровительством Джозефа Чемберлена; не случайно первые широкие мероприятия по борьбе с желтой лихорадкой были проведены во время испано-американской войны 1897 года, а их успех сделал возможным строительство Панамского канала” [3: 463–464].

К середине XX в. смертность в странах Третьего мира в целом мало отличалась от смертности традиционного типа. Здесь все еще сохраняли смертоносную силу такие причины экстраординарной, катастрофической смертности, как голод и эпидемии. В то время как в Западной Европе последняя сильная вспышка голода произошла в середине прошлого века (в Ирландии), Азия, Африка и Латинская Америка оставались, а в значительной степени остаются и сейчас, районами, в которых не устранена опасность массовой смерти от голода. По некоторым оценкам, в Китае в XIX в. голодной смертью умерло около 100 млн человек, лишь в одном 1877 г. в северных провинциях Китая от голода погибло 4–6 млн человек. В Индии в XIX в. было более 30 вспышек голода, за последние 30 лет минувшего столетия от голода погиб-

ло 20–25 млн человек. Во время голода 1918–1919 гг., сопровождавшегося эпидемией гриппа, в Индии погибло более 15 млн человек, а во время последнего крупного голода в Бенгалии в 1943 – 1944 гг. – около 4 млн человек [9: 33, 223; 12: 209.]. Долгое время оставалась высокой и смертность от наиболее опасных эпидемических болезней. Например, только с 1894 по 1937 г. в Индии от чумы умерло не менее 12,5 млн человек [1: 7].

Однако едва ли не большую угрозу жизни населения развивающихся стран несут голод и болезни в их “нормальной”, эндемической форме. Питание большинства населения развивающихся стран остается неудовлетворительным как с точки зрения количества, так и с точки зрения сбалансированности пищевого рациона. Производство продовольствия в этих странах в целом растет примерно такими же темпами, как в развитых странах, но в расчете на душу населения этот рост намного меньше. В 1962–1972 гг. производство пищевых продуктов на душу населения в развитых странах ежегодно увеличивалось на 1,7%, в развивающихся – на 0,3%. Хотя в целом рост производства продовольствия в развивающихся странах в 50–60-е годы опережал стремительный рост населения, в нескольких десятках стран положение было обратным, население росло быстрее, чем производство продуктов питания [17: 5–6]. По среднесуточному потреблению калорий на душу населения многие развивающиеся страны уступают развитым более чем в 1,5 раза, по потреблению белка – вдвое, а по потреблению белка животного происхождения – иногда в 10 и более раз [17: 444–445]. По оценке ФАО от калорийного голодания страдает 20%, а от белкового и других специфических видов голодания – 60% населения развивающихся стран. Всего в 60-е годы от голода и недоедания в мире страдало не менее 1 млрд человек [17: 442]. Недостаточное питание получали около половины всех детей развивающегося мира; по мнению некоторых исследователей, и сейчас еще более половины смертей в возрасте до 5 лет – прямое или косвенное следствие недостаточного питания [18: 10–11].

Все еще сохраняют роль одной из главных причин смерти в развивающихся странах инфекционные и паразитарные заболевания. До сих пор ежегодно в мире регистрируется 2–3 млн новых случаев заболевания туберкулезом и 1–2 млн смертей от этой болезни, причем подавляющее большинство смертей приходится на развивающиеся страны. Громадный урон здоровью населения развивающихся стран наносит малярия, различные паразитарные заболевания (шистоматоз, филяриоз, анкилостомидоз, аскаридоз), от которых страдают сотни миллионов людей. Остается очень высокой смертность, особенно детская, от желудочно-

кишечных и других инфекционных заболеваний [7: 147–148, 191, 203–204].

Разумеется, в настоящее время экономический и социальный прогресс в развивающихся странах, забота правительств молодых национальных государств о здоровье их населения, успехи медицины и усилия международных организаций привели к существенным сдвигам в состоянии здоровья и в причинах смерти населения Третьего мира. В результате массовой вакцинации населения против наиболее опасных болезней, борьбы с их переносчиками, широких санитарно-гигиенических мероприятий, развития карантинной службы и других специальных мер, осуществляемых в более благоприятных, чем прежде, экономических и социальных условиях, удалось одержать полную или частичную победу над многими, недавно еще непобедимыми причинами преждевременной смерти людей.

Резко пошла на убыль смертность от конвенционных (карантинных) болезней: чумы, холеры, оспы, желтой лихорадки, сыпного и возвратного тифа. Эти болезни еще не побеждены полностью, но их смертоносная сила значительно ограничена. Если в начале века в одной только Индии от чумы умирало ежегодно 400–500 тыс. человек [1: 25], то в начале 1960-х годов во всем мире регистрировалось менее полутора тысяч случаев этой болезни. Все еще десятки тысяч людей ежегодно заболевают холерой и оспой, но все же это не сотни тысяч, как прежде. Число случаев сыпного и возвратного тифа во всем мире составляет несколько тысяч в год, а число заболевших желтой лихорадкой не превышает обычно нескольких сот [2: 88]. Ведется успешная борьба с туберкулезом, малярией, фрамбезией и другими инфекционными болезнями, хотя пока еще быстрое продвижение в борьбе с болезнями в развивающихся странах сильно тормозится пережитками колониализма в их экономике и ее общей слабостью, низким культурным уровнем населения, отсутствием квалифицированных кадров и т.д. Не хватает врачей и другого медицинского персонала, не хватает медикаментов, не хватает больниц, недостаточно развита медицинская профилактика. Даже относительно простые и в то же время эффективные санитарно-гигиенические меры во многих случаях ждут еще своего осуществления.

Борьба со смертью в развивающихся странах наталкивается также и на живучесть многих пережитков прошлого в сознании людей. Третий мир – последний оплот традиционного общества, и хотя социально-экономические основы этого общества почти везде подорваны, традиционный уклад жизни и быта, традиционные формы жизни все еще сохраняют немалую силу. Патриархальный консерватизм, слепое следование религиозному канону,

неверие в человеческие возможности и вытекающая из него пассивность в борьбе со смертью, сохранение многих вредных для здоровья и жизни человека обычаев – все это далеко еще не изжито и сильно препятствует полному преодолению основных черт, свойственных смертности традиционного типа, в частности высокой экзогенной смертности.

В результате структура причин смерти населения развивающихся стран еще и сейчас отражает взаимодействие двух групп факторов: тех, которые способствуют ее перестройке и постепенному ослаблению роли экзогенных причин, и тех, которые этому препятствуют. Разумеется, смертность в большинстве стран Третьего мира – это уже не традиционная смертность в ее изначальном виде. Сейчас нигде нет такой структуры причин смерти, которая существовала во всем мире еще в XVIII в., а в развивающихся странах – и в начале XX в. Современная структура причин смерти населения Третьего мира многими чертами напоминает ту переходную структуру, которая была характерна для промышленно развитых стран на рубеже XIX и XX столетий.

Различные развивающиеся страны находятся сейчас на разных стадиях перехода к новому типу смертности, чем объясняется неодинаковая вероятность умереть от различных причин в этих странах. Но ни одна из них, как видно из табл. 2.10.1, не приблизилась по рассматриваемым показателям к развитым странам, где новый тип смертности давно уже прочно утвердился. В то время как в Англии или США из каждой 1000 новорожденных 700 и более имеют шансы умереть от сердечно-сосудистых и раковых заболеваний (а эти болезни, как мы знаем, поражают людей преимущественно в старших возрастах), в Гонконге вероятность умереть от этих причин составляет лишь 444 на 1000, а в Таиланде – всего 70. Соответственно увеличивается риск смерти от других причин, которые гораздо меньше связаны с возрастом и часто вызывают смерть детей или взрослых в расцвете сил. Например, в Мексике из 112,2 тыс. человек, умерших в 1970 г. от инфекционных и паразитарных заболеваний, 40,3% умерли в возрасте до 1 года, 29,0% – в возрасте от 1 до 4 лет и еще 12,8% – в возрасте от 5 до 34 лет. Таким образом, на долю людей в возрасте до 35 лет пришлось 82,1% всех умерших от этой причины. В то же время из 69,5 тыс. человек, умерших от сердечно-сосудистых заболеваний и рака, в этом возрасте погибли всего 12,7% [50: tables 5.2.1, 5.3.1, 5.4.1].

Не удивительно, что при нынешней структуре причин смерти развивающиеся страны все еще значительно отстают от развитых по уровню смертности и средней продолжительности жизни,

Таблица 2.10.1

**Число умирающих от различных причин из 1000 родившихся
в некоторых странах и территориях, мужчины**

Причины смерти	Венесу-эла 1970	Мексика 1970	Сянган (Гонконг) 1970	Таиланд 1970	Англия и Уэльс 1901	США 1900*	Япония 1899	Англия и Уэльс 1964	США 1964	Япония 1964
Инфекционные и паразитарные болезни	72,2	129,9	90,8	67,8	165,3	167,9	123,4	9,8	10,7	35,0
Новообразования	116,1**	54,3**	164,9**	24,6**	52,3	33,7	25,8	201,1	157,0	162,9**
Сердечно-сосудистые заболевания	289,9	178,9	279,5	45,4	174,2	190,6	150,9	497,4	568,8	447,0
Болезни органов дыхания	67,7	167,5	158,8	38,6	165,2	136,4	92,3	132,5	36,9	89,5
Несчастные случаи, отравления и случаи насильственной смерти	93,0	95,8	51,5	59,0	48,9	65,7	35,1	45,8	76,9	71,4
Прочие и неустановленные причины	361,1	373,6	254,5	764,6	386,8	405,7	572,5	113,4	149,7	194,2

* Штаты, имевшие регистрацию причин смерти. ** Только злокачественные новообразования.
Источники: [44; 50: 818-819].

Таблица 2.10.2

**Средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного
в некоторых развивающихся странах в XX в. (в годах)***

Страна	Пол	1905	1915	1925	1935	1945	1955	1965
Аргентина	мужчины	–	45	–	–	57	63	64
	женщины	–	48	–	–	61	69	70
Бирма	мужчины	–	–	31	–	–	41	–
	женщины	–	–	31	–	–	44	–
Бразилия	мужчины	} 39		41	40	39	–	} 61
	женщины			45	46	–		
Гайана	мужчины		30	34	40	49	53	59
	женщины		32	36	43	52	56	63
Египет	мужчины	–	–	31	36	41	–	52
	женщины	–	–	36	41	47	–	54
Индия	мужчины	23	–	27	–	32	42	–
	женщины	23	–	27	–	32	41	–
Мексика	мужчины	} 27	27	31	39	44	52	61
	женщины			33	42	45	55	64
Пуэрто-Рико	мужчины	30	38	38	40	45	66	67
	женщины	31	39	39	41	47	70	72
Филиппины	мужчины	12	25	–	45	49	–	–
	женщины	14	26	–	48	53	–	–
Чили	мужчины	–	–	31	39	41	50	54
	женщины	–	–	32	42	43	54	60
Шри Ланка	мужчины	–	–	38	–	47	58	62
	женщины	–	–	31	–	45	57	61
Ямайка	мужчины	–	39	36	–	51	56	63
	женщины	–	41	38	–	55	59	67

* Показатели таблиц смертности, исчисленных для периодов, ближайших к датам, указанным в настоящей таблице

Источники: [49a table 29, 49b table 34]

хотя разрыв постепенно сокращается. Данные о динамике средней продолжительности жизни за относительно длительный период (несколько десятилетий) можно привести лишь по некоторым странам, потому что существование статистики смертности, как правило, – не менее убедительное свидетельство определенного, достаточно высокого уровня экономического и культурного развития, чем само снижение смертности. Имеющиеся данные собраны в табл. 2.10.2.

Из табл. 2.10.2 видно, что охарактеризованные выше изменения условий смертности в развивающихся странах не прошли даром. Средняя продолжительность жизни в этих странах

медленно увеличивалась и примерно в четвертом десятилетии прошлого столетия во многих из них подошла к тому уровню, который был зафиксирован в развитых капиталистических странах в середине XIX века. В последующие три-четыре десятилетия рост средней продолжительности жизни ускорился, что свидетельствует о постепенном утверждении в Третьем мире современного типа смертности. Но, как уже отмечалось, переход к новому типу смертности в развивающихся странах еще далек от завершения, что находит отражение в низких показателях дожития населения этих стран. Если в некоторых из них, преимущественно латиноамериканских, средняя продолжительность жизни превысила уже 60 лет, то для большинства населения развивающегося мира о таких достижениях говорить рано. Ряд государств Азии (среди них такие крупные, как Индия, Индонезия, Бирма) имеет среднюю продолжительность жизни существенно ниже 50 лет, во многих же странах Африки, в том числе в крупнейших государствах с африканским населением (Нигерии, Эфиопии, Заире), средняя продолжительность предстоящей жизни не достигла еще и 40 лет [49b: table 34].

2.11. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Подведем краткие итоги сказанному в этом разделе. За какие-нибудь 150–200 лет смертность населения значительной части земного шара претерпела огромные изменения. Смерть осталась смертью, она неотвратимо настигает всех родившихся. И сегодня даже и в экономически развитых странах есть люди, которые умирают от тех же причин, что и жители Древнего Египта, античные греки или подданные Римской империи. И сегодня есть младенцы, которые не переживают нескольких часов или нескольких дней после своего рождения. Но смертность – явление, присущее не одному человеку, а всему населению, – теперь уже не та. В результате резко возросшего контроля над враждебными здоровью и жизни человека факторами биологической и социальной среды подавляющее большинство людей стало умирать не от тех причин и не в том возрасте, как прежде, и средняя продолжительность человеческой жизни увеличилась более чем вдвое. Глубина совершившихся перемен и стремительность, с которой они произошли, позволяют говорить о революционном перевороте в смертности, в результате которого возник ее новый исторический тип.

В мировом масштабе этот переворот еще далек от завершения. Большая часть населения мира все еще живет в переходных условиях, когда смертность сочетает в себе элементы старого и нового типов, причем в разных странах соотношения этих элементов различно. Но общая историческая тенденция заключается в том, что старый тип смертности отстывает. Каковы бы ни были препятствия социального и экономического порядка, тормозящие полный и окончательный переход к смертности нового типа в развивающихся странах, история не стоит на месте, она устранит эти препятствия, а вместе с ними и традиционный, давно уже ставший анахронизмом тип смертности.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ

3.1. ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РОЖДАЕМОСТИ: ПЛОДОВИТОСТЬ И ПОВЕДЕНИЕ

Рождаемость – процесс рождения детей в населении. Одна из наиболее точных мер интенсивности этого процесса – число детей, рождаемых в среднем женщиной в каждом поколении. Измеряемую таким образом рождаемость можно представить как результат взаимодействия двух групп факторов, в самом общем виде обозначенных в заголовке этого параграфа как плодovitость и поведение.

Плодovitость. Средняя *потенциальная* плодovitость человека – биологическая константа, определяющаяся физиологическими особенностями вида *Homo sapiens*. Несмотря на то что многие из этих особенностей хорошо изучены, оценить потенциальную плодovitость довольно сложно. Даже при условии регулярных половых отношений зачатие – случайное событие, наступление которого характеризуется некоторой статистической вероятностью. Сейчас оценить эту вероятность можно только путем эмпирических наблюдений над реальными человеческими популяциями. Но таких популяций, в которых вероятность зачатия определялась бы одними лишь физиологическими факторами, в человеческом обществе не существует, отделить же влияние физиологических факторов от социальных очень трудно. Принято считать, что среднее число детей, которое может родить одна здоровая женщина, состоящая в браке на протяжении всего репродуктивного периода (примерно от 15 до 50 лет), равно 10–12. Эта величина получена в результате изучения населений, у которых наблюдалась самая высокая рождаемость. Как правило, это население европейского происхождения (например, французское население Канады XVIII в. или секта гуттеритов в США в XX в.¹),

¹ Гуттериты – небольшая религиозная секта, ведущая свое происхождение от анабаптистов, – возникла в 1528 г. в Моравии и названа по имени Якоба Гуттера, сожженного на костре в 1536 г. Гуттериты, часто подвергаясь преследова-

Таблица 3.1.1

**Возрастные коэффициенты брачной рождаемости
и коэффициент суммарной брачной рождаемости у некоторых населений,
не прибегающих к внутрисемейному регулированию рождаемости**

	Число родившихся на 1000 замужних женщин в возрасте, лет							Коэффициент сум- марной брачной рождаемо- сти
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	
Французы в Канаде (браки 1700-1730 гг.)	492	510	496	484	411	231	30	13,27
Гуттериты (браки, заключенные до 1921 г.)	—	475	452	425	374	205	29	—
Гуттериты (браки 1921-1930 гг.)	300	550	502	447	406	222	61	12,44
"Естественная плодовитость" по Л. Анри	—	435	407	371	298	152	22	—
"Минимальная естественная рождаемость" по В.А. Борову	—	400	377	349	279	155	31	—
<i>Источники: [1: 21; 61: 73; 63: 629].</i>								

не прибегающие ни к каким методам ограничения рождаемости и в то же время живущие в относительно благоприятных, "нетрадиционных" экономических и санитарно-гигиенических условиях. Предполагается, что при таком сочетании влияющих на уровень рождаемости факторов потенциальная плодовитость наиболее полно реализуется в рождаемости, вследствие чего назван-

ниям, переселялись из страны в страну. С 70-х годов XVIII в. по 70-е годы XIX в. жили в России, затем в связи с отказом освободить их от военной службы (гуттериты не признают ношения оружия) эмигрировали в США.

ную величину – 10–12 детей – можно считать оценкой потенциальной плодовитости средней женщины.

Приведем несколько примеров такой высокой рождаемости, отождествляемой с потенциальной, или “естественной” плодовитостью женщины (табл. 3.1.1).

От потенциальной плодовитости, которая свойственна человеческому виду и, по-видимому, не меняется на протяжении истории, следует отличать *реальную* плодовитость, уровень которой зависит от возможностей людей управлять своим здоровьем или от того, что можно назвать социальным контролем над плодовитостью. В частности, как было показано в предыдущей главе, современные условия жизни, от которых в огромной степени зависит состояние здоровья населения, а значит, и достижимость приведенных в табл. 3.1.1 показателей, – завоевание двух-трех последних столетий. Реальная плодовитость – это среднее число детей, которое может родить женщина, состоящая в браке на протяжении всего репродуктивного периода своей жизни и не прибегающая ни к каким методам ограничения рождаемости, при данном исторически определенном уровне здоровья населения.

Поведение. Реальная плодовитость, т.е. исторически детерминированная способность средней женщины родить то или иное число детей, – лишь один из факторов, определяющих уровень рождаемости, то число детей, которое в действительности рождает такая средняя женщина. Рождаемость ни в коем случае не может быть выше реальной плодовитости, но она вполне может быть ниже ее. Отличие рождаемости от реальной плодовитости обуславливается поведением людей. Реальная плодовитость для каждой эпохи и для каждого общества – величина данная, отдельный человек почти не может повлиять на нее своим поведением. Рождаемость же, будучи ограничена сверху реальной плодовитостью, зависит от специфических видов поведения людей, а именно от их брачного, полового и репродуктивного поведения. В дальнейшем нас будет прежде всего интересовать поведение женщины, как имеющее наибольшее значение с точки зрения рождаемости. Но поведение мужчины, равно как и брачной пары в целом, также представляет самостоятельный интерес и не должно оставаться вне поля зрения демографа.

Брачное поведение. Брачное поведение людей – это их поведение в связи с заключением и прекращением браков. Его важнейшие характеристики: возраст вступления в первый брак, частота разводов и повторных браков, степень окончательного безбрачия. Все они определяются главным образом культурными нормами и в этом смысле находятся под социальным контролем.

Поскольку во всех обществах подавляющее большинство детей рождается в социально санкционированном браке, с точки зрения рождаемости большое значение имеет длительность времени, прожитого в браке женщиной репродуктивного возраста. Она, в свою очередь, может быть намного меньше, чем длительность репродуктивного периода жизни женщины, и зависит от брачного поведения людей. Условно можно разделить это поведение на активное, ведущее к вступлению в брак, и пассивное – воздержание от вступления в брак по тем или иным причинам.

Половое поведение. Брак создает рамки, в которых протекают отношения полов в человеческом обществе. Однако в различных обществах эти рамки различны и всегда обладают известной – иногда большей, иногда меньшей – эластичностью. Даже при одинаковых характеристиках брачного поведения интенсивность половой жизни женщины – в той мере, в какой она определяется культурными нормами, – может быть различной и в большой степени зависит от отношения к добрачным и внебрачным половым связям, а также от норм, регламентирующих половое поведение в браке. Половое поведение, как и брачное поведение, может быть активным, т.е. предполагающим регулярную половую жизнь, и пассивным, имеющим своим следствием временное или постоянное воздержание от половых отношений. Разделение полового поведения на активное и пассивное интересует нас здесь, разумеется, лишь в той мере, в какой оно вытекает из культурной регламентации, из свойственного данному обществу социального контроля над половым поведением.

Репродуктивное поведение Под репродуктивным поведением мы будем понимать поведение, имеющее непосредственное отношение к зачатию и вынашиванию плода, независимо от того, как тесно связано оно с половым поведением. Его основные характеристики – распространенность искусственных абортов и контрацепции. Репродуктивное поведение также можно разделить на активное и пассивное, хотя здесь условность такого деления особенно велика. Пассивное репродуктивное поведение означает полное невмешательство в естественный процесс производства потомства, рассматриваемый как неизбежное следствие нормальных половых отношений. В противоположность этому активное репродуктивное поведение есть не предусмотренное природой вмешательство в этот процесс, действия, направленные на то, чтобы так или иначе разорвать естественную связь между половым актом и рождением ребенка.

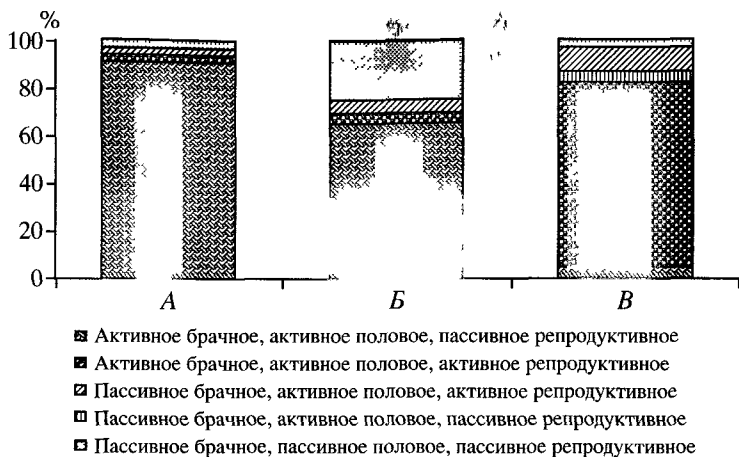


Рис. 4. Структуры демографического поведения

Только репродуктивное поведение можно считать специфически демографическим, неразрывно связанным с рождаемостью. Что же касается брачного и полового поведения, то они имеют демографическое значение лишь в той мере, в какой они слиты с репродуктивным поведением, и утрачивают это значение, когда такая слитность нарушается. Но так как эта слитность никогда не нарушается настолько, чтобы всякая связь между тремя видами поведения исчезла, то все они могут рассматриваться как виды демографического поведения. Соотношение между брачным, половым и репродуктивным поведением с точки зрения их влияния на рождаемость образует *структуру демографического поведения*².

Схемы на рис. 4 содержат попытку наглядно представить различные типы структур демографического поведения. В первом случае (схема А) активное половое и активное брачное поведение, как правило, слиты между собой (половая жизнь женщины протекает в основном в браке). Все другие комбинации этих двух видов поведения возможны только в виде санкционированных или несанкционированных исключений из общего правила: слитное пассивное брачное и половое поведение (монашеский целибат), пассивное брачное и активное половое (проституция) и даже – в отдельных случаях – активное

² Точнее, структуру демографического поведения, влияющего на рождаемость, потому что существует также демографическое поведение, влияющее на смертность.

брачное и пассивное половое, когда пребывание в браке по той или иной причине не ведет к нормальной половой жизни. В то же время активное репродуктивное поведение не играет большой роли, оно только в некоторых случаях сочетается с активным половым поведением (как в браке, так и особенно вне брака), с тем чтобы воспрепятствовать появлению детей. Но по общему правилу активное половое поведение сочетается с “невмешательством”, с пассивным репродуктивным поведением, это сочетание ведет к рождению детей.

Различия между схемой *Б* и схемой *А* не принципиальны. Расширяется зона слитного пассивного брачного и полового поведения за счет откладывания браков и даже полного безбрачия, что влечет за собой почти такое же сокращение зоны слитного активного брачного и полового поведения, вследствие чего рождаемость, естественно, снижается. Но это не предполагает распространения активного репродуктивного поведения, оно по-прежнему остается запретным и находит прибежище только в специфической среде или проявляется в особых случаях (добрачное зачатие, которое надо скрыть, и т.п.).

Схема *В* более существенно отличается от двух предыдущих. Здесь слитность активного брачного и полового поведения, с одной стороны, и пассивного репродуктивного – с другой, нарушена, а активное репродуктивное поведение в сочетании с активным брачным и половым – не редкое исключение, оправдываемое только особыми обстоятельствами, а массовая практика. При этом расширяется и зона сочетания активного полового и репродуктивного поведения с пассивным брачным.

В следующих разделах этой главы будет показано, что сущность переворота в рождаемости в ходе современной демографической революции заключается в изменении структуры демографического поведения, в переходе от схемы *А* к схеме *В* иногда через промежуточную схему *Б*. Приведенные схемы не претендуют на количественную оценку происходящих изменений, а имеют своей целью показать сущность главного качественного сдвига. Он заключается в том, что пассивное и сцепленное с брачным и половым репродуктивное поведение уступило место активному и автономному репродуктивному поведению.

Именно в структуре демографического поведения, равно как и в структуре и методах социального контроля над ним, произошел подлинный переворот, который и привел к возникновению и утверждению нового типа рождаемости.

3.2. РОЖДАЕМОСТЬ ТРАДИЦИОННОГО ТИПА

Традиционный тип рождаемости, так же как и традиционный тип смертности, был теснейшим образом связан с теми экономическими и социальными условиями, в которых жили люди во всех докапиталистических классовых обществах. Этим обществам были свойственны формы и методы социального контроля над рождаемостью, которые сейчас в основном преодолены во всех экономически развитых странах. Однако они вполне соответствовали своей эпохе, более того, было время, когда они играли прогрессивную роль, вытесняя менее эффективные и более варварские методы демографического контроля.

Контроль над плодовитостью, поскольку он сводился к контролю над здоровьем населения, характеризовался теми же основными чертами, что и описанный в предыдущей главе контроль над смертностью. Расширение этого контроля было отражением общих успехов человека в овладении законами своего общественного бытия, усилении его господства над природой и улучшения условий его существования. Все, что было сказано ранее об ограниченности контроля над смертностью во всех аграрных обществах, полностью сохраняет свое значение и в отношении контроля над плодовитостью.

Нет сомнения, что реальная плодовитость во всех добуржуазных обществах, как правило, была намного ниже потенциальной (10–12 детей в среднем на одну женщину). На протяжении большей части человеческой истории люди жили в условиях, гораздо менее благоприятных для здоровья, чем в наше время в экономически развитых странах. Постоянно действовавшими факторами, снижавшими плодовитость женщины, были широко распространенные болезни – венерические, малярия и др., частые выкидыши из-за недоедания, тяжелого труда, нарушения элементарных гигиенических требований во время беременности, последствия родов, произведенных в антисанитарных условиях, слишком раннее начало половой жизни, возможно, неблагоприятные генетические последствия длительного существования небольших изолятов и т.д. Даже некоторых из этих факторов достаточно для того, чтобы очень сильно снизить плодовитость. Так как их действие не было везде одинаковым, уровень реальной плодовитости мог сильно колебаться от эпохи к эпохе и от района к району в зависимости от достигнутого уровня социально-экономического развития, от экологической обстановки и от других условий, влияющих на состояние здоровья населения.

В свою очередь, уровень рождаемости неизбежно был ниже уровня реальной плодовитости, потому что достижение этого

уровня предполагает соблюдение таких зависящих и не зависящих от поведения людей условий (пробытия женщины в непрерывном фактическом браке на протяжении всего репродуктивного периода ее жизни, полное отсутствие практики ограничения рождаемости и т.п.), которые никогда не могли выполняться во всех случаях.

Различия в уровнях реальной плодovitости и рождаемости решающим образом определялись демографическим поведением людей, которое подчинялось некоторым единым для данного общества правилам. Обычаи, традиции, религиозные заповеди или светские законы предписывали людям, как следует вести себя во всех случаях жизни, в частности, они регламентировали их брачное, половое и репродуктивное поведение. Конкретное содержание этих предписаний могло во многом различаться у различных народов и в разные исторические эпохи, но были и общие черты, настолько существенные, что они позволяют говорить о едином типе такого регулирования на протяжении целого огромного этапа человеческой истории.

Брачное поведение³. Подчеркнем прежде всего, что речь идет о поведении, с которым связаны характеристики брачности, а не формы брака и семьи. Последние во многом различались у разных народов и в разные эпохи. Но со времени возникновения института брака всем традиционным обществам при разных формах брака была свойственна брачность, обладающая многими сходными чертами. Важнейшие из них и в то же время представляющие наибольший интерес для демографа – раннее вступление в брак подавляющего большинства женщин и очень низкая доля женщин, вообще не вступающих в брак. Такой тип брачности сохранился до нашего времени у многих народов, весьма далеких друг от друга в этническом, культурном или религиозном отношении (табл. 3.2.1).

Как видим, в странах с традиционной брачностью уже к 25 годам, а иногда и к 20 почти не остается не вступивших в брак женщин, а к 40–50 годам доля их становится совершенно ничтожной. Это резко контрастирует с картиной, наблюдавшейся в последние столетия в европейских странах (для примера в табл. 3.2.1 приведены данные по Швеции).

Раннее и почти всеобщее вступление в брак создает возможность для подавляющего большинства женщин давать потомство сразу после достижения репродуктивного возраста. Однако оно

³ В более поздних работах я использовал термин «матримониальное поведение», который, как мне кажется, более точно отражает смысл того, о чем здесь идет речь (все, что касается заключения и расторжения брака) – *Авт.*

Таблица 3.2.1

Характеристики брачности женщин в некоторых странах

Страна и год	Возраст, к которому заключается половина всех браков, в годах	Доля никогда не состоявших в браке, в %, в возрасте				
		20 лет	25 лет	30 лет	40 лет	50 лет
Алжир (мусульманское население)	18,2	31,9	12,4	6,3	2,8	2,3
Гвинея, 1955	16,3	1,8	0,7	0,3	—	—
Египет, 1947	18,1	28,0	8,7	3,4	1,3	0,8
Египет, 1960	19,2	41,7	9,6	3,6	1,7	0,5
Индия, 1901	17,1	5,1	3,0	2,2	1,4	1,1
Индия, 1961	17,2	5,9	1,9	1,0	0,6	0,5
Китай, 1956	20,3	52,6	10,1	1,6	1,4	0,9
Марокко (коренное население), 1952		8,3	3,3	1,8	1,9	1,9
Пакистан, 1961	17,1	5,8	2,5	1,5	1,0	0,7
Турция, 1955	18,0	20,6	6,5	5,4	2,3	2,0
Корея (Южная), 1955	20,2	45,0	5,5	0,4	0,3	0,1
Швеция, 1900	26,0	90,1	62,5	39,9	23,7	18,5

Источник: [49: 317–324].

не гарантирует длительного пребывания в браке, так как в обществах, в которых господствует смертность традиционного типа, очень велика вероятность прекращения брака из-за смерти одного из супругов. Некоторое представление о роли, которую может играть этот фактор, дает статистика Индии. В 1911–1921 гг., когда в смертности населения Индии не намечалось еще принципиальных сдвигов, доля вдов среди женщин в возрасте 30–34 года составляла 22%, в возрасте 35–39 лет – 29%, в возрасте 40–44 года – 43%. Потери “репродуктивного” времени в связи с овдовением составляли в это десятилетие в среднем 9,9 года на одну женщину (28,4% средней длительности репродуктивного периода) [45: 13–14], что, конечно, должно было вести к существенному снижению рождаемости.

Демографическое влияние раннего овдовения во многих культурах в значительной степени нейтрализовалось повторными браками вдов, часто почти обязательными. У различных народов с полигамной формой брака существовал обычай левирата, по кото-

рому на вдове должен был жениться брат или другой близкий родственник умершего мужа. В других случаях, наоборот, культурные нормы закрепляли демографический эффект частого овдовения. Индуизм, конфуцианство, а иногда и ислам отрицательно относились к повторным бракам вдов, которые поэтому были очень редкими в таких странах, как Индия или Китай.

Половое поведение. Какими бы ни были нормы брачного поведения людей в традиционных обществах, они всегда определяют такой важнейший фактор рождаемости, как среднее время пребывания в браке женщины репродуктивного возраста. Однако само по себе совершение брачного обряда не ведет автоматически к фактическому браку, равно как отсутствие официальных брачных уз ему не препятствует. В традиционном обществе существует тесная связь между половым поведением женщины и ее брачным состоянием, которая достаточно надежно обеспечивается средствами культурной регламентации.

С одной стороны, культурные нормы обычно осуждают добрачные и внебрачные половые связи девушек и женщин. Нарушение этих норм рассматривается как недопустимое отклонение от общепринятой морали и в классических традиционных обществах сурово карается. Единственным основанием для “законных” отношений полов, особенно когда речь идет о представителях женского пола, служит вступление в брак. Хотя такие нормы могут, разумеется, нарушаться, причем иногда даже в социально санкционированной форме (например, узаконенная проституция), в целом они соблюдаются большинством населения. Автономного полового поведения женщины в доиндустриальных обществах никогда не существовало в массовых масштабах. Половое поведение всегда было элементом брачной жизни, т.е., в конечном счете, следствием брачного поведения.

С другой стороны, культурные нормы предписывали неукоснительное выполнение “супружеских обязанностей”, причем рождавшиеся в браке дети рассматривались как свидетельство соблюдения этих норм, как источник социального престижа, которого во многом лишались бездетные супруги. Нормативное регулирование полового поведения супругов не ограничивалось только общими установками, а нередко регламентировало его очень детально, поощряя или, наоборот, запрещая физическую близость супругов в зависимости от определенных, часто внешних условий. Пример такой регламентации дает Индия, где религия и обычай предписывали супругам воздерживаться от половых отношений “в дни моления определенным богам и богиням, при новолунии и полнолунии и в 11-й день лунного цикла (ecadishi), при лунном и солнечном затмении, при подготовке к религиозным

праздникам, 2–3 дня после прекращения месячных, 4–6 месяцев после рождения ребенка и т.д.” [13: 147]. (В.И. Козлов приводит также много других примеров регламентации полового поведения брачных пар.) И сейчас еще подобные ограничения у сельского населения Индии охватывают до 120 дней в году.

Репродуктивное поведение. Не отрицая возможности разного рода отклонений от норм, различных исключений из общего правила, особенно в отношении социально привилегированной части населения, можно сказать, что в целом период половой жизни женщины и даже ее интенсивность в огромной степени зависели от принятых в данном обществе культурных норм, регулировавших брачное и половое поведение людей. Но влияние этих норм на рождаемость могло быть решающим только в том случае, если одновременно не было распространено автономное репродуктивное поведение, которое позволяло бы добиться хотя бы некоторой независимости репродуктивной активности от половой, разорвать автоматическую связь между половым поведением и рождаемостью и избежать рождения ребенка как естественного следствия полового акта.

Вероятно, во все времена были известны различные формы такого поведения, которые позволяли воспрепятствовать либо зачатию при совершении полового акта (контрацепция), либо вынашиванию плода до его естественного исхода (искусственный выкидыш, аборт). Уже в племенных обществах широко пользовались самыми различными методами контрацепции – от простейших, таких, как прерванное сношение, до разного рода снадобий как внутриматочного, так и перорального применения, хотя в качестве средств демографического регулирования “более распространенные способы – аборт, детоубийство и половые табу – были, конечно, более эффективными” [67: 55].

Аборт и контрацепция были известны всем крупным цивилизациям древности, имеются данные об их использовании в древних Египте, Иудее, Индии, Китае, Японии, в Греции и Риме, у арабов-мусульман и в средневековой Европе. Но анализируя все имеющиеся данные, касающиеся практики абортов и контрацепции в прошлом, исследователи приходят к выводу, что влияние ее на рождаемость никогда не было значительным. Это относится даже к древним Греции и Риму, где знания о контрацепции действительно достигли, по-видимому, высокого уровня [67: 98–101; 47: 139]. “По всей видимости, в античности знания о контрацепции были достоянием главным образом ограниченного круга медицинских энциклопедистов, небольшого числа врачей и ученых. Средний гражданин был, вероятно, весьма невежествен в этой области” [67: 100]. Представления о том, что Римская империя

пала в результате депопуляции, вызванной распространением среди римских граждан практики ограничения рождаемости, скорее всего, очень далеки от действительности.

Судя по всему, хотя аборт и контрацепция были всегда известны, как правило, к ним прибегала систематически лишь очень ограниченная часть населения, социальная верхушка, которая использовала их с достаточной эффективностью. Что же касается народных представлений о контрацепции, то они “до нового времени были в основном связаны с магией. Хотя в литературе по народной медицине отмечаются и более рациональные методы и хотя *coitus interruptus*, вероятно, существует почти столь же давно, как и групповая жизнь людей, по-настоящему эффективные методы оставались редкостью” [67: 184]. Не оспаривая авторитетного мнения Н. Хаймса, заметим, однако, что нам кажется неверным, говоря об ограниченной роли контрацепции в прошлом, сводить все к недостатку знаний и к малой эффективности применявшихся методов. Пожалуй, большее значение имели социальные факторы, препятствовавшие превращению практики контрацепции в массовую. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Суммируя изложенное, можно сказать, что для рождаемости традиционного типа характерно отсутствие автономного репродуктивного поведения как формы массового поведения. Непосредственным объектом социального контроля служат брачное и половое поведение, но так как они слиты с репродуктивным поведением, то сами превращаются в компоненты демографического поведения.

По общему правилу, традиционные культурные нормы охраняют слитность, “сцепленность” репродуктивного поведения с брачным и половым и препятствуют выделению репродуктивного поведения в самостоятельный вид поведения и установлению над ним непосредственного контроля, независимого от контроля над брачным и половым поведением. Такова вообще природа культурных норм традиционного общества, для них характерны комплексность, многофункциональность, недифференцированность. Как замечает Ю.А. Левада, именно передача из поколения в поколение «целостных отрезков прошлой деятельности представляет основную культурную функцию “примитивных” общественных организмов» [14: 112]. Каждая из таких “комплексных” культурных норм имеет множество корней, уходящих в почву того общества, в котором она возникла, в ее разные слои, каждая отшлифована историей и отражает внутреннюю согласованность многих сторон жизнедеятельности людей в данных исторических и географических условиях. Позволяя решать сразу комплекс стоящих перед

обществом задач, эти нормы обычно не пригодны для независимого решения какой-либо одной из них. В эпоху быстрых и неравномерных изменений, охватывающих различные стороны жизни общества, монолитность, “неразъемность” традиционных норм очень сильно ограничивает гибкость и динамизм социального организма, что и приводит в конце концов к изживанию этих норм. Но многовековой и даже тысячелетней стабильности аграрных обществ эти нормы соответствуют как нельзя лучше. Когда же эти общества оказываются на пороге гибели, в защиту исчезающей недифференцированности демографического поведения, против отделения репродуктивного поведения от брачного и полового выступают выросшие на традиционной почве мыслители даже самого крупного масштаба – будь то Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстой или М. Ганди. Даже таким людям, вносящим огромный вклад в разрушение старого общества, мысль о непосредственном контроле женщиной или супружеской парой своего репродуктивного поведения кажется кощунственной и противоестественной. Супруги, сознающие свою ответственность, писал М. Ганди, “никогда не вступят в половую связь только для удовлетворения своей похоти, а лишь из желания иметь потомство. Думать, что половой акт – самостоятельная функция в такой же степени необходимая, как сон и еда, по-моему, есть величайшее невежество” [7: 195].

Недифференцированность форм демографического поведения и соответственно целей и методов социального контроля над ним – первая важнейшая черта традиционного типа рождаемости. Вторая его важнейшая черта – жесткость социального контроля над демографическим поведением, общеобязательность действующих в этой области культурных норм. Раннее вступление в первый брак, повторный брак после овдовения или, наоборот, пожизненное вдовство и т.п. предписываются обычаем, освящаются авторитетом религии, одобряются общественным мнением. Все эти поступки не требуют волеизъявления индивидуума и совершаются почти автоматически по достижении определенного возраста или при возникновении определенной ситуации.

Ни в коем случае не следует идеализировать этот автоматизм действия культурных норм. Он был неразрывно связан с полным попранием прав отдельной личности, а точнее – с отсутствием представления о существовании таких прав, особенно у женщин. Всякое нарушение норм каралось дикими, варварскими методами, да и сами нормы были зачастую дикими и варварскими. С глубокой симпатией повествует просвещенный римлянин К. Тацит о чистых нравах германцев. Прелюбодеяния у них крайне редки, а “наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родст-

венников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне” и т.п. [32: 361]. А чего стоили, например, брачные обычаи индийцев, дожившие почти до наших дней. В брак вступали дети, женщины жили в строгом затворничестве, вторичное замужество запрещалось, и “несчастные женщины, возраст которых ко времени смерти мужа иногда не превышал десяти лет, предпочитали страшный обычай сати (самосожжения) жалкому существованию индийской вдовы” [17: 295]. Понятно, что эти и подобные им нормы могли существовать только на определенном, достаточно раннем этапе развития общества и должны были исчезнуть с завершением этого исторического этапа.

Иногда полагают, что традиционные нормы всегда были безудержно популяционистскими и создавали условия для как можно более высокой рождаемости. В действительности это не совсем верно. Многие нормы брачного и полового поведения содержали в себе элементы контроля над рождаемостью, направленного на ее некоторое ограничение. В частности, упоминавшиеся индуистские правила, запрещавшие повторное замужество вдов или предписывавшие периодическое воздержание от половых отношений в браке, несомненно, вели к тому, что уровень рождаемости был существенно ниже уровня реальной плодовитости. Исследователи неоднократно отмечали, что рождаемость в Индии заметно ниже, чем в других странах, находящихся на такой же ступени демографического развития. Очень может быть, что индийские или подобные им нормы брачного, полового или репродуктивного поведения отражают специфику демографической ситуации в том или ином районе мира.

Но если неверно утверждать, что социально-культурный контроль в традиционных обществах всегда был ориентирован на достижение *самого* высокого из всех возможных уровней рождаемости, то все же нет сомнений, что он, как правило, обеспечивал высокий ее уровень – достаточно высокий для того, чтобы, несмотря на высокую смертность, население не вымирало. Существовала неразрывная связь между качественными и количественными характеристиками рождаемости традиционного типа. Жесткость и общеобязательность норм брачного, полового и репродуктивного поведения обеспечивали высокую рождаемость, но сами эти жесткость и общеобязательность диктовались необходимостью постоянно поддерживать именно такую высокую рождаемость, были ответом на не менее жесткое давление смерти, против которой люди оставались бессильными.

Попробуем составить представление об уровне рождаемости традиционного типа. В табл. 3.2.2 приведены возрастные и суммарный коэффициенты *общей* рождаемости, которые наблюда-

Таблица 3 2 2

**Возрастные коэффициенты рождаемости и коэффициент суммарной рождаемости
соответствующие ее традиционному типу**

Страна	Период, годы	Число родившихся на 1000 женщин в возрасте							Коэффициент суммарной рождаемости	Средняя продолжитель- ность жизни женщин, в годах
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49		
Россия (европейская часть)	1896-1897	30	309	334	331	219	130	59	7,06	33,4
в том числе Украина	1896-1897	32	328	355	352	232	138	63	7,50	36,9
Болгария	1901-1905	24	302	356	303	219	129	58	6,57	40,3 (1899-1902)
Алжир	1954	103	281	301	248	208	89	27	6,29	35* (1948)
Верхняя Вольта	1960-1961	151	297	259	220	155	84	19	5,92	31,1* (1960)
Габон	1960-1961	171	190	173	127	98	43	27	4,15	45
Гвинея	1954-1955	239	334	311	246	171	69	31	6,98	28 (1955)
Дагомея	1961	197	335	306	254	166	86	29	6,86	37,3*
Египет	1947	49	264	347	277	167	32		5,68	47,0 (1946-1949)
	1960	32	211	348	366	195	56	19	6,14	53,8
Камерун	1964-1965	135	294	260	200	116	48	31	5,42	37,2
Конго	1960-1961	136	251	219	177	132	74	30	5,09	37*
Кувейт	1965	173	257	370	296	220	62		6,88	53,8 (1960)
Марокко	1962	93	300	317	289	184	106	92	6,91	49,6 ⁺ (1960)
Нигер	1960	197	341	306	260	191	99	47	7,20	37,1* (1959-1960)
Сенегал	1961	158	242	243	204	153	47	26	5,37	37* (1957)

Сингапур	1957	78	303	355	289	195	81	12	6,56	66,5
Тунис	1965	61	311	354	304	208	113	47	6,99	51,7* (1965–1970)
Центральноафрикан- ская Республика	1959–1960	60	296	252	189	90	27	10	4,62	36
Чад	1963–1964	162	268	218	159	121	60	39	4,74	31*
Южно-Африканская Республика (цветное население)	1961	123	331	307	240	178	82	21	6,41	54,3 (1959–1961)
Япония	1925	49	239	269	237	182	79	13	5,34	43,2 (1921–1925)
Гипотетический максимум по Ф. Лоримеру		180	340	340	290	210	100	30	7,45	

* Для обоях полов

Источники [49 570–577, 55 33–48, 71 213, 72 28, 81 73, 80 53]

лись в наше время у населений, живших в основном в традиционных демографических условиях, т.е. в условиях сравнительно высокой смертности, почти всеобщей ранней брачности и отсутствия внутрисемейного регулирования рождаемости. Следует иметь в виду, что таким демографическим условиям, как правило, соответствует примитивное состояние демографического учета, так что приведенные в таблице данные нельзя считать абсолютно надежными. Но приблизительное представление о пределах, в которых могут изменяться показатели рождаемости, они дают. Показатели, относящиеся к Европейской России и Украине, представляют собой оценку Р. Кучинского, сделанную косвенным путем. Если эта оценка верна, то на Украине в конце прошлого века был достигнут один из самых высоких показателей рождаемости, возможных в рамках традиционного типа воспроизводства населения, правда, уже на исходе его существования. Сделанная Ф. Лоримером оценка гипотетического максимума показателей рождаемости близка к указанной оценке Р. Кучинского.

Наиболее низкие из приведенных в таблице показателей относятся к некоторым странам Африки. Коэффициент суммарной рождаемости в африканских странах колеблется в широких пределах, но, за одним исключением, не опускается ниже 4600 рождений на 1000 женщин.

Отталкиваясь от этих данных, можно грубо определить диапазон колебаний этого коэффициента в пределах от 4500 до 7500 рождений на 1000 женщин. Но едва ли можно думать, что на протяжении большей части человеческой истории этот показатель часто приближался к своему верхнему пределу. Как видно из табл. 3.2.2, средняя продолжительность жизни у всех рассмотренных населений была существенно выше, чем во времена безраздельного господства традиционного типа смертности, а это не могло не сказаться на показателях рождаемости. В той же Африке, по данным обследований, проведенных в разных странах, большей частью в конце 1950-х годов, среднее число детей, фактически рожденных женщиной к возрасту 45–49 лет, колебалось от 3 в Камеруне до 6,4 в одном из районов Берега Слоновой Кости [80: 56–57]. Эти показатели сформировались в традиционных условиях жизни африканского населения, в то время как коэффициенты табл. 3.2.2 отражают уже значительные изменения этих условий. Сейчас мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы с уверенностью судить об уровне рождаемости у различных народов в различные исторические эпохи, но вероятнее всего, что большинство встречавшихся значений укладывалось в пределах от 4 до 6 рождений на одну женщину, дожившую до конца репродуктивного периода.

3.3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОРОТА В РОЖДАЕМОСТИ. ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕЛИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Впервые в мировой истории объективные основы существования рождаемости традиционного типа были подорваны во второй половине нашего тысячелетия в Западной Европе. Это было результатом всего социально-экономического развития, которое воздействовало на традиционную систему демографического регулирования сразу по многим направлениям. Исторический процесс одновременно поставил под вопрос прежнюю цель демографического регулирования в области рождаемости и прежние методы такого регулирования и в конечном счете сделал необходимым переход к демографическим отношениям нового, совершенно иного, чем прежде, типа.

Посмотрим вначале, что произошло с целью демографического регулирования. Речь, разумеется, идет не о такой цели, которая ясно осознается всеми участниками демографического процесса, они могут о ней ничего и не знать. Здесь имеется в виду объективная цель, отраженная в культурных нормах и воспринятая неосознанно. Поскольку речь идет о рождаемости, такой целью всегда была *высокая рождаемость*

Высокая рождаемость была обусловлена высокой смертностью, служила единственной гарантией того, что население не вымрет. Как будет подробнее показано в следующей главе (см. 4.4), огромная доля родившихся становилась жертвой высокой смертности до того, как они могли полностью заменить своих родителей в деле продолжения рода, так что даже при высокой рождаемости традиционного типа едва обеспечивалось простое возобновление поколений. Так было на протяжении тысячелетий.

Систематическое снижение смертности создало совершенно новую ситуацию. При увеличении средней продолжительности жизни с 25 до 40 лет доля детей, доживающих до 20-летнего возраста, увеличивается примерно на 40%, при достижении средней продолжительности жизни в 50 лет – на 65%. Одновременно со снижением смертности повышается реальная плодовитость, удлиняется время брачной жизни женщины, в силу чего обнаруживается тенденция к росту среднего числа рождений. Совместное действие всех этих факторов может привести к тому, что число становящихся взрослыми детей как во всем населении, так и в средней семье увеличивается в 1,5–2 раза, свидетельствуя о резком нарушении былой согласованности рождаемости и смертности.

Может ли долго сохраняться новое соотношение рождаемости и смертности? Едва ли ответ на этот вопрос следует искать в анализе воспроизводства населения как такового. Объективные критерии целесообразности демографического развития лежат вне собственно демографической сферы. Нарушение согласованности рождаемости и смертности, о котором идет речь, приводит к необратимому нарушению традиционного демографического равновесия, порождает конфликт между воспроизводством населения и другими сторонами воспроизводства социального организма (воспроизводством общественного продукта, социальной структуры и т.п.). Именно этот конфликт указывает на кризис старой системы демографического регулирования, дает толчок к ее преодолению и замене новой и в процессе развития ведет к установлению того демографического равновесия, которое должно обеспечиваться гомеостатическими механизмами в новых условиях.

Как в действительности развивался такой конфликт?

Медленный рост населения и малодетность средней семьи хорошо согласовывались с особенностями экономического и социального быта аграрного общества. Ограниченность земельных ресурсов и застойная техника не позволяли увеличивать объем сельскохозяйственной продукции, поступавшей в распоряжение всего общества, сельской общины или отдельной семьи. Даже если земля внутри общины перераспределялась “по едокам”, такое перераспределение могло иметь смысл лишь при условии, что многодетность одних семей компенсировалась малодетностью других. В противном случае наделы непрерывно уменьшались бы и в конце концов прокормиться, возделывая их, стало бы невозможно. Если бы снижение смертности произошло в эпоху феодализма, увеличение числа наследников сразу вступило бы в противоречие с общепринятыми формами сохранения незыблемости социальной структуры, с фидеикомиссом, с принципом неделимости лена, с надельной системой крестьянского землепользования и т.п. Как отмечал К. Маркс, рассматривая формы, предшествующие капиталистическому производству, “там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие” [20: 483].

Но первые признаки снижения смертности – у высшей аристократии и средневековой буржуазии – появились тогда, когда феодальное общество в Европе было уже накануне гибели, массовым же оно стало уже после победы буржуазного способа производства. Соответственно и относительная многодетность в достаточно крупных масштабах могла стать реальным

фактом не раньше, чем утвердилось буржуазное общество. Разумеется, и в этом обществе можно без труда увидеть некоторые основания отрицательного отношения к многодетности, аналогичные тем, которые существовали в прошлые эпохи. В частности, увеличение числа выживающих детей угрожало целостности накопленных состояний, грозило дроблением мелкой земельной собственности и потому особенно ощущалось крестьянством в тех странах, где существовала частная собственность на землю.

Однако постепенно отказ от многодетности распространился на все слои населения, в том числе на городское население, не связанное с землей, на наемных работников, не имеющих состояний, и т.п. Чем объяснить этот универсальный феномен, играющий такую большую роль в жизни современных людей?

Казалось бы, наемные работники, и прежде всего рабочие, представляют собой ту часть населения, у которой новые демографические тенденции не должны были вести ни к какому конфликту. Дети рабочих ничего не наследуют, и с этой точки зрения число детей для рабочей семьи безразлично. Больше того, на ранних этапах развития промышленного капитализма, когда был широко распространен ранний труд детей, многодетность семей даже стимулировалась “той премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация” [19: 657].

Этот этап развития оказался, однако, преходящим. Прогрессирующая техника постепенно стала предъявлять такие требования к качеству рабочей силы, которые уже не могли быть удовлетворены при применении детского труда. Да и подготовка взрослых рабочих уже не могла осуществляться прежними способами. Чтобы рабочие смогли функционировать в качестве важнейшего элемента современных производительных сил, должны были измениться все условия их воспроизводства как работников, что, в свою очередь, потребовало изменений в условиях жизни рабочего класса. Эти изменения охватили различные стороны жизни как отдельного человека, так и семьи, распространились на весь образ жизни людей, на условия их труда, быта и использования досуга, на уровень их образования, строй потребностей, круг интересов, формы общения, на их классовое и гражданское сознание.

Столь глубокая перестройка условий жизни основной массы населения происходила в течение очень короткого времени, имела характер взрыва и требовала огромного напряжения всех сил и средств. Едва ли не в первую очередь это напряжение ощущалось семьей, которая по-прежнему должна была

выполнять свои функции по воспроизводству людей нужного социального качества. Разумеется, в наше время семья в гораздо большей степени, чем прежде, делит эти функции с обществом, создающим – пусть и несовершенные при капитализме – системы просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и т.п. Тем не менее семья сохраняет свои функции, которые даже усложняются. Теперь от человека требуется несравненно более высокий уровень образования и общей культуры, лучшее здоровье и более длительное сохранение работоспособности, усвоение гораздо более сложных социальных норм и т.д. Подготовка такого человека в огромной мере ложится на плечи семьи, требует от нее больших по сравнению с прошлым материальных и духовных ресурсов, неизбежная ограниченность которых приводит социальную функцию семьи в противоречие с ее демографической функцией. Социальная задача семьи заключается в повышении интенсивности процесса социального воспроизводства, в концентрации всех усилий на подготовке людей, как можно более соответствующих определенным социальным и производственным требованиям, увеличение же числа детей в семье толкает на экстенсивный путь, на снижение качества за счет увеличения количества.

Этот же конфликт воспроизводится и в масштабах всего общества. Ускоренный рост населения требует соответствующего роста “демографических инвестиций” в ущерб “экономическим инвестициям”, накоплению капитала и росту прибыли.

Разрешение этого конфликта, на каком бы уровне он ни рассматривался, представляет собой компромисс демографического и социально-экономического. Нетрудно видеть объективные основания приоритета второго перед первым. Как уже говорилось ранее (см. 1.6), у капитализма есть более важные цели, чем ускоренный рост населения, и они диктуют сведение интенсивности воспроизводства населения до минимально необходимого или близкого к нему уровня (простое или слегка расширенное воспроизводство). При высокой смертности высокая рождаемость – средство достижения этой цели, но когда смертность снижается, высокая рождаемость превращается в помеху. Новые условия демографического равновесия требуют снижения рождаемости. Низкая рождаемость (но не сколь угодно низкая, а такая, которая в сочетании с низкой смертностью надежно обеспечивает непрерывность процесса возобновления поколений) превращается теперь в средство достижения более общей демографической цели (простого или слегка расширенного воспроизводства), а тем самым – в цель регулирования рождаемости.

3.4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПЕРЕВОРОТА В РОЖДАЕМОСТИ. НЕОБХОДИМОСТЬ НОВЫХ МЕТОДОВ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Уже изменение цели демографического регулирования в области рождаемости потребовало изменения методов такого регулирования. Ускорившийся рост населения и становившаяся массовой реальная многодетность семей вступили в конфликт вначале с условиями отмиравшего уже феодального строя, а позднее – и в гораздо большей степени – с условиями развивавшегося капиталистически европейского общества и сделали необходимым снижение рождаемости. Естественно, что такое снижение не могло быть осуществлено с помощью старых традиционных методов демографического контроля, которые были приспособлены к решению противоположной задачи – поддержанию высокой рождаемости. Нужно было либо видоизменить эти методы, либо полностью заменить их.

Были, однако, и другие, не менее, а, может быть, и более важные основания для отказа от старых методов контроля. Они вытекали из всего социально-экономического развития и не зависели от изменений, происходивших в собственно демографической области.

Старые методы контроля рождаемости, как уже отмечалось, соответствовали всему характеру общественных отношений в доиндустриальных обществах. Но эти отношения были уничтожены или подорваны развитием капитализма, что выбило почву из-под ног традиционных методов контроля человеческого поведения. Постепенное устранение всех форм личной зависимости, всех видов территориальной, интеллектуальной, духовной замкнутости, вовлечение женщины в общественное производство, рост образования и многие другие преобразования, связанные с развитием буржуазного способа производства, делали невозможным старый тип поведения, основанного на прямом принуждении или на слепой вере.

Капиталистические преобразования, о которых идет речь, протекали далеко не гладко, им были свойственны противоречивость, непоследовательность и неравномерность. Когда они охватывали широкие слои населения, они нередко осуществлялись насильственным путем, обрекали целые поколения на физические и нравственные страдания. Тем не менее в конечном счете они вели к вполне определенному историческому результату. Так было во всех областях жизни, так было и в той ее сфере, которая наиболее тесно связана с рождаемостью. “Как ни ужасно и

ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, – писал К. Маркс, – тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами” [19: 500].

Крушение феодализма означало одновременно и крушение этических и религиозных догм, скреплявших незыблемость традиционных культурных норм. Уже европейское Просвещение произвело полный пересмотр принципов средневекового догматического мышления. Идеи передовых мыслителей, конечно, не сразу и не без труда проникали в толщу народных масс и оказывали влияние на их поведение. Однако сами эти идеи были отражением перемен, охватывавших все стороны жизни общества, и по мере того, как экономические, социальные и политические перевороты меняли лицо европейского населения, исчезала почва, порождавшая традиционные нормы, и созревали условия для возникновения новых норм, принцип действия которых был совершенно иным.

Преодоление феодализма и его пережитков в разных странах Западной Европы происходило неравномерно. Даже в XIX в. Западная Европа в социально-экономическом и культурном отношении была далеко не однородна. Судьба феодализма как общественного строя была уже решена, но его традиции не были искоренены полностью и в разных странах с разной силой влияли еще на жизнь общества.

Наиболее радикальной борьба с основами феодального мира была во Франции. Французский абсолютизм долго противился всяким переменам, упорно не желая замечать зрелище в стране силы капитализма, он не желал идти ни на какие компромиссы, пока, наконец, не настал момент, когда любые компромиссы стали невозможны. Французская буржуазная революция нанесла всему “старому режиму” удар огромной силы, прогнившие отношения, институты, традиции были уничтожены так основательно, как ни в какой другой стране. Другим странам понадобилось немало времени, чтобы догнать в этом отношении Францию. “...Весь XIX век... прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии...” [16: 367].

Социально-экономическое развитие на протяжении по крайней мере пяти последних столетий постепенно подготавливало европейское общество ко многим изменениям, в том числе и к из-

менениям методов демографического контроля. Однако долгое время такая подготовка шла медленно, и первоначально общество оказалось способно лишь на видоизменение старых методов, но не на полный разрыв с ними. Только после французской революции, причем сперва только во Франции, смогли получить распространение совершенно новые методы социально-культурного регулирования рождаемости.

В большинстве же западноевропейских стран буржуазное развитие шло путем компромиссов с не отступающими без боя силами феодализма, борьба буржуазии не была до конца последовательной. Постепенно утрачивая свою революционность, буржуазия проникалась духом охранительного консерватизма и сама начинала оберегать многие сохранившиеся от феодальной эпохи порядки. Благодаря этому и до нашего времени во многих развитых странах сохранили свое влияние традиционная мораль, религия и т.п. Этим влиянием и определялось долгое время, а в известной мере определяется и сейчас, специфика развития современных методов контроля рождаемости в разных странах.

Сравним, например, Францию с ее ближайшей соседкой – Швейцарией. Еще в 50-е годы XIX века Ф. Энгельс характеризовал Швейцарию как страну со множеством традиционных путей и допотопным состоянием общества, страну, которая, по его словам, не пережила еще ни революции в промышленности, ни переворота в традиционном образе мышления [42: 93, 94]. Швейцария была не только географической соседкой Франции, во второй половине XIX в. она была ближе к ней, чем большинство других стран, по уровню рождаемости (см. табл. 3.7.2.). Может показаться, что демографическое развитие этих стран было сходным. В действительности же между ними существовало глубокое различие, отражавшее разницу в степени социальной зрелости их населения. “Допотопное” швейцарское общество пользовалось и допотопными методами контроля рождаемости.

Так, впрочем, долгое время было и почти во всех остальных европейских странах.

До относительно недавнего времени в Европе параллельно развивались и, в известном смысле, соревновались между собой два пути контроля рождаемости. Оба они вели к одной и той же цели – к снижению рождаемости и в этом смысле оба отвечали историческим требованиям. Но методы воздействия на рождаемость каждому пути были присущи свои: в одном случае объектом воздействия была брачность, снижение рождаемости было следствием нового, нетрадиционного брачного поведения людей. В другом случае к тому же результату вело новое, нетрадиционное репродуктивное поведение. История решила этот спор в

пользу второго пути (“французского”), что и дает основания называть первый путь “допотопным”. Но на определенном историческом этапе он сыграл свою роль, и становление современного типа рождаемости началось именно с него.

3.5. ИЗМЕНЕНИЯ В БРАЧНОМ ПОВЕДЕНИИ

Первоначально, в той мере, в какой коллизия, вызванная увеличением числа выживающих детей в семье, стала ощущаться семьей и обществом, разрешения ее пытались искать в рамках традиционных, хотя и несколько модифицированных методов контроля над рождаемостью. Важнейшую роль сыграло изменение норм брачного поведения.

Насколько можно судить по имеющимся отрывочным сведениям, в средневековой Европе брачность имела все черты, характерные для ее традиционного типа. Браки были очень ранними. Говоря о Европе XI–XV вв., Б.Ц. Урланис пишет: “Можно считать установленным, что средний брачный возраст... был очень низким вследствие большого количества браков, заключенных в чрезвычайно раннем возрасте. Венчались не мужчины и женщины, а скорее девочки и мальчики” [37: 104]. Об этом же говорит Дж. Хаджнал: “В средние века обручение детей и браки очень молодых подростков были широко распространены среди всего населения (а не только среди дворянства)” [59: 120]. С ранней брачностью сочеталась низкая доля женщин, вообще остающихся вне брака. Еще в XVII в. у высшей английской аристократии, у женеvской буржуазии доля женщин, не вступивших в брак к 50 годам, не превышала 6–7% [69: 364; 64: 52]. Правда, и 6–7% остающихся вне брака женщин – это немало по сравнению с тем, что можно наблюдать во многих странах с традиционной брачностью в середине нашего века (см. табл. 3.2.1). Возможно, эта особенность традиционной брачности в Европе была связана с распространенностью здесь монашеского celibата. Однако, исследуя изменения в брачном поведении европейского населения, 6–7% женщин, остававшихся вне брака в XVII в. и ранее, надо сравнивать с 20 и даже 30% незамужних женщин у тех же английских аристократов и женеvской буржуазии в XVIII–XIX вв.

Примерно с середины второго тысячелетия в Западной Европе стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный Дж. Хаджналом “европейским” [59]. Причины и ранние этапы развития такой брачности изучены недостаточно, но в XVIII в. мы находим “европейский” тип брачности, для которого характерны поздние браки, растянутый во вре-

мени процесс вступления в брак каждого поколения женщин и высокая доля женщин, вообще остающихся вне брака, уже вполне сформировавшимся.

В новых, неписанных, но получивших всеобщее признание нормах брачного поведения содержалось немалое отступление от традиции. Но западноевропейское общество после Великих географических открытий не было уже безоговорочно традиционным, оно подвергалось глубокой трансформации и постепенно созревало для перемен. В то же время воздействие на рождаемость через брачность путем отсрочки вступления в брак или даже воздержания от брака могло распространяться постепенно, не вступая в открытое противоречие с духом христианской традиции, которая поощряла монашеское безбрачие и вообще считала умерщвление плоти богоугодным делом. Попытки же супругов управлять своим репродуктивным поведением, прибегнуть к искусственному предотвращению зачатия или прерыванию беременности, были бы открытым вызовом христианской морали, всегда осуждавшей подобные действия. Время для этого еще не настало.

Вступление в брак всегда в гораздо большей степени считалось делом человеческим, нежели создание новой жизни, рассматривавшееся как сфера компетенции бога. Еще во второй половине XVIII в. М. Мессанс писал: "...Брак зависит от воли людей и их характера; их вкусы в этом отношении никогда нельзя будет подчинить воле законодателя; плодовитость браков зависит от причин, совершенно независимых от воли даже тех, которые одни могут этому способствовать, и пребывает вследствие этого выше всяких людских законов" [Цит. по: 26: 229]. А на рубеже XVIII и XIX столетий Т.Р. Мальтус не только считал возможным влияние на рождаемость через брачность, но пытался обосновать правомерность такого пути ссылками на священное писание [18: 91].

Правда, Мальтус в отличие от Мессанса верил в волю законодателя. Он хотел осуществить предлагаемое им воздействие на брачность, используя типичный традиционный механизм прямого принуждения. "Мы не вправе утверждать, что в деле супружества каждому человеку может быть предоставлен свободный выбор", – писал он [18: 105]. Но в действительности свободный выбор уже вторгся в сферу брачности; в традиционных нормах, тысячелетиями регулировавших брачное поведение людей, была пробита брешь, что само по себе было важнейшим сдвигом, сыгравшим немалую роль в разрушении всего традиционного уклада жизни и оказавшим огромное влияние на последующее демографическое развитие. Сцепленность трех видов демографического поведения, влияющего на рождаемость, еще не была нарушена с возникновением нового типа брачности, благодаря чему последний и вписал-

ся в рамки традиционных правил, не потребовав никакой ломки. Однако объективная основа указанного триединства, существовавшая с незапамятных времен, была уже подорвана. Брачность нового типа не просто подчинила брачное и половое поведение людей соображениям, связанным с производством потомства (это было и раньше), но сделала это таким образом, что ограничила удовлетворение естественных человеческих потребностей (чего прежде в массовых масштабах не было). Уже в этом содержались семена внутреннего конфликта, предрекавшего ограниченность и недолговечность регулирования рождаемости через брачность.

XIX в. был в целом веком господства “европейского” типа брачности во всех странах Западной Европы и в заокеанских странах европейского заселения, хотя уже в этом веке зародилась новая тенденция – к снижению возраста вступления в первый брак и сокращению безбрачия. Правда, с очевидностью эта тенденция обнаружилась повсеместно лишь в самое последнее время – во второй половине XX столетия. Еще в 30-е годы нельзя было с уверенностью утверждать, что вековая тенденция изменилась, хотя некоторые признаки таких изменений были.

Как видно из табл. 3.5.1, еще в 30-е годы XX столетия в Западной Европе огромная доля женщин выходила замуж лишь после 25 и даже после 30 лет, а от 15 до 25% всех женщин старших поколений оказывались вообще не вступившими в брак до окончания репродуктивного периода. Но в некоторых странах (Дания, Нидерланды, Франция, Швеция) уже в это время доля женщин, не вступивших в брак до 30 лет, была несколько ниже, чем во второй половине XIX века. Последующее развитие закрепило и усилило эту тенденцию и распространило ее на все страны.

Изменения в брачности интересуют демографа прежде всего с точки зрения того влияния, которое они оказывают на длительность времени, прожитого в браке женщиной репродуктивного возраста. Приводимая ниже табл. 3.5.2 дает представление об использовании репродуктивного периода жизни женщины в типичных для Западной Европы условиях.

Как видим, “европейский” тип брачности вел к тому, что репродуктивный период жизни женщины использовался далеко не полностью. Женщина в среднем проводила в замужестве чуть больше половины того периода своей жизни, когда было возможно рождение детей. Главной причиной этого было позднее вступление женщин в первый брак, так что основные потери “репродуктивного времени” приходились на самые плодотворные возрасты.

В результате при очень высокой брачной рождаемости в возрасте 20–29 лет уровень общей рождаемости у женщин этого возраста в XVIII–XIX вв., а в тех странах, где долго сохранялась “евро-

Таблица 3 5 1

Доля женщин, никогда не состоявших в браке, в некоторых возрастах (в процентах)

Страна	Год	Возрастные группы			Страна	Год	Возрастные группы		
		20–24	25–29	45–49			20–24	25–29	45–49
Великобритания	1851	70	41	14	Ирландия	1861*	76	49	14
	1871	66	37	13		1891	86	59	17
	1911	76	44	17		1936	86	64	25
	1931	74	42	17		1941	88	64	26
	1951	53	22	16		1951	82	55	34
	1966	42	14	9		1966	75	38	20
	Дания	1787	64			9	Нидерланды	1830	81
1801		63	9	1849	87	57		15	
1840		70	9	1879	78	43		14	
1880		64	12	1909	78	42		16	
1901		59	15	1930	75	38		15	
1930		55	16	1967	53	15		9	
1935		68	35	16					
1967		45	13	7					

Таблица 3.5.1 (окончание)

Страна	Год	Возрастные группы			Страна	Год	Возрастные группы		
		20–24	25–29	45–49			20–24	25–29	45–49
Норвегия	1801	64		15	Швейцария	1860	83	55	20
	1875	67		17		1880	77	44	20
	1910	64		22		1910	78	43	8
	1930	67		23		1930	82	48	9
	1930	81	52	23		1970	55	22	2
Франция	1970	46	16	8	Швеция	1750	73	43	0
	1881	60	32	13		1800	78	48	2
	1901	58	30	12		1850	84	51	2
	1911	55	27	11		1870	84	54	6
	1936	49	23	13**		1910	80	52	2
	1949	54	22	11**		1930	80	52	3
	1954	57	23	10		1970	60	23	8
	1968	56	18	9					

*Включая Северную Ирландию ** 40–49 лет

Источники [60: 83; 82a: table 7, 82d: table 12, 82f: table 26]

Таблица 3.5.2

Распределение числа лет, прожитых в репродуктивном возрасте, по брачному состоянию; Дания, женщины, достигшие 50 лет (в процентах)

Поколения	Замужние	Вдовы	Разведенные	Замужние до вступления в брак	Никогда не состоявшие в браке	Всего
1840–1844	53,7	3,5	0,4	30,4	12,0	100,0
1850–1854	53,7	3,6	0,3	29,0	13,4	100,0
1860–1864	53,8	3,4	0,3	27,6	14,9	100,0
1870–1874	54,4	2,9	0,4	26,4	15,9	100,0
1880–1884	55,1	2,7	0,6	25,5	16,1	100,0
1890–1894	55,7	2,3	1,1	25,3	15,6	100,0
1900–1904	57,2	1,8	1,5	25,8	13,7	100,0
1910–1914	61,3	1,5	2,2	25,5	9,5	100,0
1920–1924	65,9	1,2	2,9	23,4	6,6	100,0

Источник: [73: 67].

пейская” брачность (Ирландия), и в XX в. был весьма скромным, вполне сопоставимым с тем, который наблюдается в странах с низкой рождаемостью в наше время. После достижения 30 лет, т.е. в тех возрастах, в которых основная масса женщин оказывалась замужем даже и при поздней брачности, это сходство исчезает. Зато появляется разительное сходство с показателями, свойственными современным странам с высокой, “неконтролируемой” рождаемостью.

Табл. 3.5.3 помогает понять, почему общий уровень рождаемости в большинстве западноевропейских стран, даже если в них и сохранилась высокая брачная рождаемость (этого не было во Франции), не мог быть столь высоким, как у населений с традиционным типом брачности. Вопрос о динамике показателей рождаемости будет рассмотрен несколько ниже (см. 3.7), здесь отметим только, что регулирование рождаемости через брачность в Западной Европе оказалось эффективным и позволило существенно снизить уровень рождаемости.

Чтобы в полной мере оценить возможности этого пути снижения рождаемости, надо познакомиться с единственным в своем роде демографическим опытом Ирландии. В этой стране “европейский” тип брачности развился намного сильнее и держался намного дольше, чем в любой другой стране. Еще в начале 40-х годов нашего столетия в Ирландии свыше 63% женщин в возрасте 25–29 лет оставались не замужем, и даже среди достигших 45–49 лет было 26% никогда не состоявших в браке! Ускоренное развитие “европейского” типа брачности в Ирландии началось не

Таблица 3 5 3

Брачная и общая рождаемость в некоторых возрастных группах
(число родившихся на 1000 женщин)

Возрастные группы	Швеция		Ирландия 1961	Нидерланды 1963	США 1960	Франция 1963	Венесуэла 1961
	1791–1800	1871–1880					
Брачная рождаемость							
20–24	469	474	478	321	354	342	463
25–29	396	389	392	264	222	226	371
30–34	336	333	299	172	123	125	254
35–39	228	266	202	93	62	61	194
Общая рождаемость							
20–24	123	106	108	137	258	176	336
25–29	216	209	217	215	197	187	322
30–34	234	233	210	152	113	112	242
35–39	178	204	152	82	56	55	189

Источники [78 131 82с tables 14 25]

ранее второй половины XIX в. До середины прошлого столетия (до экономической катастрофы конца 40-х годов) браки здесь были даже более ранними, а рождаемость – более высокой, чем, например, в Англии [52: 30, 39]. Но к концу XIX в. Ирландия по распространенности поздних браков и уровню безбрачия превзошла все европейские страны и до середины нашего столетия не знала тех новых тенденций в брачности, которые ощущались повсюду. Несмотря на то, что в отличие от других европейских стран Ирландия до самого последнего времени сохраняла очень высокую брачную рождаемость, на протяжении всего периода, за который имеются данные (начиная с 60-х годов прошлого века), она принадлежала к числу стран с самыми низкими общими коэффициентами рождаемости. По уровню падения этого показателя с Ирландией долгое время могла соперничать только Франция (см табл. 3.7.2).

Ирландский опыт убеждает в огромных возможностях воздействия на рождаемость через брачность. Он дает основание утверждать, что в принципе снижение рождаемости, необходимое с точки зрения восстановления нарушенного равновесия рождаемости и смертности, могло быть повсеместно осуществлено именно этим путем. Тем не менее Ирландия осталась демографическим исключением, а ирландский путь регулирования рождаемости превратился со временем в анахронизм. Все остальные страны пошли по другому пути. Как уже отмечалось, изменения в брачности, связанные с развитием ее “европейского” типа, вели к сокращению времени брачной жизни, следствием чего было существенное снижение рождаемости. Но примерно со второй половины XIX в., а кое-где, возможно, и раньше, под влиянием различных изменений, происходивших в Европе, сокращение числа лет, прожитых в замужестве, стало сменяться его увеличением.

Это увеличение происходило, во-первых, благодаря снижению смертности. Если бы женщины вообще не умирали после вступления в репродуктивный возраст, то время, прожитое в этом возрасте (от 15 до 50 лет) каждой женщиной, равнялось бы 35 годам. В действительности еще в первой половине прошлого века даже в наиболее развитых странах оно было намного меньше, но по мере того, как снижалась смертность, неуклонно увеличивалось.

Одновременно с увеличением времени жизни в репродуктивном возрасте постепенно менялась и структура использования этого времени. Отчасти это также было связано со снижением смертности – на этот раз мужчин – и с более редким или более поздним овдовением женщин. Однако главное значение имело увеличение времени, прожитого в браке, благодаря тенденции к снижению возраста вступления в первый брак и сокращению безбрачия.

Таблица 3.5.4

**Увеличение среднего числа лет, прожитых женщиной
в репродуктивном возрасте, в некоторых странах**

	Число лет, прожитых между 15 и 50 годами				То же в % к максимально возможному числу лет (к 35 годам)			
	1840	1870	1900	1930	1840	1870	1900	1930
Англия и Уэльс	20,77	22,31	23,99	30,03	59,3	63,7	68,5	85,8
Нидерланды	19,04	20,14	24,00	30,31	54,4	57,5	68,6	86,6
Франция	20,27	21,36	23,98	27,69	57,9	61,0	68,5	79,1
Швеция	23,35	23,57	25,56	29,89	66,7	67,3	73,0	85,4

Примечание: Данные относятся: по Англии и Уэльсу – к 1838–1854, 1871–1880, 1890–1900 и 1933 гг.; по Нидерландам – к 1840–1851, 1870–1879, 1890–1899 и 1921–1930 гг.; по Франции – к 1840–1859, 1877–1881, 1898–1903 и 1925–1927 гг.; по Швеции – к 1841–1845, 1871–880, 1891–1900 и 1921–1930 гг.

Источник: [71: 216–217].

Таблица 3.5.5

Среднее число рождений на одну женщину, достигшую 50 лет, по поколениям; Дания

Поколения	Женщины, когда-либо состоявшие в браке	Добрачные рождения	Женщины, никогда не состоявшие в браке	Все женщины
1840–1844	4,528	0,342	0,921	4,394
1850–1854	4,662	0,322	0,876	4,436
1860–1864	4,461	0,289	0,799	4,162
1870–1874	4,083	0,262	0,730	3,771
1880–1884	3,581	0,261	0,666	3,332
1890–1894	2,854	0,252	0,558	2,709
1900–1904	2,340	0,206	0,440	2,259
1910–1914	2,323	0,175	0,462	2,304
1920–1924	2,346	0,177	0,530	2,391

Источник: [73: 105].

Влияние новых тенденций на увеличение доли времени, прожитого в замужестве, можно видеть на примере Дании (см. табл. 3.5.2). Эти тенденции особенно усилились в Дании в конце прошлого века, так что женщины, родившиеся в начале 20-х годов XX столетия, проводили в замужестве не чуть больше половины, как их бабушки в середине XIX в., а две трети репродуктивного периода своей жизни.

В омоложении брачности Дания опередила многие европейские страны, где показатели, характерные для “европейского” типа брачности, устойчиво удерживались, по крайней мере, до начала нынешнего столетия. Пример такого развития дает Швеция, в которой на протяжении прошлого века возраст вступления в первый брак и доля не вышедших замуж женщин даже несколько увеличивались. Но в целом среднее число лет, прожитых в замужестве, либо уже не сокращалось существенно, либо даже возрастало.

В этих условиях при сохранении прежнего репродуктивного поведения супругов можно было ожидать увеличения рождаемости, роста среднего числа рождений на одну женщину. Такой рост мог быть даже более чем пропорциональным росту числа лет, прожитых в браке, благодаря происходившему в это же время улучшению здоровья женщин, а значит, и росту их реальной плодовитости. На самом же деле, как следует из табл. 3.5.5, число детей, рожденных одной женщиной, увеличивалось только у самых старших из рассматриваемых поколений. У поколений, родив-

шихся во второй половине 50-х годов прошлого века, наметилось уменьшение числа рождений, которое из поколения в поколение нарастало.

Подобная динамика среднего числа рождений на одну женщину при увеличении среднего числа лет брачной жизни женщины может иметь только одно объяснение: изменение репродуктивного поведения супругов.

3.6. ИЗМЕНЕНИЯ В РЕПРОДУКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ СУПРУГОВ

Переход к репродуктивному поведению современного типа начался в Европе не ранее XVII в. Вначале внутрисемейное регулирование рождаемости затронуло лишь социальную верхушку европейского населения, причем и здесь в XVII в. ограничение числа рождений у замужних женщин не было массовой практикой. Как свидетельствуют данные, относящиеся к английской и французской аристократии и к женеvской буржуазии, снижение рождаемости в браке и у этих групп населения явственно обозначилось лишь в конце XVII–начале XVIII вв. [48: 5]. Более широкое распространение нового репродуктивного поведения началось несколько позднее и вначале только во Франции. В XVIII в. еще существовал большой разрыв в уровнях брачной рождаемости большинства французского населения и французской аристократии.

Приведенные в табл. 3.6.1 коэффициенты брачной рождаемости сельского населения (они представляют собой усредненные показатели, относящиеся к ряду сельских приходов в разных частях Франции XVIII в.) свидетельствуют о том, что в это время французская деревня не знала массовой практики внутрисемейного регулирования рождаемости. Это не значит, правда, что оно оставалось совершенно неизвестным сельскому большинству французского населения. Имеется ряд данных, свидетельствующих о том, что внутрисемейное регулирование рождаемости постепенно проникало в толщу населения, по крайней мере, с середины XVIII в. [64: 1001; 66: 916]. Мало-помалу внедряясь в практику французской крестьянской семьи, оно подтачивало традиционные нормы демографического поведения и исподволь подготавливало нацию к тому перелому в демографическом поведении семьи, который произошел на рубеже XVIII и XIX вв.

Общественное мнение нелегко смирилось с новыми демографическими веяниями. Представления о “естественности” для женщины рожать много детей, о том, что это ее главное призва-

Таблица 3.6.1

Различия возрастных коэффициентов брачной рождаемости населения Франции (браки, заключенные в возрасте до 30 лет)

	Возрастные группы					
	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Сельское население, ‰	420	412	369	282	144	13
Пэры (браки, заключенные в 1700–1795 гг.), ‰	226	167	63	8	6	–
Рождаемость в семьях пэров по отношению к рождаемости сельского населения, %	54	40	17	6	4	0

Источник [65 451]

ние, главная цель брака, были еще очень сильны, равно как и представления о греховности каких-либо мер, направленных на ограничение рождаемости в браке. “Можно ли сомневаться, что религия способствует процветанию населения? – писал в 1778 г. Моо. – ...Ее заветы благоприятствуют поддержанию воспроизводства рода человеческого... Она проникает в тайну супружества и запрещает любой акт наслаждения, который не ведет к производству потомства” [75: 50].

Большинству современников ограничение рождаемости в браке казалось проявлением прискорбного падения нравов, делом противоестественным и аморальным. “Как! – восклицал Ж.Ж. Руссо. – Основываясь на том, что существует какая-нибудь сотня больших городов, где женщины, ведя распущенный образ жизни, производят на свет мало детей, вы утверждаете, что для женщины естественно иметь мало детей! Но что стало бы с вашими городами, ежели бы удаленные от них деревни, где женщины ведут более чистую жизнь, не возмещали ущерб в народонаселении, наносимый бесплодными дамами?... Разве для женщины не естественно быть матерью? И разве материнство не охраняется основными законами природы и существующими обычаями?” [28: 552]. Моо, который разделял нравственную оценку, даваемую внутрисемейному регулированию рождаемости Руссо, не разделял его оптимизма. “Богатые женщины, для которых наслаждение – высшее благо и единственное занятие, не одни, кто смотрит на продолжение рода как на заблуждение старых времен. Пагубные секреты, не известные никаким живым существ-

вам, кроме человека, проникли уже в деревню. Природу обманывают, и это дошло до деревни” [75: 102].

Однако были слышны и другие голоса. Вольтер, не столь благочестивый, как Моо, и менее сентиментальный, чем Ж.Ж. Руссо, писал в 1764 г.: “Вот уже несколько лет много говорят о населении. Я отважусь высказать одно соображение. Наша главная забота заключается в том, чтобы люди, которые живут, были счастливы настолько, насколько это позволяет человеческая природа и огромное различие между разными положениями в жизни. Но если мы не смогли еще обеспечить это счастье людям, к чему так стремиться к увеличению их числа? Не для того ли, чтобы создать новых несчастных? Большинство отцов семейств опасаются иметь много детей, тогда как правительства хотят умножения народа” [83: 219].

Так или иначе, но ко времени Великой Французской революции новое репродуктивное поведение не было чем-то совершенно незнакомым или казавшимся абсолютно недопустимым даже широким слоям населения страны. Обобщая имеющийся статистический материал и все более многочисленные упоминания о новом отношении семьи к деторождению в литературе XVIII в., А. Сови приходит к следующим выводам: а) в XVII в. забота о предотвращении рождений должна была существовать в некоторых дворянских или буржуазных семьях. Хотя эффективность этой практики и нельзя недооценивать, она была все же очень ограниченной; б) в XVIII в. эта практика распространяется достаточно широко, что привлекает внимание различных авторов начиная с 1750 г.; в) примерно с 1775 г. результаты этой практики обнаруживаются в национальной статистике. Выборочная и ограниченная статистика, относящаяся к правящим классам, указывает на такие результаты еще раньше [47: 381–382].

Долгое время Франция как страна массового распространения внутрисемейного регулирования рождаемости оставалась единственным исключением в Западной Европе да и во всем мире. Французское Просвещение и французская буржуазная революция, разорвавшие “традиционные пути” во Франции, в конечном счете способствовали освобождению от них всей буржуазной Европы. Но на это потребовалось время, первоначальное же непосредственное воздействие французской революции и ее идей, по крайней мере в некоторых областях, могло быть даже обратным. Так было, например, в Англии, в которой бурное развитие промышленной революции сочеталось с реакционным консерватизмом в области этики и религии. «Когда высшие классы увидели, что их привилегиям и имуществу угрожают якобинские доктрины с противоположного берега Ла-Манша, тогда сильное от-

вращение к французскому “атеизму и деизму” подготовило благоприятную почву для большей “серьезности” джентри. Индифферентизм и веротерпимость в вопросах религии казались теперь мятежными и непатриотичными, соответствующие изменения произошли также и в нравах – распущенность или веселость сменились лицемерием или добродетелью» [36: 498].

Понадобились многие десятилетия экономического и социального развития, напряженной политической и идейной борьбы, чтобы английская семья смогла, – более того, оказалась вынужденной – увидеть свое демографическое поведение в новом свете. Еще “семидесятые и восьмидесятые годы были периодом не только больших семей, но и пуританизма в области этических и сексуальных идей” [36: 561]. Только к самому концу XIX в. борьба рабочего класса и его идеология, движение за эмансипацию женщины, успехи естественных наук подточили здание традиционной морали, ослабили влияние религии и сделали невозможным дальнейшее сохранение старых форм демографического контроля.

В западной литературе существует традиция связывать распространение внутрисемейного регулирования рождаемости в Англии с неомальтузианской пропагандой, которую вели на протяжении XIX в. Ф. Плэйс, Р.Д. Оуэн, Ч. Ноултон, Э. Безант, Ч. Брэдлоу, Ч. Драйсдель и их последователи. Вероятно, действительно эта пропаганда сыграла известную роль в “просвещении” английского населения в отношении методов контрацепции. Надо, однако, объяснить, почему английскому населению пришлось так долго и настойчиво втолковывать вещи, которые намного раньше без всякого труда и без всякой пропаганды усвоили французы. В те времена, когда применение контрацепции ограничивалось лишь некоторыми узкими слоями населения, осведомленность англичан в этой области отнюдь не уступала осведомленности французов. Знаменитый венецианский авантюрист XVIII в. Д. Казанова пишет в своих мемуарах о презервативе как об английском изобретении (“английское одеяние, которое вносит покой в душу”) [67: 195]; выражение “*capote anglaise*” – французское название презерватива, известное с 30-х годов XIX в., не случайно. Есть данные о том, что сельское население Англии прибегало к некоторым мерам внутрисемейного регулирования рождаемости уже в XVII в., т.е. может быть даже раньше, чем во Франции [84: 82–109]. Видимо, в XIX в. дело было не в незнании средств контрацепции, а в неподготовленности английского общества к широкому распространению того, что англичане называют “*birth control*”. Эта неподготовленность в Англии, так же как и в большинстве других западноевропейских стран, имела глубокие исторические корни, она была следствием тех компро-

миссов буржуазного и феодального, в рамках которых столетиями развивался европейский капитализм. Традиционная культура средневековья почти нигде не была уничтожена полностью, она лишь трансформировалась таким образом, чтобы не мешать жизненно важным функциям капитализма в сфере экономики и политики. Буржуазия же охотно платила за это уступками в менее важных для нее областях, проявляя преувеличенную верность традиционным нормам в интеллектуальной или нравственной сфере. Более того, знаменитое ханжество английских пуритан да и вообще протестантская бюргерская “добропорядочность” играли существенную охранительную роль, весьма полезную с точки зрения оказавшейся у власти буржуазии. Благодаря этому элементы “допотопного состояния общества” долгое время сохранялись не только в отставшей Швейцарии, но и в передовой Англии, несмотря на огромное революционизирующее влияние промышленного переворота.

Тем не менее и здесь развитие, особенно по мере назревания общего кризиса капитализма, постепенно подрывало основу сохранения традиционных норм, в том числе и норм демографического поведения. Неомальтузианская пропаганда и, в частности, связанные с ней драматические моменты (например, громкий судебный процесс Э. Безант и Ч. Брэдли в 1878 г.) были лишь эпизодами этого развития, притом далеко не первостепенными.

Вернемся еще раз к точке зрения Н. Хаймса относительно роли средств контрацепции в распространении нового репродуктивного поведения. В своей книге он неоднократно подчеркивает, что человек всегда хотел контролировать свою рождаемость, но не мог этого делать из-за несовершенства бывших в его распоряжении средств. “Ново не желание предотвратить зачатие, а эффективные и безвредные средства, позволяющие добиться этого в больших масштабах” [67: 185]. Нам же кажется, что ново как раз стремление контролировать свою рождаемость, – но не просто стремление отдельного человека, готового пойти на нарушение культурной нормы, а *стремление общепринятое, социально одобренное*. Это – результат не технического, а социального прогресса.

Когда необходимый уровень социального развития достигнут, массовое распространение контрацепции возможно даже при отсутствии современных эффективных средств. Пример этому дает Франция, население которой перешло к внутрисемейному регулированию рождаемости задолго до вулканизации резины, а тем более до появления современных пероральных и внутриматочных контрацептивов. Если необходимый уровень соци-

Таблица 3.6.2

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости населения Швеции
(в промилле)

Возрастные группы	1751–1760	1801–1810	1851–1860	1881–1890	1891–1900	1906–1915	1926–1935	1963
20–24	467	456	470	447	462	417	284	270
25–29	401	374	378	374	367	321	187	182
30–34	338	307	327	321	302	247	131	100
35–39	235	220	258	255	238	189	88	44
40–44	128	117	148	146	133	106	42	12
45–49	31	26	25	22	18	12	5	1

Источники: [78: 121; 50: 84; 82d: table 25].

ально-культурного развития не достигнут, никакие, даже самые совершенные, средства не находят спроса, несмотря на якобы извечное стремление к контролю над рождаемостью, о котором писал Н. Хаймс.

Даже в наиболее развитых капиталистических странах Западной Европы (мы не говорим о Франции) поворот массового демографического сознания в сторону внутрисемейного регулирования рождаемости произошел не ранее последних десятилетий прошлого века, что и нашло свое отражение в изменении демографического поведения. До этого времени коэффициенты брачной рождаемости не обнаруживали никакой тенденции к снижению. В этом можно убедиться на примере Швеции, по которой имеются оценки брачной рождаемости с середины XVIII в.

Явные признаки снижения брачной рождаемости обнаружались впервые только в последнем десятилетии прошлого века, но последующие события развивались с чрезвычайной стремительностью. За какие-нибудь четыре десятилетия Швеция проделала путь, который у Франции занял более ста лет.

Швеция не была исключением, подобным Франции или Ирландии, ее демографическое развитие типично для многих западноевропейских стран. Во второй половине XIX в. все эти страны имели показатели брачной рождаемости, сходные со шведскими.

Как видно из табл. 3.6.3, на протяжении всего XIX в. и первых десятилетий XX в. Франция резко выделялась низким и все время снижавшимся уровнем брачной рождаемости. Все же остальные страны почти до самого конца прошлого столетия по показателям брачной рождаемости мало отличались одна от другой и

Таблица 3.6.3

Изменения брачной рождаемости в странах Западной Европы
(число родившихся на 1000 замужних женщин в возрасте 15–49 лет)

Страна	1846– 1855	1856– 1865	1866– 1875	1876– 1885	1886– 1895	1896– 1905	1906– 1915	1916– 1925	1926– 1935	1940	1950	1963
Австрия	246	250	242	216 ¹	114 ²	87	...	84 ³	116 ⁴
Англия и Уэльс	242	244	252	250	229	203	161 ⁵	131	98 ⁶	...	90	108 ⁷
Бельгия	252	276	270	264	236	213	172 ¹	...	103	...	104 ⁸	...
Германия	268	258	243	192	...	100	...	96 ⁹	113 ⁹
Дания	...	228	225	244	235	217	191	153	120	105	105	103
Ирландия	244 ¹⁰	219 ¹¹	211	196 ⁴
Испания	230	208	203	142 ¹²
Италия	248	249	232	225	211 ¹³	169	154 ¹⁴	120 ³	...
Нидерланды	294	293	286	272	233	198	160	187 ⁸	154	138
Норвегия	262	262	242	262	259	247	223	196	134	147 ¹⁵	121	110 ¹²
Финляндия	259	246	245	231	196	161	123	155	120
Франция	179	172	172	167	150	134	115 ¹	120 ¹⁶	98	124 ¹⁵	116 ³	119
Швейцария	224	184	148	123	115 ¹⁷	120	117 ¹²
Швеция	241	248	235	240	231	219	194	155	105	115 ¹⁵	94	87

¹ 1906–1913 гг. ² 1914–1920 гг. ³ 1951 г. ⁴ 1961 г. ⁵ 1906–1910 гг. ⁶ 1931–1935 гг. ⁷ 1964 г. ⁸ 1947 г. ⁹ ФРГ. ¹⁰ С Северной Ирландией. ¹¹ 1921–1925 гг. ¹² 1960 г. ¹³ 1924–1925 гг. ¹⁴ 1936 г. ¹⁵ 1946 г. ¹⁶ 1920–1924 гг. ¹⁷ 1941 г.

Источники: [29: 80–81; 82c: table 12; 82d: table 25].

не обнаруживали никакой тенденции к их снижению. Эта тенденция наметилась лишь в последние два-три десятилетия XIX в., причем тогда еще не могло быть полной уверенности в ее устойчивости, некоторые колебания брачной рождаемости случались и прежде. Но XX в. устранил все сомнения. Уже в 20–30-е годы монополия Франции перестала существовать. Большинству западноевропейских стран, как Швеции, понадобилось не более четырех-пяти десятилетий, чтобы догнать Францию, опередившую их не менее чем на сто лет. Впоследствии падение брачной рождаемости в основном прекратилось, продолжалось лишь дальнейшее нивелирование ее во всех странах Западной Европы за счет снижения этого уровня в тех странах, где в начале века оно шло более медленно. Только Ирландия все еще продолжала оставаться исключением.

Аналогичные изменения происходили в капиталистических странах и за пределами Западной Европы: в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и некоторых других странах. Позднее других развитых индустриальных государств на путь снижения брачной рождаемости встала Япония. Это объясняется гораздо более поздним началом здесь капиталистических преобразований (с конца 60-х годов прошлого века) и длительным сохранением многочисленных пережитков феодализма в жизни японского общества. По оценкам японских демографов, переход к внутрисемейному регулированию рождаемости начался здесь лишь в конце эпохи Мэйдзи (начало XX века) [54: 3], но оно распространялось очень медленно. По показателям брачной рождаемости в довоенный период и в первые послевоенные годы Япония была близка к Ирландии. В конце 40-х – начале 50-х годов наступил резкий перелом, и брачная рождаемость стала быстро снижаться.

Изменения брачной рождаемости в Японии
(число родившихся на 1000 замужних женщин в возрасте 15–49 лет)

1906–1915 гг.	233,4	1950 г.	172,8
1916–1925 гг.	237,5	1955 г.	127,3
1926–1935 гг.	197,8	1960 г.	107,4

Источники: [29: 80.; 82b: table 13; 82c, table 12; 82d: table 25].

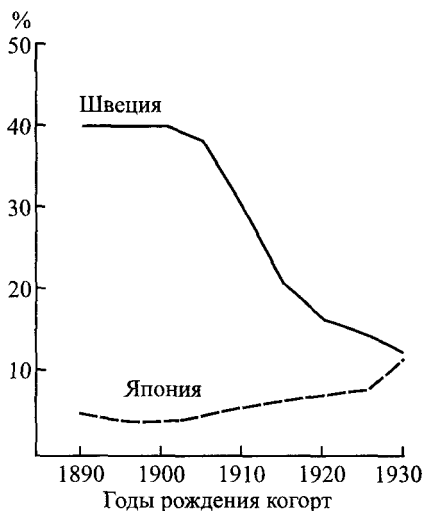
В течение первой половины XX века капитализм в Японии создал необходимые условия для перехода населения к прямому контролю над своим репродуктивным поведением. Долгое время искусственно культивируемые феодальные пережитки,

консервативные традиции сдерживали такой переход, нетрадиционное демографическое поведение не вписывалось в бережно охранявшийся кодекс средневековых правил и норм. Но как только эти помехи были устранены (главным образом, благодаря военному, политическому и идеологическому краху милитаристской Японии и лишь во вторую очередь в связи со специальными мерами в демографической области), традиционное демографическое поведение лишилось какой бы то ни было опоры.

Резкое снижение брачной рождаемости в условиях, когда время, прожитое женщиной в браке, имеет тенденцию к увеличению, указывает на огромные перемены в структуре демографического поведения. Массовое репродуктивное поведение обособилось от полового и брачного, стало автономным, превратилось в объект непосредственного социально-культурного контроля. Дифференциации видов демографического поведения, естественно, сопутствовала и функциональная дифференциация культурных норм, а также изменения в механизме их действия. Социальный контроль рождаемости принимает теперь форму ее внутрисемейного регулирования, с макроуровня, на котором он осуществлялся всегда (одинаковые для всех, общеобязательные нормы демографического поведения), он переходит на микроуровень, на уровень семьи. Человек осознает, а общество признает за ним право самому решать, сколько и когда иметь детей, свое поведение в этой области он соотносит не с унаследованным от прошлого неизменным образцом, а со своими жизненными обстоятельствами.

В этом и заключается революционный переворот, который позволяет говорить о возникновении нового исторического типа рождаемости. До тех пор, пока общество, само того не сознавая, пыталось приспособиться к новым условиям, используя старые демографические методы, и в частности испытанное воздействие на рождаемость через брачность, традиционный тип рождаемости не был изжит. Это был, если здесь допустима столь грубая аналогия, “мануфактурный” период становления рождаемости нового типа. Он длился несколько столетий и дал временное решение возникших перед обществом демографических проблем. Когда же сами эти проблемы развились и обострились, потребовалась коренная ломка, полная замена старых демографических методов новыми. Эта ломка совершилась очень быстро. В большинстве капиталистических стран в считанные десятилетия был создан новый механизм, который сделал ненужными старые методы демографического контроля.

Рис. 5. Доля никогда не состоявших в браке в возрасте 30 лет в когортах женщин Швеции и Японии
 Источник [49 318, 322]



В частности, теперь уже не было необходимости, вступая в брак, учитывать также и репродуктивные соображения, и в брачном поведении населения развитых капиталистических стран возникли новые тенденции. “Европейский” тип брачности стал постепенно исчезать. Речь, конечно, не идет о полном возврате к традиционной брачности с ее сверххранними браками и почти полным отсутствием безбрачия, но очень поздняя брачность и очень высокий уровень безбрачия исчезают. Интересно отметить, что те страны, которые вступили на путь сокращения рождаемости в более позднее время (например, Япония), в своем демографическом развитии минуют стадию “европейской” брачности. В Японии произошел несомненный отход от традиционной брачности, японские и современные европейские показатели брачности сближаются (см. рис. 5), но Япония не повторяет всего пути, проделанного Европой, а переходит непосредственно к тому типу брачности, который складывается в развитых капиталистических странах сейчас. Воздействие же на рождаемость осуществляется путем прямого контроля над репродуктивным поведением.

3.7. ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ СТРАНАХ

В табл. 3.7.1 и 3.7.2 приведены данные о динамике общего коэффициента рождаемости в некоторых странах Западной Европы со второй половины XVIII в. Общий коэффициент рождаемости, как известно, грубая мера, поскольку он испытывает влияние изменений в возрастной структуре населения. Но другим показателем за длительный период времени мы не располагаем, а долговременную тенденцию динамика общего коэффициента отражает в целом правильно.

**Общий коэффициент рождаемости
в некоторых странах Западной Европы, 1736–1840 гг.
(в промилле)**

Годы	Дания	Норвегия	Финляндия	Франция	Швеция
1736–1740		30,0			
1741–1745	–	29,0	–	–	–
1746–1750	–	31,5	–	–	35,1*
1751–1755	–	34,4	45,3	–	37,1
1756–1760	–	34,3	44,5	–	34,3
1761–1765	–	35,3	43,7	–	34,6
1766–1770	–	33,5	41,7	–	33,8
1771–1775	–	29,4	38,8	38,6	31,3
1776–1780	–	30,8	41,3	38,1	34,7
1781–1785	–	29,9	40,4	37,5	31,8
1786–1790	–	30,7	37,5	36,4	32,1
1791–1795	–	33,5	41,1	35,9	33,9
1796–1800	29,9**	32,3***	39,2	34,8	32,8
1801–1805	32,3	28,2	38,4	32,3	31,4
1806–1810	30,3	26,8	34,3	31,6	30,4
1811–1815	30,8	27,1	37,0	31,8	32,9
1816–1820	32,4	32,7	37,7	31,9	33,7
1821–1825	32,2	33,7	38,7	31,4	35,8
1826–1830	29,9	32,9	37,8	30,5	33,5
1831–1835	30,8	31,2	34,2	29,6	32,4
1836–1840	29,9	28,1	32,6	28,4	30,6

* 1749–1750 гг. ** 1800 г. *** 1796–1799 гг.

Источники [70 6 46 41]

С гораздо большей точностью характеризует происходящие во времени изменения коэффициент суммарной рождаемости реального поколения, который элиминирует влияние случайных факторов на распределение рождений во времени внутри репродуктивного периода жизни женщины (см. рис. 6).

Приведенные таблицы и график не нуждаются в особых комментариях, поскольку они согласуются с описанием происходивших в области рождаемости процессов, данным в предыдущих параграфах. Несмотря на, то что переход к массовому внутрисемейному регулированию рождаемости в Западной Европе и в заокеанских странах европейского заселения произошел, исключая Францию, не ранее конца XIX в., уже в XVIII в. все показатели рождаемости во многих западноевропейских странах были намного ниже максимально возмож-

Общий коэффициент рождаемости в некоторых странах Западной Европы, 1841–1969 гг. (в промилле)

Год	Англия и Уэльс	Бельгия	Германия ¹	Дания	Ирландия	Нидер- ланды	Норвегия	Фин- ляндия	Франция	Швей- цария	Швеция
1841–1845	32,3	32,3	36,8	30,1	–	34,4	30,4	35,5	28,1	–	31,3
1846–1850	32,8	28,6	35,8	30,7	–	31,7	30,9	35,4	26,7	–	30,9
1851–1855	33,9	28,9	34,9	31,9	–	33,3	32,5	36,3	26,0	–	31,8
1856–1860	34,4	31,1	36,3	32,9	–	33,0	33,3	35,6	26,6	–	33,7
1861–1865	35,1	31,3	37,0	30,9	25,0 ²	35,3	31,9	37,0	26,7	–	33,2
1866–1870	35,3	32,1	37,8	30,6	26,8	35,2	29,9	31,8	21,6 ³	29,8 ⁴	29,7
1871–1875	35,5	32,4	38,9	30,8	27,2	36,1	30,3	37,0	26,6 ⁵	30,2	30,7
1876–1880	35,3	32,0	39,2	32,0	25,8	36,4	31,6	36,9	25,7	31,3	30,3
1881–1885	33,5	30,9	37,0	32,4	23,9	34,8	31,0	35,5	24,9	28,7	29,4
1886–1890	31,4	29,4	36,5	31,4	22,8	33,6	30,5	34,5	23,3	27,5	28,8
1891–1895	30,5	29,1	36,3	30,4	23,0	32,9	30,1	31,8	22,6	27,7	27,4
1896–1900	29,3	29,0	36,0	30,0	23,3	32,2	30,0	32,6	22,2	28,4	26,9
1900–1904	28,2	27,9	34,3	29,0	23,1	31,5	28,5	31,3	21,2	28,2	26,4
1905–1909	26,7	25,1	32,3	28,4	22,7	30,0	26,7	31,0	20,1	26,4	25,6
1910–1914	24,3	22,5	28,2	26,4	22,7	28,2	25,3	28,2	19,0	23,8	23,7
1915–1919	20,9	13,6	16,0	23,8	20,6	25,7	24,0	23,3	11,4	18,9	20,8
1920–1924	21,3	21,1	23,1	22,6	20,5	26,7	23,5	25,4	19,9	20,0	20,3
1925–1929	17,1	18,9	19,1	19,8	20,3	23,4	18,5	22,8	18,5	17,8	16,3

Таблица 3 7 2 (окончание)

Год	Англия и Уэльс	Бельгия	Германия ¹	Дания	Ирландия	Нидер- ланды	Норвегия	Фин- ляндия	Франция	Швей- цария	Швеция
1930–1934	15,3	17,6	16,3	17,9	19,5	21,7	15,7	20,0	17,2	16,7	14,4
1935–1939	14,9	15,5	19,4	17,9	19,4	20,3	15,0	20,2	15,1	15,4	14,5
1940–1944	15,5	13,8	17,4	20,3	20,9	21,8	17,7	20,1	14,7	17,9	17,7
1945–1949	18,0	17,3	16,9	21,6	22,5	25,9	20,8	27,0	20,3	19,4	19,0
1950–1954	15,5	16,7	16,1	17,9	21,4	22,1	18,7	22,8	19,5	17,3	15,5
1955–1959	15,9	17,0	16,9	16,8	21,1	21,3	18,1	19,9	18,4	17,5	14,5
1960–1964	17,9	17,1	18,3	17,0	21,9	20,9	17,3	18,1	18,0	18,5	14,5
1965–1969	17,3	15,4	16,8	16,6	21,5	19,2	17,7	16,0	17,1	17,7	15,0

¹ После 1945 г – ФРГ ² 1864–1865 гг ³ 1866–1869 гг ⁴ 1870 г ⁵ 1872–1875 гг

Источники [46 41, 71 104–105, 76а 390–391, 81 66]

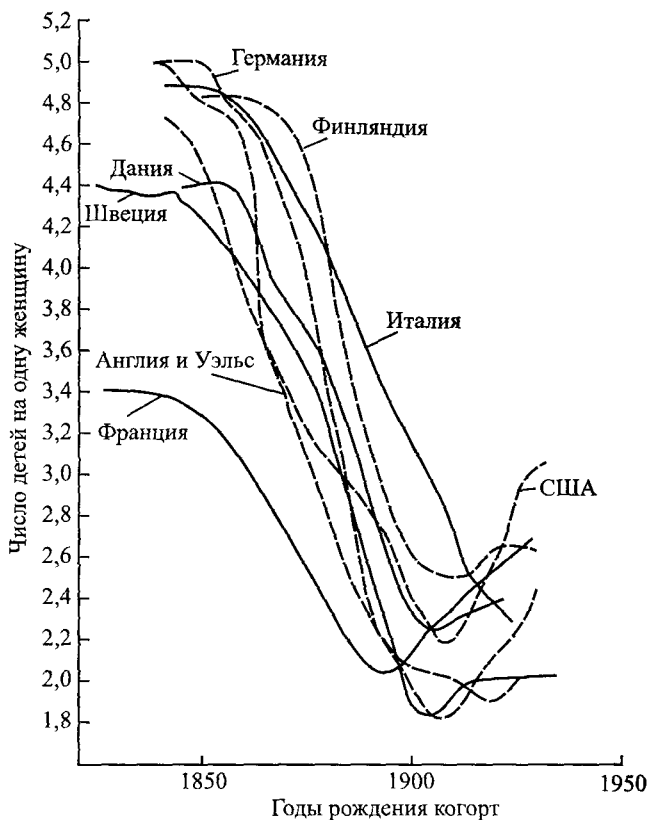


Рис. 6. Среднее число детей, рожденных одной женщиной, в различных когортах

Источники [57 257–262, 58 65–68 68 105, 79 40]

ных. Это можно проиллюстрировать сравнением показателей рождаемости Швеции конца XVIII в. и России конца XIX в. (табл. 3.7.3).

Насколько можно судить по показателю средней продолжительности жизни, состояние здоровья женщин и уровень их смертности в России в конце прошлого века были не лучше, чем в Швеции за сто лет до этого, следовательно, и реальная плодовитость не должна была быть выше. Показатели же рождаемости в Швеции значительно ниже, чем в России. Главная причина этих различий – специфическая “европейская” брачность. Только в конце XIX столетия (во Франции – раньше), с переходом к внутрисемейному регулированию числа и сроков рождений, главным фактором снижения уровня рождаемости стало ее ограничение в браке.

Показатели уровня рождаемости населения Швеции
в конце XVIII в. и России в конце XIX в.

Показатель	Швеция	Россия	Примечание
Общий коэффициент рождаемости, ‰	32,8	49,5	Швеция – 1796–1800 гг., Россия (европейская часть) – 1896–1900 гг.
Среднее число рождений на одну женщину в условном поколении	4,41*	7,06	Швеция – 1796–1800 гг., Россия (европейская часть) – 1896–1897 гг. (по оценке Р. Кучинского)
Среднее число рождений на одну женщину в реальном поколении	4,49*	5,79**	Швеция – поколение, родившееся в 1785–1786 гг.; Россия – поколения, родившиеся в 1889 г. и ранее (данные выборочного обследования 1960 г.). По оценке Ю. Янсона, в России в 1881–1890 гг. на одну женщину, состоявшую в браке, произошло 5,91 рождения
Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении для женщин, лет	35,70	33,36	Швеция – 1755–1776 гг. По таблице смертности за 1816–1850 гг. $e_0 = 43,56$ года; Россия (европейская часть) – 1896–1897 гг.

* Крещения.

** Включая мертворожденных.

Источники: [27: 168; 31. 14; 43: 210, 53: 351, 68: 42; 71: 213].

Э. Коул построил систему индексов, позволяющих оценить относительный вклад обоих основных факторов – изменений в брачности и в брачной рождаемости – в общее снижение рождаемости по сравнению с ее максимально возможным уровнем (рождаемостью гуттеритов, вступивших в брак в 1921–1930 гг. – см. табл. 3.1.1). Примем следующие обозначения:

f_i – число рождений в i -м возрастном интервале на одну женщину;

g_i – число рождений в i -м возрастном интервале на одну замужнюю женщину;

w_i – число всех женщин в i -м интервале;

m_i – число замужних женщин в i -м интервале;

F_i – повозрастное число рождений, принятое за стандарт (брачная рождаемость гуттеритов в браках 1921–1930 гг.).

$I_f = \Sigma f_i w_i / \Sigma F_i w_i$ – индекс общей рождаемости, показывающий отношение фактической рождаемости к гипотетическому максимуму;

$I_g = \Sigma g_i m_i / \Sigma F_i m_i$ – индекс брачной рождаемости, показывающий, каким было бы это отношение, если бы данное население отличалось от гуттеритов только брачной рождаемостью;

$I_m = \Sigma F_i m_i / \Sigma F_i w_i$ – индекс доли женщин, состоящих в браке⁴, показывающий, каким было бы указанное отношение, если бы оно отличалось от максимально возможного при брачной рождаемости гуттеритов только за счет доли женщин, состоящих в браке в каждом возрастном интервале.

Если пренебречь внебрачной рождаемостью, то $I_f = I_g I_m$.

В 1870 и даже в 1900 гг. во всех странах, кроме Франции, меньшим из двух сомножителей, определявших снижение рождаемости по сравнению с ее гипотетическим максимумом, был индекс доли женщин, состоящих в браке, I_m , и только после 1900 г. положение стало быстро меняться. Этот индекс обнаружил тенденцию к повышению, зато индекс брачной рождаемости стремительно падал, увлекая за собой и индекс общей рождаемости. Именно в это время происходила перестройка репродуктивного поведения населения западноевропейских стран и быстрое снижение показателей рождаемости, которые до этого, хотя и не были особенно высокими, на протяжении долгого времени не изменялись или изменялись незначительно.

Длившееся несколько десятков лет небывало быстрое снижение рождаемости было настолько тесно связано с изменениями в репродуктивном поведении брачных пар, что, в глазах общественного мнения и многих исследователей, происходившие сдвиги свелись к их чисто количественной стороне. Стало казаться, что чем шире распространится внутрисемейное регулирование рождаемости и чем полнее станет свобода выбора супругов в области рождаемости, тем ниже будет становиться последняя, что нет никакого объективного предела ее снижению. Отрицательная оценка слишком резкого и глубокого снижения рождаемости нередко переносилась на процесс качественной перестройки структуры демографического поведения. Неверие в социальную обусловленность индивидуального поведения подкреплялось, казалось бы, очевидными количест-

⁴ В первом издании использовалось выражение “индекс брачной структуры”, менее точно отражающее оригинальный термин (index of the proportion married).

Таблица 3.7.4

Индексы общей и брачной рождаемости и доли женщин, состоящих в браке, по Э. Коулу для некоторых стран за 1870–1960 гг.

Страна	I_f			
	1870	1900	1930	1960
Австралия	–	0,29	0,19	0,28
Англия и Уэльс	0,37	0,27	0,15	0,22
Ирландия	0,29	0,23	0,24	0,29
Португалия	0,34*	0,35	0,30	0,26
США	0,37	0,29	0,20	0,28
Франция	0,28	0,24	0,19	0,22
Швеция	0,33	0,30	0,15	0,17
Япония	–	–	0,37	0,17
Гуттериты			0,70	

* 1878

Источники: [51 : 209; 77 : 10].

венными соображениями (“рождаемость катастрофически падает!”), смыкалось с верностью традиционной морали и не раз побуждало к попыткам повернуть вспять или приостановить путем всякого рода запретов развитие нового типа демографических отношений.

Между тем для отождествления снижения рождаемости и перехода к ее новому типу нет никаких оснований. Первое – важный количественный результат второго, но сущность указанного перехода заключается в *качественной* перестройке демографического поведения. Важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат ее (или обоих супругов) *сознательно принятого решения*. Совсем не обязательно, чтобы у населения, полностью контролирующего свое репродуктивное поведение, и степень намеренного ограничения брачной рождаемости была наибольшей. Об этом, собственно, свидетельствует описанная выше динамика рождаемости. Как согласованно показывают все данные, период стремительного падения рождаемости в связи с переходом к новому ее типу почти во всех развитых капиталистических странах окончился примерно в период между двумя мировыми войнами. Затем наступила стабилизация, причем стабилизировался, разумеется, не какой-то конкретный, определенный для каждой страны уровень, а тот диапазон, в котором показатели рождаемости могут изменяться в новых условиях. Но это, конеч-

I_g				I_m			
1870	1900	1930	1960	1870	1900	1930	1960
–	0,58	0,33	0,38	–	0,47	0,54	0,71
0,68	0,54	0,29	0,29	0,51	0,48	0,50	0,71
0,67	0,74	0,66	0,60	0,42	0,31	0,35	0,47
0,64	0,68	0,54	0,41	0,45*	0,46	0,47	0,56
–	0,49	0,31	0,36	–	0,58	0,63	0,75
0,48	0,38	0,30	0,31	0,54	0,57	0,58	0,67
0,71	0,64	0,30	0,24	0,42	0,41	0,42	0,63
–	–	0,51	0,29	–	–	0,68	0,58
		1,00				0,70	

но, не означает ни того, что произошел возврат к демографическому поведению старого типа, ни даже того, что прекратилось или замедлилось распространение нового демографического сознания и нового демографического поведения как вширь, так и вглубь.

3.8. НОВЫЙ ТИП РОЖДАЕМОСТИ В СССР

Развитие капитализма в России, как и везде, разрушая социально-экономические основы традиционного общества и подтачивая его культуру, готовило переворот в рождаемости. Однако в силу исторической специфики развития российского капитализма процесс становления нового типа рождаемости у населения дореволюционной России сделал лишь самые первые робкие шаги.

Вплоть до революции у большей части населения России преобладали традиционные методы контроля над рождаемостью. Общепринятой была ранняя брачность, контрацепция практически не была известна, аборт считался тяжким преступлением. Характер контроля над рождаемостью, как и следовало ожидать, находил отражение в ее количественных характеристиках. Уровень рождаемости был очень высоким. По 50 губерниям Европейской России в среднем за 1861–1913 гг. общий коэффициент рождаемости составлял 48,9‰ [27: 168].

В то же время весь период быстрого капиталистического развития России (после 1861 г.) характеризовался снижением рождаемости. В целом по Европейской России оно было небольшим: с 50,7‰ в 1861–1865 гг. до 43,9‰ в 1911–1913 гг. Но в различных частях страны динамика общего коэффициента рождаемости была далеко не одинаковой. Наряду с губерниями, в которых этот показатель снижался незначительно и даже увеличивался, были и такие, в которых его падение за 50 лет составило 30–40% и даже более [27: 168].

В результате к концу прошлого века в России сильно возросла территориальная дифференциация рождаемости. С одной стороны, здесь были районы с на редкость высоким общим коэффициентом рождаемости. В 1896–1900 гг. в 19 губерниях из 50 этот показатель превышал 50‰. С другой стороны, уже в это же время в северо-западной части страны было три губернии (Курляндская, Лифляндская и Эстляндская), в которых общий коэффициент рождаемости опустился ниже 30‰ и был вполне сопоставим с аналогичными показателями в ряде передовых по тому времени капиталистических стран. К 1911–1913 гг. зона относительно низкой рождаемости (ниже 30‰) несколько расширилась, в нее вошли еще Ковенская и С.-Петербургская губернии, кроме того, еще в трех губерниях (Полтавской, Гродненской и Витебской) общий коэффициент рождаемости опустился ниже 35‰ [27: 170].

Нет сомнения, что отмеченное снижение рождаемости было следствием воздействия капитализма, причем не только и даже не столько прямого экономического воздействия, хотя, конечно, и оно имело немалое значение, сколько влияния через капиталистическую городскую культуру, через реформированную в буржуазном духе религию и т.п.

Объясняя снижение рождаемости в дореволюционной России, Б.Ц. Урланис писал, что “в тех губерниях, в которых коэффициент рождаемости был менее 40‰, уже в ту пору имела место практика сознательного регулирования числа детей в семье” [39: 87]. Говоря о Прибалтике, Ш. Шлиндман и П. Звидриньш добавляют: “Регулирование числа детей осуществлялось также путем откладывания браков” [41: 7]. Нам кажется, что акценты в этих объяснениях расставлены не совсем верно. На примере многих западноевропейских стран мы видели, что снижение общего коэффициента рождаемости значительно ниже 40‰ вполне может быть достигнуто без сокращения брачной рождаемости и, следовательно, без сознательного регулирования числа детей в семье только за счет воздействия на рождаемость через брачность. Почти до самого конца XIX в. основным для Западной Европы был именно этот путь. Можно предположить, что населе-

Таблица 3.8.1

Уровень рождаемости в зависимости от доли браков, заключенных женщинами в возрасте до 20 лет, 1910 г.

Доля невест, вступивших в брак в возрасте до 20 лет, %	Число губерний	Общий коэффициент рождаемости, ‰
60 и более	17	50,4
50–60	8	46,5
40–50	9	40,6
30–40	11	38,3
20–30	5	26,2

Источник. [27. 176].

ние прибалтийских районов России, исторически имевшее много общего с экономикой, культурой, религией стран Западной Европы, и в демографическом развитии следовало за этими странами. Но едва ли можно думать, что оно шло впереди них.

В западных районах России, так же как в Европе и по тем же причинам, воздействие на рождаемость первоначально осуществлялось в основном через брачность. Еще в 1910 г. существовали очень большие различия между губерниями в распространенности ранних браков, причем уровень рождаемости находился в тесной связи с долей ранних браков [38: 18–19].

Пять губерний с самой поздней брачностью – это как раз и есть упоминавшиеся уже Лифляндская, Курляндская, Эстляндская, Ковенская и С.-Петербургская губернии, шедшие в авангарде снижения рождаемости. В начале нашего века, вероятно, известную роль играло уже и внутрисемейное регулирование рождаемости, однако его широкое распространение до первой мировой войны кажется нам мало вероятным.

Специальные историко-демографические исследования могут показать, какое развитие получил в дореволюционной России “европейский” тип брачности, но и сейчас ясно, что его распространение было небольшим и охватывало лишь незначительную часть населения страны.

Табл. 3.8.2 показывает лишь незначительные изменения в сторону некоторого “постарения” брачности. В целом данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения России перед революцией жило в условиях традиционной брачности: 80–85% браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля может еще повыситься. Соответствующий показатель

**Распределение женщин, вступивших в брак, по возрасту
в Европейской России в 1867–1910 гг. (в процентах)**

Возрастные группы	1867– 1871	1872– 1876	1877– 1881	1890– 1894	1895– 1898	1910
20 лет и моложе	57,3	57,7	59,0	55,3	54,7	54,5
21–25 лет	26,3	26,8	27,0	30,4	31,7	31,0
26–30 лет	7,1	7,0	6,7	7,3	7,1	7,3
30 лет и старше	9,3	8,5	7,3	7,0	6,5	7,2

Источник: [27. 173–174].

для Швеции во второй половине прошлого века, как правило, был ниже 45 [78: 115].

Если воздействие на рождаемость через брачность в дореволюционной России не получило значительного развития, то роль активного репродуктивного поведения была еще меньшей. Предубеждение против такого поведения в русском обществе было очень велико, а чрезвычайно высокая рождаемость в дореволюционной России – неоспоримое свидетельство того, что ни аборты, ни контрацепция не проникли еще по настоящему в толщу населения, были мало знакомы крестьянскому большинству. Но городскому населению, судя по всему, они были уже достаточно хорошо известны. Все более частые упоминания в литературе о прямом контроле над репродуктивным поведением, жаркие споры вокруг связанных с этим проблем говорили о том, что незыблемость традиционной системы контроля над рождаемостью была нарушена и она пережила острый кризис⁵.

В условиях старой России разрешение этого кризиса должно было затянуться на многие десятилетия, порождая промежуточные, паллиативные формы такого контроля. Изживание традиционного типа рождаемости шло бы мучительно медленно и долго, проходя через многочисленные компромиссы между патриархальной культурой Домостроя и культурой российского капитализма, неспособного решительно порвать с феодальным прошлым.

Революция и последовавшие за ней социально-экономические преобразования коренным образом изменили условия демографического развития страны. Прежние формы контроля над рождаемостью, предполагавшие высокую детскую смертность,

⁵ Подробнее об этом см.: настоящий том, с. 236–237 и 274–276.

всеобщую раннюю брачность женщин, их бесправное положение, отсутствие свободы индивидуального выбора в сфере брачности и рождаемости и многие другие столь же архаичные черты жизненного уклада, были несовместимы с новым строем жизни и должны были исчезнуть. Уже в 1920 г. В.И. Ленин говорил в беседе с К. Цеткин: "...Старые идеологические ценности рушатся, теряя свою сдерживающую силу... Взгляды на отношения человека к человеку, на отношения мужчины к женщине революционизируются, революционизируются чувства и мысли. Между правом личности и правом коллектива, а значит, и обязанностями личности проводятся новые разграничения... Все это касается и области половых отношений, брака, семьи... В области брака и половых отношений близится революция, созвучная пролетарской революции" [40: 482–483]. Естественно, что в обстановке такой всеобщей коренной ломки был обречен на слом и старый механизм демографического контроля.

Отход от традиционных форм контроля над рождаемостью, едва наметившийся в дореволюционной России, заметно ускорился уже в 20-е годы. Наиболее быстро изменения охватили население европейской части страны, в особенности городское – здесь сказалась "подготовка", проведенная капитализмом в эпоху его интенсивного развития в пореформенной России. В азиатской части СССР, в Закавказье к 1917 г. значительную прочность сохраняли еще докапиталистические – феодальные, а кое-где даже и дофеодальные – порядки, поэтому и перестройка демографических отношений в этих районах шла медленнее.

Очень быстро стала отступать традиционная ранняя брачность.

Уже к 1926 г. обнаружилась тенденция к снижению доли ранних браков в общем их числе, но все же в это время преобладала ранняя и почти всеобщая брачность, близкая к традиционной. Доля женщин, никогда не состоявших в браке, уже к возрасту 20–24 года снижалась до 27,9%, а к 25–29 годам – до 8,9% [6: 2]. После 1926 г. "постарение" брачности значительно усилилось.

Табл. 3.8.3 отражает динамику брачности в целом по СССР. Для большей части населения страны до 1959 г. было характерно повышение возраста вступления в брак, после 1959 г. появились признаки противоположной тенденции. Но в некоторых районах СССР, особенно в Средней Азии, традиционная брачность и до настоящего времени медленно уступает свои позиции, в них сокращение доли ранних браков продолжается.

Отход от традиционной брачности мог сыграть определенную роль в снижении рождаемости в СССР. Следует, однако, иметь в виду, что откладывание браков у нас никогда не было

**Доля женщин, состоявших в браке
в некоторых возрастных группах, по данным
Всесоюзных переписей населения (в процентах)**

Возрастные группы	1926	1939	1959	1970
16–17 лет	5,4	4,0	2,9	2,6
18–19 лет	28,9	25,0	17,1	18,6
20–24 года	68,6	61,4	50,1	55,9

Источники. [6: 2; 11: табл. 18; 12: табл. 6]

столь значительным, как в странах с развитым “европейским” типом брачности. Поэтому и влияние изменений в брачности на рождаемость в целом по СССР могло быть ограниченным.

Исследователи уже в 1920-е годы пришли к выводу, что население СССР очень быстро переходило к прямому контролю над своим репродуктивным поведением. При этом вначале основным путем такого контроля был аборт.

Аборт в СССР был легализован в 1920 г. и очень быстро превратился в широко распространенный метод ограничения рождаемости. В Ленинграде, например, с 1924 по 1928 г. годовое число аборт на тысячу жителей увеличилось с 5,5 до 31,5, в то время как число родов сократилось с 26,4 до 22,9 [24: 311]. Сходная картина наблюдалась и во многих других городах страны, распространенность аборта среди сельского населения была в то время значительно меньшей [10: 15]. Анализируя влияние аборта на рождаемость в Ленинграде, В.В. Павевский писал в конце 20-х годов, что в то время, как за границей аборт играли второстепенную роль в ограничении рождаемости по сравнению с противозачаточными средствами, в Ленинграде, по-видимому, преобладающая роль принадлежала аборту, а практика противозачаточных мероприятий не получила широкого развития [24: 340]. Можно думать, что подобная ситуация тем более была характерна для других городов и районов страны, в которых развивалось внутрисемейное ограничение рождаемости.

Тем не менее контрацепция должна была и тогда уже получить некоторое развитие. Легализация и широкое распространение аборта означали снятие традиционного запрета с внутрисемейного контроля над репродуктивным поведением и давали толчок к использованию различных доступных методов такого контроля. Вопрос этот изучен слабо, но имеются некоторые указания на то, что уже в 1920-е годы значительная часть женщин, в том числе

Таблица 3.8.4

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости женщин в СССР (оценка)

Возрастные группы	1926–1927	1938–1939	1958–1959	1969–1970
20–24	378	349	324	293
25–29	317	293	217	156
30–34	264	224	142	103
35–39	219	165	92	58
40–44	119	90	39	19
45–49	33	28	9	4

Источники: [3: 75; 6: 2; 11: 73; 12: 263, 21: 42, 25: 86].

и крестьянок, применяла различные методы предотвращения зачатия, чаще всего coitus interruptus [34: 196, 220].

Дальнейшее развитие событий не было абсолютно последовательным. В течение почти 20-летнего периода (с 1936 по 1955 г.) аборт был снова запрещен законом, а производство современных средств контрацепции и до сих пор отстает от потребности в них и от возможностей, которые создает наука. В этом смысле переход к прямому контролю над репродуктивным поведением внутри семьи до известной степени сдерживался. Однако гораздо более важные процессы, происходившие в социально-экономической области, непрерывно создавали объективные предпосылки для все более полного преодоления традиционного механизма контроля над рождаемостью и для ускоренного повсеместного распространения ее внутрисемейного регулирования.

О том, что внутрисемейное регулирование рождаемости действительно получало все более широкое распространение, свидетельствует динамика брачной рождаемости (табл. 3.8.4). Хотя мы не располагаем точными данными о показателях брачной рождаемости, приблизительная (вероятно, несколько завышенная) их оценка может быть сделана на основе данных о возрастных коэффициентах общей рождаемости и доле женщин, состоявших в браке в различных возрастных группах (см. [38: 45–47]).

Именно снижение брачной рождаемости, за которым стоят коренные перемены в репродуктивном поведении людей, определило общий характер динамики рождаемости в СССР. Изменения в брачности также имели некоторое значение, но, как показали специальные исследования, они невелики [5: 177; 2: 40–47; 30: 64]. Об этом же свидетельствует динамика индексов рождаемости и доли женщин, состоящих в браке (табл. 3.8.5).

Таблица 3.8.5

Индексы рождаемости и доли женщин, состоящих в браке, для населения СССР по Э. Коулу и В.А. Борисову

1896–1897**	I_f	I_g	I_m	I_g
	по методу Э. Коула			по методу В.А. Борисова*
1896–1897**	0,55	0,77	0,70	–
1926–1927	0,42	0,63	0,67	0,84
1938–1939	0,40	0,53	0,75	0,68
1958–1959	0,24	0,39	0,61	0,53
1969–1970	0,19	0,28	0,67	0,37

* Индекс брачной рождаемости по методу В.А. Борисова построен так же, как соответствующий индекс Э Коула, но на базе не гипотетического максимума, а гипотетического минимума рождаемости. Соответствующие коэффициенты – величины F_I – см табл. 3.1.1. ** Европейская Россия.

Источники: [2: 7, 69; 51]. Расчеты на основе данных Всесоюзных переписей 1926, 1959 и 1970 гг.

Таблица 3.8.6

Индексы брачной рождаемости (I_g) населения союзных республик по В.А. Борисову

	1958– 1959 гг	1969– 1970 гг.		1958– 1959 гг.	1969– 1970 гг.
РСФСР	0,49	0,31	Литовская ССР	0,51	0,31
Украинская ССР	0,43	0,31	Молдавская ССР	0,59	0,40
Белорусская ССР	0,55	0,35	Латвийская ССР	0,37	0,31
Узбекская ССР	0,73	0,81	Киргизская ССР	0,66	0,71
Казахская ССР	0,74	0,50	Таджикская ССР	0,54	0,83
Грузинская ССР	0,48	0,41	Армянская ССР	0,78	0,50
Азербайджанская ССР	0,80	0,72	Туркменская ССР	0,74	0,84
			Эстонская ССР	0,36	0,35

Источник: [2: 42].

Индексы Э. Коула указывают на то, что вклад изменений доли женщин, состоящих в браке, в снижение рождаемости никогда не был в СССР большим (сравним с другими странами – табл. 3.7.4), а между двумя последними переписями даже уменьшался. Главным фактором было падение брачной рождаемости, индекс которой и по Э. Коулу и по В.А. Борисову в послевоенный период был очень низким и продолжал снижаться, с неоспо-

римостью свидетельствуя об очень широком распространении внутрисемейного регулирования рождаемости. Правда, с помощью этих же индексов можно показать, что в нашей стране все еще имеется ряд районов, в которых контроль рождаемости современного типа развит слабо.

В республиках Средней Азии и в Азербайджане индекс брачной рождаемости все еще остается настолько высоким, что не дает оснований говорить о массовом переходе населения этих республик к новому типу рождаемости. Но в этих республиках в 1970 г. проживало немногим более 10% населения страны. Еще некоторая часть населения живет в республиках, в которых падение индекса брачной рождаемости началось недавно (Армения, Казахстан), а его величина, по-видимому, отражает состояние перестройки демографического поведения либо, как это, вероятно, имеет место в Казахстане, наличие в составе населения очень разнородных в демографическом отношении групп. Большая же часть населения СССР – примерно 80% – живет в районах с низким индексом брачной рождаемости, что свидетельствует о преобладании в этих районах ее нового исторического типа.

3.9. СТАНОВЛЕНИЕ НОВОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ

К середине XX в. новый тип рождаемости прочно утвердился в экономически развитых странах. Но Третий мир, особенно если говорить о крестьянском большинстве его населения, к этому времени оказался совершенно не подготовленным к восприятию нового типа контроля над рождаемостью ни с демографической, ни, что особенно важно, с социально-экономической и культурной точек зрения. Тем не менее подспудные изменения и в демографических, и в экономических, и в социальных условиях жизни населения Третьего мира совершались уже давно и к этому времени все более и более явственно давали о себе знать. В последние два-три десятилетия все эти изменения резко ускорились. В частности, как мы видели, повсеместно начался переход населения к новому типу смертности, который и представляет собой демографическую подготовку перехода к новому типу рождаемости.

Оказалось, однако, что распространение новых методов контроля над смертностью в развивающихся странах было делом намного более простым, чем распространение новых методов контроля рождаемости, ибо последнее требовало гораздо более глубоких изменений в традиционных культурных нормах, нежели первое. Эти изменения, понижаяющие всю культурную си-

Общий коэффициент рождаемости в некоторых районах мира
(в промилле)

Страна	1950–1955	1955–1960	1960–1965	1965–1970
Африка	47	47	47	46
Карибская Америка	38	38	37	35
Центральная Америка	46	45	44	43
Тропическая Южная Америка	45	43	40	39
Восточная Азия (без Китая и Японии)	37	42	39	36
Южная Азия	46	46	45	44
Меланезия, Микронезия и Полинезия	43	43	43	43

Источник [56: 4].

стему, подтачивающие и разрушающие ее столетиями и тысячами стоявшее здание, предполагают такие экономические и социальные преобразования, которые повсеместно совершаются при переходе к индустриальной экономике, но через которые не прошло еще и до сих пор население большинства развивающихся стран. Традиционное общество и его культура еще очень сильны в Третьем мире, и это служит главным препятствием проникновения в массы населения новых демографических отношений.

Современный уровень рождаемости и ее динамика в развивающихся странах сами по себе говорят о том, что в них все еще господствует традиционное демографическое поведение. В табл. 3.9.1 показано изменение общего коэффициента рождаемости в районах мира, где преобладают эти страны, по оценкам ООН.

Снижение рождаемости в Третьем мире лишь едва-едва намечилось, да и то не во всех его частях. Лишь в некоторых странах, как правило, имеющих небольшую численность населения, обозначилась явственная тенденция к снижению показателей рождаемости, что, вероятно, связано с начавшейся в них перестройкой демографического поведения.

Показатели, приведенные в табл. 3.9.2, свидетельствуют о том, что рождаемость в некоторых развивающихся странах нача-

Брутто-коэффициент воспроизводства в некоторых развивающихся странах

Страна	1955	1950	1967
Сингапур	3,2	2,9	2,0
Малайзия	3,1*	2,9	2,6
Шри Ланка	2,5	2,5	2,3**
Маврикий	2,8	2,9	2,2
Пуэрто-Рико	2,4	2,3	1,7**
Коста-Рика	3,2***	3,6	2,9
Чили	2,2	2,3	1,9

* 1955–1959 гг. ** 1966 г. *** 1956 г.

Источники: [82d: table 30, 82e table 31; 76 b: 1974, N 2, p. 383].

ла снижаться, и это снижение идет довольно быстро. Однако до сих пор оно практически не затронуло основную массу населения Третьего мира, не зафиксировано в крупных странах, с населением в десятки и сотни миллионов человек. Насколько можно судить по имеющимся данным, в них все еще сохраняется высокая, а иногда и повышающаяся рождаемость.

Высокие возрастные коэффициенты, приведенные в табл. 3.9.3, типичны для традиционного типа рождаемости и неопровержимо свидетельствуют о его прочных позициях в Третьем мире. Общество развивающихся стран, по-видимому, все еще не готово к воздействию на рождаемость ни через брачность, ни непосредственно путем индивидуального контроля над репродуктивным поведением. Правда, в течение последних десятилетий наблюдались некоторые изменения в брачности населения развивающихся стран. Наиболее важное среди них – повышение возраста вступления в первый брак, особенно в тех странах, где были распространены сверхранние детские браки. Тем не менее, как мы уже видели в табл. 3.2.1, возраст вступления в брак в развивающихся странах остается, как правило, низким, так что нет оснований говорить об исчезновении в них традиционной брачности и об изменении самого ее типа, как это было в свое время в Западной Европе.

До настоящего времени изменения в брачности, происходившие в развивающихся странах, могли оказать лишь очень ограниченное воздействие на рождаемость. Их влияние в значительной степени перекрывалось влиянием снижения смертности, повышения реальной плодовитости и других факторов. В Индии,

Таблица 3 9 3

Возрастные коэффициенты рождаемости в некоторых странах
(в промилле)

Страна	Год	Возрастные группы						
		15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49
Мексика	1929-1933	114	232	250	198		55	
	1960	105	299	314	271	200	74	21
Колумбия	1951	77	232	253	200	139	55	17
	1964	34	255	282	229	179	73	24
Венесуэла	1950	54	276	278	217	145	52	20
	1961	143	333	322	248	188	65	18
Алжир	1954	103	281	301	248	208	89	27
	1966	118	296	302	253	197	120	13
Египет	1947	49	264	347	277	168	32	...
	1960	32	211	348	366	195	56	19
Тунис	1960	62	311	354	304	208	113	47
	1967	36	277	344	324	240	135	55

Источники [50 83, 55 33 48, 82c table 12, 82e table 18]

например, несмотря на значительное повышение среднего возраста вступления в брак, длительность пребывания в браке в репродуктивном возрасте существенно увеличивается. Если еще в начале века из-за раннего овдовения индийские женщины теряли 25–30% (8–10 лет) средней возможной продолжительности репродуктивного периода, то к середине нашего столетия (к 1951–1960 гг.) эти потери сократились до 5,5% (1,9 года) [45: 14]. Хотя средний возраст вступления в брак поднялся с 13 лет в 1901–1911 гг. до 15,4 года в 1941–1945 гг., средняя длительность пребывания в браке в репродуктивном возрасте увеличилась с 23,5 до 27,1 года [44].

Роль нетрадиционной брачности как фактора ограничения рождаемости в развивающихся странах не везде одинакова. Об этом свидетельствует, в частности, оценка индекса доли женщин, состоящих в браке, Э. Коула (I_m). Для различных районов мира.

**Индекс доли женщин, состоящих в браке,
для развивающихся стран
по крупным регионам**

Африка к югу от Сахары	89
Северная Африка	77
Азия	81
Латинская Америка	62

Источник [77 27]

В странах Латинской Америки брачная структура населения, вероятно, оказывает понижающее влияние на рождаемость, хотя следует иметь в виду, что индекс, рассчитанный для Латинской Америки, видимо, преуменьшен из-за неполноты учета консенсуальных браков. В Азии же и в Африке индекс доли женщин, состоящих в браке, остается очень высоким, а, следовательно, влияние сдвигов в брачности на рождаемость невелико.

Конечно, возникновение новых тенденций в динамике брачности населения развивающихся стран не исключено, однако появление здесь типа брачности, схожего с “европейским”, маловероятно. История уже сделала свой выбор между двумя альтернативными путями воздействия на рождаемость в новых социальных и демографических условиях. Контакты между странами в современном мире достаточно тесны для того, чтобы любое общество в тот момент, когда оно вообще окажется подготовленным к смене типа рождаемости, учло исторический опыт и пошло по более простому и более эффективному пути. Не отрицая полностью влияния изменений в брачности на рождаемость в странах Третьего мира, следует

сказать, что, по-видимому, путь контроля рождаемости через брачность, сыгравший немалую роль в демографическом развитии Европы, здесь не имеет больших перспектив. Скорее можно предположить, что в эволюции брачности эти страны повторяют путь Японии, которая, как уже отмечалось, миновала этап “европейской” брачности.

Нет сомнения, что будущее рождаемости в Третьем мире, как и везде, связано с ее внутрисемейным регулированием. Но пока и внутрисемейное регулирование рождаемости не получило сколько-нибудь широкого распространения в развивающихся странах, несмотря на немалые усилия их правительств и разного рода неправительственных, в том числе и международных, организаций, направленные на ускорение перехода к новому типу демографического поведения.

Задержка с переходом к новому типу рождаемости в развивающихся странах чревата очень серьезными экономическими и социальными последствиями – это хорошо осознают и государственные деятели, и ученые, и общественное мнение во всем мире. Но нельзя перепрыгнуть через исторически неизбежные этапы развития. Пока не достигнут некоторый необходимый уровень социально-экономического развития, демографическая политика, направленная на ускорение перехода к новому типу рождаемости, оказывается мало эффективной. Разумеется, неверно вообще отрицать полезность этой политики, даже если она проводится среди экономически и социально не подготовленного населения. Но, как писал индийский демограф А. Митра, она может лишь ослабить “чудовище” (слишком быстрый рост населения), необходимо “поднять армию экономического и социального развития, которая в конце концов убьет его” [74: 6].

Конечно, сейчас, во второй половине XX в., Третий мир не стоит на месте. Развитие национальной экономики, социальные реформы, индустриализация, рост городов, всеобщее обучение, подготовка собственных кадров специалистов – таков далеко не полный перечень того нового и прогрессивного, что появляется в странах Третьего мира, особенно после завоевания ими независимости, и противостоит условиям жизни традиционного общества. Голод и нищета, патриархальная замкнутость, невежество народных масс, власть религии, бесправное положение женщины, архаичные обычаи и быт – все это понемногу отступает под воздействием экономических и социальных преобразований. Но сами эти преобразования в развивающихся странах в силу многих исторических причин совершаются относительно медленно.

3.10. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Начиная примерно с середины второго тысячелетия, в Западной Европе совершался переход к новому историческому типу рождаемости. До этого времени здесь, как и во всем мире, существовал традиционный тип рождаемости. Репродуктивное поведение людей не было автономным, оно было слито, “сцеплено” с их брачным и половым поведением и регулировалось посредством культурных норм, которые, как правило, предполагали и определенным образом регламентировали активное брачное и половое поведение, но не допускали активного репродуктивного поведения. Эти нормы были общеобязательными и исключали избирательное поведение людей в демографической сфере, свободный индивидуальный выбор.

Традиционный тип рождаемости соответствовал тем историческим условиям, в которых он возник и долгое время существовал, относительно низкому уровню экономического и социального развития аграрных обществ. Исчезновение этих условий влечет за собой исчезновение традиционного типа рождаемости.

Историческое развитие подрывает как демографические (благодаря снижению смертности), так и социальные (благодаря изменению всей системы социального регулирования человеческого поведения) основы существования традиционного типа рождаемости и требует возникновения ее нового исторического типа. Постепенное развитие современного типа рождаемости, вытеснение им ее предшествующего типа и его повсеместное утверждение составляют один из наиболее существенных элементов демографической истории на протяжении нескольких последних столетий. На ранних этапах этого процесса общество пыталось приспособиться к новым условиям без коренной ломки механизма демографического регулирования. Долгое время – во Франции до конца XVIII в., в других западноевропейских странах до конца XIX в. – изменения в рождаемости обеспечивались в значительной степени путем некоторого изменения норм брачного поведения, главным образом, путем откладывания браков. При этом сохранял силу традиционный запрет, накладываемый на автономное и активное репродуктивное поведение.

Новое брачное поведение представляет собой стихийную попытку преодолеть кризис старой системы демографического регулирования, не устраняя самой этой системы, тип социального контроля рождаемости при этом не меняется. По мере демографического и социального развития внутренняя противоречивость, непоследовательность и малая эффективность этого пути становятся все более очевидными, необходимость поставить под

сознательный контроль непосредственно связь между брачным и половым поведением, с одной стороны, и рождением ребенка, с другой – все более настоятельной.

В конце концов, происходит переворот в демографическом поведении людей, который заключается в возникновении автономного активного репродуктивного поведения как формы массового, всеобщего поведения. Социальный контроль рождаемости принимает форму ее внутрисемейного регулирования. Супружеская пара приобретает свободу демографического выбора, ее репродуктивное поведение становится избирательным, соотносящимся с конкретными условиями жизни индивидуума, семьи и общества. Глубина перестройки механизма регулирования рождаемости и темпы ее осуществления заставляют говорить о качественном скачке, о революции в рождаемости.

Этот чрезвычайно глубокий переворот, создавший принципиально новый, неизвестный ранее тип регулирования рождаемости, долго созревает, но начавшись в том или ином населении, совершается очень быстро. Однако в масштабах всего мира он растягивается на столетия.

ПЕРЕХОД К СОВРЕМЕННОМУ ТИПУ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

4.1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД, ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

Во второй и третьей главах этой книги был рассмотрен исторический процесс перехода от традиционного типа смертности и рождаемости к их современному типу. При этом оба основных элемента процесса воспроизводства населения анализировались порознь. Такой раздельный анализ был оправдан, потому что в своей эволюции рождаемость и смертность обладают известной самостоятельностью и могут взаимодействовать с различными факторами социально-экономического развития независимо друг от друга, но только до известного предела. Ибо в действительности рождаемость и смертность представляют собой две стороны одного процесса – воспроизводства населения и в конечном счете не могут эволюционировать вне рамок этого единства. Отсюда вытекает ограниченность раздельного анализа изменений в рождаемости и смертности.

В свою очередь замена типа воспроизводства населения не сводится просто к замене исторических типов рождаемости и смертности, потому что она включает в себя весьма важные изменения, которые не вытекают из изменений в рождаемости и смертности, взятых в отдельности, а могут быть поняты только при анализе взаимодействия этих параллельных изменений. Следовательно, необходимо осмыслить эти изменения как две стороны единого процесса – перехода от старого к новому типу воспроизводства населения.

Прежде всего возникает вопрос, как протекал и протекает этот процесс в исторической реальности, в конкретных условиях различных стран и районов мира. В какой мере действительно можно говорить о единстве изменений смертности и рождаемости, в чем оно проявляется? Попытаемся дать обобщенный ответ на эти вопросы с помощью понятий *демографический переход*, *демографическая революция* и *демографический взрыв*. В лите-

ратуре первые два термина, а иногда и все три используют как равнозначные. Не отказываясь ни от одного из них, уточним смысл каждого термина в соответствии с различными явлениями, наблюдающимися в процессе замены старого типа воспроизводства населения новым.

Такая замена требует немалого времени. Она охватывает целый исторический период, на протяжении которого формируются условия нового демографического равновесия, переживает кризис старая система демографического регулирования, и общество стихийно вырабатывает, опробует и принимает или отбрасывает (если они не выдерживают исторической проверки) элементы его новой системы, – период *демографического перехода*. Пока длится демографический переход, в одном и том же населении сосуществуют элементы старого и нового типов воспроизводства как в чистом виде (у одних групп населения – еще старые, у других – уже новые), так и в виде промежуточных, паллиативных форм, неизвестных до начала перехода и не доживающих до его конца.

Сам демографический переход складывается из различных стадий. На ранних его стадиях элементы старой системы демографического регулирования не заменяются полностью, а подвергаются некоторой модификации. Яркий пример такой модификации – возникновение “европейской” брачности. Модифицированные формы и нормы демографических отношений позволяют в течение некоторого времени решать проблемы, которые ставит историческое развитие и с которыми уже не в состоянии справиться классический традиционный механизм. Их распространение постепенно расшатывает старую систему демографического регулирования, но не может устранить ее полностью, потому что сами модифицированные отношения не образуют целостной новой системы, способной заменить прежнюю. Они несут с собой преимущественно количественные изменения, в качественном же отношении больше принадлежат прошлому, чем будущему, все еще действуют в рамках традиционной системы управления поведением человека. Вместе со всей этой системой они движутся от одного кризиса к другому, обнаруживая все большее несоответствие новым историческим задачам, пока не подводят к кульминационному пункту демографического перехода – *демографической революции, или демографическому перевороту*.

В отличие от предшествующих стадий демографического перехода демографическая революция представляет собой коренной качественный скачок, разрыв со старыми методами демографического регулирования. Задача этой главы рассмотреть важнейшие новые качественные черты, которые приобретает вос-

производство населения при переходе от традиционного к рациональному типу. Все эти черты развиваются только после демографической революции; будучи ее результатом, они не могли возникнуть на базе более ранних изменений в процессе воспроизводства, ибо для этого не было достаточной качественной основы. Ранние стадии демографического перехода – это всего лишь промежуточный этап, подготовка демографической революции.

Демографический переход в Западной Европе начался, вероятно, не позднее XVI столетия – эпохи зарождения капиталистических отношений в недрах феодального общества. Вначале демографические изменения были очень незначительными, неглубокими, затрагивали узкие слои социальной верхушки и, на первый взгляд, не оказывали на жизнь основной массы европейского населения никакого влияния. Но постепенно они углублялись, охватывали все новые социальные группы, все больше преобразовывали демографическое бытие и демографическое сознание людей, все теснее переплетались с другими – экономическими и социальными – изменениями в их жизни. Существовал несомненный параллелизм демографического и социально-экономического развития. Эпоха между Великими географическими открытиями и промышленной революцией в Англии была переходной, подготовившей превращение западноевропейского общества из преимущественно аграрного и сельского в преимущественно индустриальное и городское. Такую же роль она сыграла и в подготовке перехода к повсеместному и всеобщему распространению современного типа воспроизводства населения.

Эта подготовка закончилась примерно к концу XVIII–середины XIX в., когда и начались решающие сдвиги в структуре причин смерти и в структуре демографического поведения и быстро пошла на убыль неконтролируемая экзогенная смертность и неконтролируемая “изнутри”, т.е. самой семьей, рождаемость, что и знаменовало собой начало демографической революции. Для этого периода совершенно справедливы слова Зд. Павлика: “Промышленной революции в экономическом развитии соответствует демографическая революция в развитии населения” [42: 38].

И исторически, и логически демографический переход начинается с изменений в смертности. Поскольку в механизме регулирования воспроизводства населения традиционного типа ключевая роль принадлежала смертности, именно ранние изменения в структуре причин смерти должны были послужить тем первым толчком, тем внутренним импульсом, с которого началась перестройка всего демографического механизма. В дальнейшем эта перестройка долгое время шла несинхронно, изменения в смерт-

ности, как правило, опережали изменения в рождаемости, и во всех странах уже к началу демографической революции обнаруживался более быстрый рост населения. В Европе XVIII в. был веком небывалого по тем временам роста населения.

С началом демографической революции отмеченная несинхронность демографического развития, как правило, усиливается. Чтобы отразить эту несинхронность, в литературе иногда пишут о переходе к новому типу смертности и к новому типу рождаемости как о различных этапах или фазах демографической революции. Скорость прохождения населения через каждую из этих фаз, их взаимодействие между собой, последовательность их распространения на различные слои общества зависит от многих конкретных исторических условий. Поэтому и сама демографическая революция в разные периоды и в разных странах протекала и протекает по-разному.

Первая фаза демографической революции – переворот в смертности, вторая – переворот в рождаемости. Каждая из этих фаз заключается в принципиальных качественных сдвигах в системе социального контроля над смертностью и рождаемостью и в соответствующих количественных изменениях, а именно в снижении уровня того и другого. В большинстве случаев вторая фаза начинается спустя более или менее длительное время после первой. В течение же этого времени снижающейся смертности соответствует высокая рождаемость, в результате чего рост населения резко убыстрится даже по сравнению с тем ускоренным ростом, который часто предшествует демографической революции. Это убыстрение продолжается до тех пор, пока не начинается вторая фаза демографической революции. Тогда ускорение роста населения прекращается, и по мере того как снижение рождаемости “догоняет” снижение смертности (а иногда даже обгоняет его), рост населения замедляется. Дальнейшая динамика численности населения (после завершения демографической революции) зависит от факторов, не связанных с переходом к воспроизводству населения современного типа, а подчиняется законам, свойственным этому последнему.

Разновременность начала и несинхронность развития обеих фаз демографической революции приводит к тому, что в течение относительно очень короткого времени население переживает *демографический взрыв*, небывало быстрый рост его численности, которая за столетие может вырасти гораздо больше, чем за всю предшествующую историю. Впрочем мощь такого взрыва может быть различной и зависит от конкретной ситуации, в которой осуществляется демографическая революция.

Исторический опыт позволяет выделить три типичные схемы ее развития.

Первую из них можно проиллюстрировать на примере Франции. Среди всех развитых капиталистических стран Франция выделяется тем, что обе фазы демографического переворота начались здесь практически одновременно, а снижение смертности и рождаемости шло почти параллельно. В результате нетто-коэффициент воспроизводства населения изменялся очень мало, и Франция даже в XIX в. не знала демографического взрыва. Другой пример этой же схемы демографического переворота дает СССР. Переход к новому типу смертности в СССР происходил гораздо быстрее, чем во Франции, и переход к новому типу рождаемости был не менее быстрым. Соответствие темпов обоих этих переходов привело к тому, что демографический переворот у большей части населения СССР совершился без демографического взрыва.

Правда, как и в других странах, что-то вроде слабого и растянутого демографического взрыва наблюдалось в России накануне демографической революции, на ранних стадиях демографического перехода. Смертность, сколь высока она ни была, в XIX в., особенно во второй его половине, начала уже приобретать некоторые черты, свойственные ее современному типу: значительно реже и слабее стали вспышки голода и повальных болезней, показатели смертности приобрели большую, чем прежде, устойчивость. Рождаемость же оставалась по-прежнему высокой и даже, возможно, несколько повысилась [16: 38, 168]. Поэтому темпы роста населения были довольно высокими – среднегодовой коэффициент естественного прироста (вероятно, завышенный из-за недоучета смертей) за 1861–1913 гг. по 50 губерниям Европейской России составлял 14,9‰ [16: 218]. Однако это было лишь преддверие демографического переворота, самое начало его первой фазы. Если бы отставание его второй фазы продолжалось и после того, как началось массовое снижение смертности, особенно после революции, темпы роста населения могли увеличиться вдвое и даже более. Но этого не произошло. Демографический взрыв в СССР зафиксирован только у некоторой части населения страны, в частности в республиках Средней Азии.

Примеры второй схемы развития демографической революции дают Англия, Швеция и многие другие страны Западной Европы. Эффект переворота в смертности здесь оказался настолько велик, что и относительно низкая рождаемость, достигнутая благодаря “европейской” брачности, оказалась слишком высокой. Переворот же в рождаемости, как мы видели, задержался и начался почти на сто лет позже, чем во Франции. Коэффициент

Среднегодовые коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения Швеции за 1701–1900 гг. (в промилле)

Период	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1701–1750	34,25	30,40	3,85
1751–1800	33,56	27,35	6,21
1801–1850	32,23	23,90	8,33
1851–1900	29,98	18,48	11,50

Источник [46 76]

ты естественного прироста населения стали быстро расти, как это было, например, в Швеции (табл. 4.1.1).

Налицо резкое ускорение роста населения, типичный демографический взрыв. Другой пример демографического взрыва дает Англия. Численность ее населения в 1800 г. составляла (без Ирландии) 10,9 млн человек (40% тогдашнего населения Франции). За XIX в. население Англии выросло почти на 26 млн человек, или в 3,4 раза [4: табл. 12] (население Франции – немногим более чем на 40%), и при этом не менее 10 млн человек эмигрировало за океан. В Западной Европе демографический взрыв прекратился довольно быстро – в начале XX в. – в результате стремительного падения рождаемости. Тем не менее за XIX столетие население зарубежной Европы увеличилось со 160 до 295 млн человек (на 135 млн человек, или на 85%) и дало еще несколько десятков миллионов эмигрантов [12: 19, 393].

Наконец, *третья* схема осуществления демографической революции характерна для развивающихся стран в наше время. Они не знали ранних стадий демографического перехода, он начался сразу стремительным скачком от старого типа смертности к новому, структура причин смерти перестраивается очень быстро, и во многих из этих стран уровень смертности сейчас значительно ниже, чем где бы то ни было в XIX в. Вторая же фаза демографической революции в лучшем случае только начинается, да и то далеко не везде. Поэтому превышение рождаемости над смертностью достигает огромных размеров, а мощность демографического взрыва – небывалой силы. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить наиболее высокие значения нетто-коэффициента воспроизводства населения, достигнутые в некоторых европейских странах во второй половине прошлого века, с теми, которые можно наблюдать сейчас в “третьем мире”.

Именно с этой третьей схемой развития демографической революции связан современный *мировой* демографический взрыв –

**Нетто-коэффициент воспроизводства населения
в некоторых странах во второй половине XIX в. и в 60-е годы XX в.**

Англия и Уэльс, 1881 г	1,54	Алжир, 1964 г	2,51
Германия, 1891–1900 гг	1,51	Венесуэла, 1964 г	2,79
Дания, 1895–1900 гг	1,51	Коста-Рика, 1965 г	2,83
Финляндия, 1881–1890 гг	1,49	Мексика, 1960 г	2,49
Швеция, 1883–1887 гг	1,46	Эквадор, 1960–1965 гг	3,02

Источники [12 159–162, 34 50–51 43 380–387]

Таблица 4 1 2

Рост населения мира с 1750 по 2000 г.

Период	Численность населения мира к концу периода (млн человек)	Прирост за период (млн человек)	Среднегодовой прирост, млн человек	Среднегодовой прирост в процентах		
				весь мир	в том числе	
					более развитые районы*	менее развитые районы
1750–1800	978	187	3,7	0,4	0,4	0,4
1800–1850	1262	284	5,7	0,5	0,7	0,5
1850–1900	1650	388	7,8	0,5	1,0	0,3
1900–1950	2506	856	17,1	0,8	0,8	0,9
1950–2000	6407**	3901	78,0	1,9	0,9	2,2

* К более развитым районам демографами ООН отнесены СССР, страны Европы, США, Канада, Япония, Аргентина, Чили, Уругвай, Австралия и Новая Зеландия, к менее развитым районам – все остальные страны

** Фактически население мира в 2000 г составило, по оценкам ООН, 6057 тыс человек (примечание 2005 г)

Источник [44 3]

явление, не известное до второй половины XX века. Общее представление об этом взрыве дает табл. 4.1.2, которая включает в себя один из последних прогнозов ООН до 2000 года.

Табл. 4.1.2 отражает ускорение роста населения развитых стран во второй половине XIX века. Но, как видим, оно было не особенно большим и мало повлияло на темпы роста населения всего мира. Совсем иначе обстоит дело с нынешним пятидесятилетием. Темпы роста населения “менее развитых районов” выросли по сравнению с прошлым веком примерно в 5–6 раз. Если учесть, что в этих районах проживает около 70% населения нашей планеты, становится понятным, что весь современный мировой демографический взрыв объясняется процессами, происходящими в развивающемся мире.

Считают, что на десятилетие с 1970 по 1980 г. приходится кульминация демографического взрыва в том смысле, что сейчас наблюдаются самые высокие за всю историю человечества темпы роста мирового населения, в следующем десятилетии начнется их снижение. Это не значит, однако, что демографический взрыв скоро закончится. Даже если исходить из того, что, начавшись в будущем десятилетии, снижение темпов роста мирового населения будет неуклонно прогрессировать, сам этот рост, согласно “среднему” варианту одного из последних прогнозов ООН, может прекратиться не ранее 2140 г.

По оценкам демографов ООН, для того чтобы рост населения мира прекратился и его численность стабилизировалась, надо, чтобы с учетом дальнейшего снижения смертности брутто-коэффициент воспроизводства населения находился в пределах от 1,016 до 1,023. Тогда нетто-коэффициент станет равным 1, что соответствует простому воспроизводству населения. Однако рост населения не прекратится немедленно по достижении этих показателей, так как население обладает определенным потенциалом демографического роста, не зависящим от уровней рождаемости и смертности в данный момент, а отражающим специфику его возрастной структуры. После установления неизменных показателей рождаемости и смертности, соответствующих простому воспроизводству, должен пройти немалый срок, пока потенциал демографического роста исчерпается и численность населения перестанет увеличиваться.

В более развитых районах мира брутто-коэффициент воспроизводства уже сейчас невысок – по оценке ООН для 1970–1975 гг. он равен 1,13. Но в менее развитых он равен 2,60, что намного больше уровня простой замены в условиях низкой смертности. По среднему варианту долгосрочного прогноза, составленного Демографическим отделом ООН, снижение рождаемости до уровня простой замены во всем развивающемся мире потребует примерно 100 лет, хотя различные его части придут к этому результату в разное время. Общая картина завершения мирового демографического взрыва, согласно этому прогнозу, приведена в табл. 4.1.3.

Даже к концу XXI в. в некоторых районах мира рост населения не прекратится полностью, однако уже вторая половина XXI в. будет периодом заметного замедления этого роста в мировых масштабах, а начиная с последней четверти будущего столетия он станет незначительным: 80% всего прироста населения, ожидаемого в XXI в., придется на период до 2050 г.

Демографический взрыв тесно связан с демографической революцией, он порожден ею, но демографический взрыв и

Таблица 4.1.3

**Перспективы роста численности населения мира
и его отдельных районов до 2100 г.**

Районы мира	Год, в котором будет достигнут		Численность населения в миллионах		
	нетто-коэффициент воспроизводства, равный единице	годовой прирост населения, равный нулю	1970	2000	2100
Весь мир	2070	2140	3621	6407	12257
Более развитые районы	2020	2070	1084	1368	1570
Менее развитые районы	2070	2140	2537	5039	10687
в том числе:					
Африка	2070	2140	352	834	2435
Восточная Азия	2010	2080	926	1373	1776
Южная Азия	2060	2120	1111	2384	5358
Латинская Америка	2035	2105	284	625	1308

Источник: [11: 39].

демографическая революция – это, конечно, совсем не одно и то же. Взрывоподобный рост населения – лишь одно из многих последствий демографического переворота, причем, не самое главное. Он вытекает не из сущности этого переворота, а из тех исторических условий, в которых демографический переворот совершается в той или иной стране, в некоторых случаях, как мы видели, “взрыва” может и не быть. “Взрывные” темпы – явление временное, они исчезают после окончания демографической революции, тогда как другие последствия, о которых речь пойдет ниже, остаются с человечеством навсегда.

4.2. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ СТАРЕНИЕ

В процессе перехода от старого типа демографического воспроизводства к новому глубоким изменениям подвергается возрастная структура населения. Возрастная структура – прямое следствие соотношений между уровнями рождаемости и смертности. Как следует из эргодической теоремы А. Лотки, центральной в теории стабильного населения, при неограни-

**Возрастная структура стационарного населения
при различных уровнях рождаемости и смертности**

Средняя продолжительность жизни (e_0) в годах	Доля различных возрастных групп во всем населении, %			Общий коэффициент рождаемости (равный общему коэффициенту смертности), ‰	Брутто-коэффициент воспроизводства
	0–14 лет	15–19 лет	60 лет и старше		
20	38,2	57,8	4,0	50,1	2,97
30	31,9	60,6	7,5	33,4	2,04
40	27,5	61,1	11,4	25,0	1,61
50	24,4	60,6	15,0	20,0	1,35
60,4	22,2	59,7	18,1	16,6	1,17
70,2	20,6	58,7	20,7	14,3	1,05

Источник: [40: 77].

ченно долгом сохранении неизменных режимов рождаемости и смертности в населении устанавливается возрастная структура, однозначно соответствующая этим режимам. Хотя реальные населения никогда в точности не совпадают с теоретическими уже потому, что в них невозможна полная неизменность рождаемости и смертности, теоретические модели дают в целом верное, хотя и идеализированное представление о типах возрастных структур, складывающихся в действительности при тех или иных уровнях рождаемости и смертности. Обратимся к табл. 4.2.1.

Стационарное население, к которому относятся приведенные в таблице показатели, представляет собой частный случай стабильного населения, соответствующий простому воспроизводству, и взято здесь в качестве примера. Простое воспроизводство возможно при самых различных комбинациях уровней рождаемости и смертности, которые могут вести и к различным возрастным структурам. Но если рождаемость и смертность изменяются в соответствии с действительной исторической тенденцией, рассмотренной в предыдущих главах, то, как следует из таблицы, должна существовать и определенная тенденция в изменении возрастной структуры. Она заключается в том, что доля младших возрастных групп неуклонно сокращается, а доля старших – увеличивается. Это явление и получило название старения населения, или демографического старения.

Изменение возрастной структуры населения Швеции
с середины XVIII в.

Возрастные группы	Доля возрастных групп, %						
	1750–1800	1800–1850	1860	1900	1930	1950	1965
0–14 лет	32,6	33,2	33,5	32,5	24,8	23,4	21,0
15–59 лет	58,7	58,5	58,3	55,6	62,4	61,7	60,7
60 лет и старше	8,7	8,3	8,2	11,9	12,8	14,9	18,3

Источник: [47: 268].

Главная причина демографического старения – снижение рождаемости. Снижение смертности в той мере, в какой оно затрагивает младшие возрастные группы, противодействует старению. Более того, так как снижение смертности обычно начинается раньше снижения рождаемости и распространяется прежде всего на детей (в наибольшей степени подверженных экзогенной смертности), на ранних этапах демографического перехода оно может вести к омоложению населения. Некоторое омоложение может быть также следствием роста реальной плодovitости до начала изменений в демографическом поведении людей. Но с началом демографической революции определяющей неизбежно оказывается тенденция старения населения. По словам Э. Россета, “демографическая революция настежь открыла двери развитию процесса старения населения Европы” [17: 383].

Исторический процесс демографического старения проиллюстрируем примером Швеции.

В первой половине XIX в. население Швеции не только не старело, но даже несколько омолаживалось, и только во второй половине XIX столетия начался процесс старения, который резко усилился уже в XX веке. В свое время среди всех европейских стран высокой степенью постарения выделялась Франция, Швеция же представляет собой пример обычной западноевропейской страны, в которой старение стало заметно лишь к концу XIX в. Сейчас она принадлежит к числу наиболее “старых” стран мира, но в целом мало отличается от других стран Западной Европы. В конце 1960-х годов доля детей в возрасте до 15 лет во всех странах Западной Европы составляла 25%, доля пожилых в возрасте 60 лет и старше – 17% [12: 204]. В США постарение населения развивалось

несколько медленнее, чем в Европе, но общая тенденция здесь такая же.

Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в США (в процентах)

1860 г.	1880 г.	1900 г.	1920 г.	1940 г.	1960 г.	1970 г.
4,3	5,6	6,4	7,0	10,4	13,2	14,1

Источники: [12. 211; 17: 297].

Население СССР с началом демографического переворота также вступило в полосу демографического старения (табл. 4.2.3).

Фактическая сторона процесса старения населения обстоятельно описана в книге Э. Россета, мы не будем останавливаться на ней более подробно. Отметим только, что в развивающихся странах начавшаяся демографическая революция пока ведет к омоложению населения, старение населения в них начнется только тогда, когда демографическая революция в Третьем мире вступит в свою вторую фазу.

Важно подчеркнуть, что старение населения – это одна из тех необратимых перемен, которые несет с собой переход к новому типу воспроизводства населения. Пережившее демографическую революцию население *никогда* не вернется к той возрастной структуре, при которой человечество жило на протяжении всей своей истории.

В табл. 4.2.4 сравниваются типичные для традиционного типа воспроизводства населения показатели, наблюдавшиеся в России в конце прошлого века, с показателями стабильного населения, имеющего примерно такую же возрастную структуру и современный уровень смертности. Это сравнение ведет к очень простому выводу. Чтобы в современных условиях население имело такую возрастную структуру, какая была в нашей стране 70–80 лет назад, брутто-коэффициент воспроизводства должен быть примерно таким, как в современных Сингапуре или Бразилии (т.е. на каждую женщину должно приходиться около 5 рожденных детей), а темпы роста населения должны приближаться к 3% в год. Стоит ли говорить, что ни в нашей, ни в какой-либо другой экономически развитой стране такие показатели никогда уже не будут возможны.

Изменения в возрастной структуре, так же как и другие изменения, связанные с демографической революцией, носили характер стремительного переворота. Их масштабы и их необратимость все еще недостаточно осознаны, и нередко приходится сталкиваться с негативной оценкой старения населения и с призывами приостановить этот процесс. Однако

Таблица 4.2.3

Возрастная структура населения СССР
(в процентах)

Возрастные группы	1897	1926	1939	1959	1970
0–15 лет	40,5	40,1	37,7	30,4	30,9
16–59 лет	52,7	53,2	55,5	60,2	57,2
60 лет и старше	6,8	6,7	6,8	9,4	11,8

Источник: [13: 17].

Таблица 4.2.4

Условия формирования "молодой" возрастной структуры при низкой смертности

	Доля различных возрастных групп во всем населении, %			Средняя продолжительность жизни, в годах	Общие коэффициенты, ‰			Брутто-коэффициент воспроизводства
	0–14 лет	15–19 лет	60 лет старше		рождаемости	смертности	естественного прироста	
Европейская Россия, 1897 г.	40,5	52,7	6,8	32,3	49,5*	32,1*	17,4*	3,5**
Стабильное население	41,6	52,2	6,2	70,2	35,7	5,7	30,0	2,40

* 1896–1900 гг.

** Оценка Р. Кучинского.

Источники: [16: 168, 188; 35: 213; 40: 77].

демографическое старение при переходе к современному типу воспроизводства населения, если рассматривать этот процесс в целом (а не крайние его проявления, обусловленные слишком сильным падением рождаемости, что не связано с сущностью демографической революции), можно оценивать положительно или отрицательно с таким же основанием, как, скажем, заход солнца на исходе дня. Старение – объективный, исторически обусловленный процесс, его последствия необратимы, и единственное, что можно и нужно сделать, это осознать их и учитывать в общественной практике.

4.3. ПОВЫШЕНИЕ УПРАВЛЯЕМОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Как полагал А. Ландри, одно из главных отличий современного типа воспроизводства населения от предшествующих заключается в том, что при современном типе не существует внутренней тенденции к установлению демографического равновесия. Прежде “существовало такое равновесие, которое определялось в зависимости от некоторой совокупности условий. Если эти условия оставались неизменными, проявлялась тенденция к уравнению смертности и рождаемости, что вело к стационарному состоянию населения. Ничего подобного мы не видим ныне” [36: 53]. Иначе говоря, согласно А. Ландри, теперь не существует никаких объективных пределов, по достижении которых количественные изменения в демографических процессах (например, снижение рождаемости) должны автоматически прекратиться. Гомеостатическое регулирование демографического процесса перестало существовать.

Мы исходим из противоположного постулата. Поскольку само существование человеческого общества немислимо, если не обеспечено непрерывное и достаточно устойчивое продолжение человеческого рода, общество на всех этапах своего исторического развития вырабатывает необходимые гомеостатические механизмы, которые постоянно приводят демографическое функционирование в соответствие со всеми остальными сторонами функционирования социального организма. Из этого правила не может быть исключений. Неверно видеть такое исключение и в современном типе воспроизводства населения.

До тех пор пока то или иное общество сохраняет свою жизнеспособность, ее сохраняет и демографический механизм. Если какая-либо социальная система переживает общий кризис, кризис затрагивает и демографическую сферу. Но это – свидетельство несостоятельности социальной системы, а не системы демографического регулирования, которая исправно приводит “демографический блок” в состояние, адекватное состоянию всей социальной системы.

То, что казалось А. Ландри отсутствием внутреннего механизма установления демографического равновесия, нам представляется способностью населения гибко приспосабливаться к меняющимся условиям такого равновесия. Малая инерционность, маневренность, раскованность демографического поведения – вот некоторые из тех завоеваний, которые несет с собой новый тип воспроизводства населения на смену неповоротливости, окаменелости, полифункциональности старого демографического

механизма. Прогрессивное значение этих завоеваний заключается в том, что они способствовали приведению системы демографического регулирования в соответствие с новыми материальными и социальными условиями жизни людей.

Прежде всего укажем на резко возросшую *управляемость* демографического процесса. Управление в демографической сфере выполняет те же функции, что и в любой другой. Оно обеспечивает сохранение определенной демографической структуры населения, поддержание установленного режима его деятельности (воспроизводства населения) и реализацию объективно заданной программы этой деятельности (достижение цели) [21: 282]. Говоря о повышении управляемости, мы имеем в виду расширение области человеческой свободы применительно к управлению воспроизводством населения, уменьшение зависимости человека от природы, поскольку речь идет об определении “программы” этого процесса, и повышение эффективности реализации этой программы.

И во времена традиционного типа воспроизводства населения демографический процесс был социально управляемым. В социально-культурных нормах находили отражение как объективная необходимость продолжения человеческого рода – “демографическая цель”, так и доступные человеку прошлого способы ее достижения.

Существует, однако, огромная разница в управляемости процесса воспроизводства населения при традиционном и современном (рациональном) его типах.

Традиционному типу воспроизводства населения соответствует ограниченный, малоэффективный контроль над демографическими процессами. В связи с тем что главным регулирующим звеном демографического механизма остается смертность, слабо подконтрольная людям, действующая с неотвратимостью стихийной силы, общество, вырабатывая в ходе долгого и трудного развития нормы демографического поведения, должно было приспосабливаться при этом ко внешним обстоятельствам, над которыми оно не имело власти. Такое приспособление и было в прошлом одним из основных элементов управления воспроизводством населения.

Установление контроля над смертностью и переход функций главного регулятора демографического процесса к рождаемости коренным образом изменил цели и возможности управления этим процессом. Если прежде общество вынуждено было приспособлять свои нужды к нуждам демографического процесса, то теперь оно получило некоторую возможность приспособлять демографический процесс к своим нуждам. И общество, и

отдельная семья получают теперь – в известных пределах, конечно, – свободу демографического выбора, могут варьировать, а значит, *оптимизировать* свое демографическое поведение.

Новым целям и новым возможностям управления демографическим процессом соответствует новый механизм такого управления. Прежде культурный отбор, действовавший на уровне всего общества, на “макроуровне”, вел к выработке таких норм демографического поведения, которые были обязательными для всех и не предполагали ни свободы целеполагания, ни свободы поведения для отдельного индивидуума или семьи. Подобный принцип действия демографического механизма несовместим с оптимизацией индивидуального демографического поведения, с его гибким приспособлением к меняющимся условиям. Поэтому в процессе перехода к рациональному типу воспроизводства населения вырабатывается новый механизм, обеспечивающий автоматический учет семьей общих условий, в которых протекает демографический процесс. Теперь с гораздо большим основанием, чем прежде, можно говорить о “демографической цели” семьи, к достижению которой она с большей или меньшей последовательностью стремится в своем поведении.

Демографическая цель семьи определяет ее поведение главным образом в сфере рождаемости, но ясно, что она вырабатывается с учетом взаимодействия рождаемости и смертности, с учетом наиболее вероятного конечного результата воспроизводства на уровне семьи. Поэтому на уровне семьи развивается не только механизм контроля над рождаемостью (а значит, и над всем воспроизводством), но и механизм целеполагания, также учитывающий всю ситуацию в области воспроизводства населения.

Этот механизм гораздо более тонок, чем старый механизм целеполагания на макроуровне, он обеспечивает гораздо лучшую согласованность демографического процесса со всеми остальными социальными процессами, нежели прежний грубый и негибкий механизм, предполагавший неизменность демографического поведения семьи.

Семья не существует независимо от общества, она прочно “встроена” в социальный организм. Супружеская пара, каждый супруг в отдельности осознают свои демографические цели в процессе воспитания, в процессе накопления жизненного опыта, в непрерывных контактах с окружающей их социальной средой. Семья как элементарная ячейка общества связана с целым тысячами неразрывных нитей. По огромному количеству каналов прямой и обратной связи поддерживается ее взаимодействие с социальным организмом, микрочастицу которого она составляет.

При этом вырабатывается наряду с другими (социальной, экономической и т.п.) и демографическая цель семьи, так что эта цель, в конечном счете, с достаточной полнотой учитывает и отражает как задачи общественного развития в целом, так и те конкретные исторические условия, в которых осуществляется решение этих задач.

Разумеется, нельзя утверждать, что каждая отдельная семья всегда безошибочно воспринимает и истолковывает ту огромную разнородную информацию, которая поступает к ней в процессе ее общественной практики. Но поскольку речь идет о массовом демографическом поведении, оно управляется массовым демографическим сознанием, которое в свою очередь есть часть всего общественного сознания, более или менее адекватно отражающего объективные интересы общества. Поэтому если процесс воспроизводства населения, его количественные характеристики и испытывают определенные изменения, колебания и т.п., вызванные изменениями в рождаемости, то в этих изменениях неизмеримо больше целесообразности и целенаправленности, чем в тех изменениях и колебаниях, которые происходили во времена господства традиционного типа воспроизводства населения и порождались, главным образом, лихорадочным течением процесса смертности.

Не угрожает ли развитие целеполагания на микроуровне тем, что демографический процесс станет совсем неуправляем на макроуровне? Не вступает ли суверенитет семьи в демографической области в противоречие с суверенитетом общества, не ввергнет ли он общество в пучину демографической стихийности, не станет ли все население в целом жертвой демографического произвола массы отдельных семей?

Значение демографического суверенитета семьи, свободу выбора в области рождаемости не следует абсолютизировать. Ни то, ни другое не означает полного перечеркивания внешней – с точки зрения отдельной семьи – необходимости. Человек всегда есть средоточие всех общественных связей, и то обстоятельство, что он ощущает эти связи не непосредственно, как, скажем, член сельской общины, и его поведение предопределено не столь однозначно, как прежде, отнюдь не означает, что связи индивидуума с обществом ослабевают. Наоборот, как отмечал К. Маркс, та эпоха, которая освобождает человека от всех “естественных связей” и порождает “точку зрения обособленного одиночки”, “есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) связей” [7: 710].

Свобода индивидуального выбора есть поэтому, с одной стороны, крайне ограниченная свобода, поскольку во всех сущест-

венных чертах поведение человека предопределено его местом в системе общественных связей. Но, с другой стороны, внутри определенных, пусть и относительно узких, рамок он все-таки свободен – свободен в достаточной степени, чтобы сделать возможным гораздо более полное, чем в прежние эпохи, развитие человеческой индивидуальности и в то же время сообщить гораздо больше гибкости и динамизма всему общественному организму. Говоря о капиталистическом присвоении прибавочного труда, К. Маркс отмечает, что он “по своей сущности всегда остается принудительным трудом, хотя бы он и казался результатом свободного договорного соглашения” [9: 385]. Тем не менее это “свободное договорное соглашение” нельзя рассматривать как несущественный момент, как нечто только кажущееся. “Одна из цивилизаторских сторон капитала заключается в том, что он принуждает к этому прибавочному труду таким способом и при таких условиях, которые для развития производительных сил, общественных отношений и для создания элементов высшей новой формы выгоднее, чем при прежних формах рабства, крепостничества и т. д.” [9: 386].

С подобной же ситуацией мы встречаемся и при анализе исторических изменений в процессе воспроизводства населения. Новые условия, в которых протекает этот процесс, не означают, конечно, что производство потомства вышло из-под контроля общества. Но механизм такого контроля стал иным. С помощью этого механизма человек, семья, как и раньше, понуждаются к определенному поведению в области деторождения, но, перефразируя цитированные выше слова К. Маркса, можно сказать, что это делается таким способом и при таких условиях, которые с точки зрения развития общества гораздо более выгодны, чем способы и условия, существовавшие прежде. Отмеченная ранее возможность оптимизации демографического поведения и есть проявление этой выгоды. Управление старого типа заставляло человека идти по единственно возможному пути, управление нового типа ориентирует его на движение по наиболее целесообразному из многих возможных путей, позволяет гибко учитывать весь комплекс непрерывно меняющихся экономических, социальных и прочих условий. Это не исключает того, что есть пути невозможные, поскольку, как известно, расширение царства свободы не упраздняет совершенно царства необходимости.

Именно поэтому развитие контроля рождаемости на микроуровне не упраздняет такой контроль на макроуровне, а лишь делает несостоятельными его старые формы. Сколь это ни казалось бы парадоксальным, расширение возможностей семьи управлять рождаемостью, а через нее и воспроизводством есть одно-

временно и расширение соответствующих возможностей общества. Контроль над процессом воспроизводства населения на макроуровне намного усиливается, но теперь он осуществляется совершенно иначе, чем прежде. Поскольку семья при определении своих намерений в отношении числа детей становится все более восприимчивой к изменению социально-экономических условий, очень многие, если не все, меры в социальной, экономической, культурной и других областях оказываются в то же время мерами по управлению воспроизводством населения, воздействуют на формирование демографической цели семьи.

В условиях возросшей управляемости демографического процесса повышаются требования к уровню управления им. Старые методы управления, воздействие на рождаемость, связанное с ограничением свободы семьи делать свой выбор, – оказываются все менее и менее эффективными. По мере того как развивается демографическое самосознание, семья все больше сопротивляется попыткам извне навязать ей то или иное демографическое поведение, всеми путями обходит всевозможные запреты. Нарастает борьба против всякого рода ограничений в этой области, и они постепенно ослабевают.

Наоборот, новые методы управления воспроизводством населения на макроуровне, основанные на признании свободы демографического выбора семьи, в наибольшей степени соответствуют объективному историческому развитию и потому наиболее эффективны. В этом нет ничего противоречивого. Поскольку демографические намерения семьи в значительной степени предвосхищены общим ходом социально-экономического развития, в целом отражающим целевые установки данного общества, нет никакой необходимости препятствовать реализации этих намерений, напротив, надо всячески ей способствовать.

Отсюда вытекают два основных направления управления рождаемостью, а значит, и процессами воспроизводства населения в целом.

С одной стороны, необходимы специальные меры, направленные на то, чтобы расширить возможности семьи реализовать стоящую перед ней цель – всемерно совершенствовать механизм управления рождаемостью на микроуровне, добиваясь того, чтобы поведение семьи и его результаты как можно меньше определялись не зависящими от семьи обстоятельствами и как можно точнее соответствовали ее демографической цели. Ведь сейчас еще далеко не всегда семья может быть уверена, что достигнет цели, которую она перед собой ставит. Материальные или жилищные условия, состояние здоровья, сохранившиеся религиозные, этические или юридические запреты, незнание методов

контрацепции или несовершенство этих методов и многое другое может стоять между намерением семьи и его осуществлением, служить причиной расхождения между желаемым и действительным. Устранение подобных препятствий – путь к более полному сознательному контролю над рождаемостью, к более верному достижению демографической цели.

Другая сторона управления воспроизводством населения – воздействие на формирование самой демографической цели семей, их демографической установки. Такое воздействие может быть неосознанным, поскольку, как уже говорилось, любое решение, относящееся к какой-нибудь достаточно далекой от демографии области (касающееся, скажем, политики цен, или жилищного строительства, или охраны окружающей среды), может повлиять, пусть и очень незначительно, на решение семьи иметь или не иметь еще одного ребенка. Для того чтобы воздействие на формирование демографической цели семьи, управление им было сознательным, необходимо заранее учитывать демографические последствия всех принимаемых на уровне общества решений и изменять эти решения, если они противоречат осознанным демографическим интересам и преследуют менее важные для общества цели.

С повышением управляемости демографического процесса тесно связано повышение его *устойчивости*, т.е. сокращение частоты и размаха колебаний его основных характеристик.

Воспроизводство населения традиционного типа характеризовалось малой устойчивостью, регулировавший его механизм был очень грубым, “неприцельным”. Демографическая стабильность, которую можно видеть, рассматривая большие территории и длительные отрезки времени, достигалась в условиях частых резких кратковременных колебаний, глубоких провалов, катастрофически нарушавших течение процесса воспроизводства; подъемы смертности, подобные стихийным бедствиям, постоянно нарушали его спокойный ход. Систематические демографические кризисы были неотъемлемой чертой традиционного типа воспроизводства населения (а не только традиционного типа смертности). Во время таких кризисов происходили довольно значительные изменения в брачности и рождаемости. Но главным их элементом были подъемы смертности. Кроме того, снижение брачности и рождаемости в периоды кризисов тоже было в большей степени не результатом сознательных изменений в поведении людей, а прямым следствием повышения смертности: гибели потенциальных брачных партнеров, овдовения, смерти беременных женщин и т.п.

Таблица 4.3.1.

**Динамика численности населения некоторых районов мира
в 1000–1500 гг. (млн человек)**

Год	Европа	Юго-Западная Азия	Индия	Китай
1000	42	32	48	70
1100	48	33	50	79
1200	61	34	51	89
1300	73	33	50	99
1400	45	27	46	112
1500	69	29	54	125

Источник: [23: 9].

Общая численность населения отдельных территорий, стран, континентов в целом медленно росла, но этот рост был крайне неравномерным; нередко бывали периоды, когда он прекращался или даже сменялся уменьшением численности населения. Исследователи отмечают значительные колебания численности населения на протяжении тысячелетий в Китае и Индии, сокращение ее в античном мире, периоды падения численности населения в средние века и т.д. Для иллюстрации неустойчивости роста населения в прошлом можно воспользоваться оценками, сделанными для различных районов мира за 1000–1500 гг. американским исследователем М. Беннетом (табл. 4.3.1).

Хотя, как отмечалось в литературе (см., например [10: 230–231]), некоторые из оценок М. Беннета не бесспорны, общий неровный характер динамики численности населения им, видимо, не преувеличен, а может быть даже и преуменьшен. По Китаю, например, имеются данные, свидетельствующие о гораздо менее плавной динамике численности населения [47: 18].

Даже во второй половине нашего тысячелетия в Западной Европе рост численности населения был настолько медленным и неустойчивым, что современники “совершенно не представляли себе, как изменяется численность населения. Еще в XVII в. направление динамики населения было неясно. Так, например, Монтескье, Кенэ и Мирабо-отец полагали, что население непрерывно убывает... Лишь в конце XVIII в. факт роста населения стал ясен большинству современников, и голоса о том, что население уменьшается, смолкли” [20: 118].

Установление контроля над экзогенной смертностью лишило смертность ее ключевой роли в системе демографического регулирования и привело не только к гораздо более низкому, но и к гораздо более устойчивому, чем прежде, уровню смертности, к

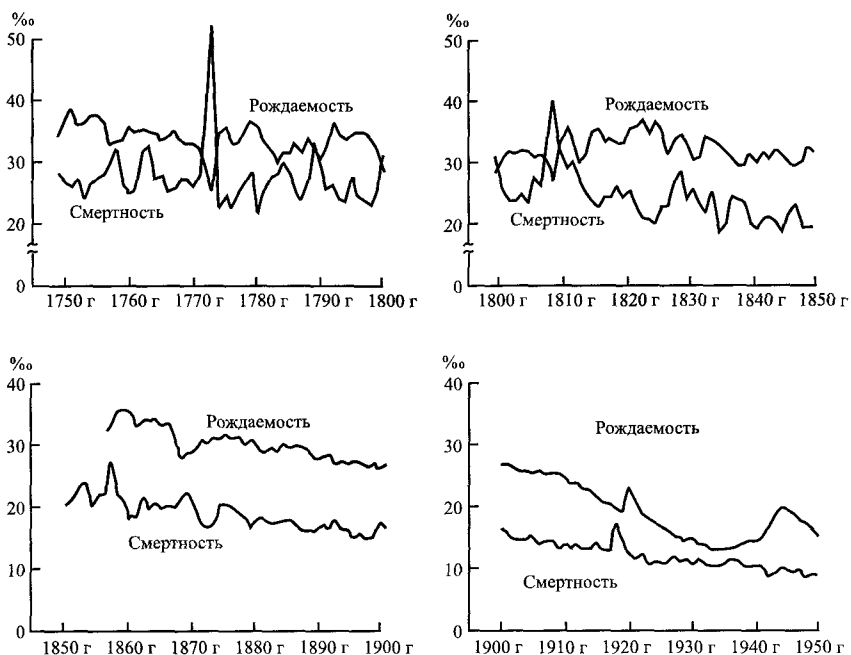


Рис. 7. Уменьшение колебаний коэффициентов рождаемости и смертности населения Швеции с 1750 по 1950 г

Источники [45а 59, 45b 45]

исчезновению ее частых резких колебаний (внезапные крутые подъемы смертности в развитых странах сейчас возможны только во время войн). В то же время принципиальные изменения в структуре демографического поведения в сфере рождаемости придали процессу рождаемости неизвестные ему ранее гибкость, “приспособляемость”, способность к быстрым изменениям. В результате смертность утратила свое значение наиболее динамичного элемента процесса воспроизводства, таким динамичным элементом стала рождаемость, к которой и перешла теперь роль регулятора всего процесса в целом.

Рис. 7 и 8 дают приблизительное (в силу несовершенства используемых показателей – общих коэффициентов) представление об изменении в колеблемости уровней рождаемости, смертности и естественного прироста в Швеции с середины XVIII в.

Хотя теперь, как видим, уровень рождаемости колеблется гораздо сильнее, чем уровень смертности, колебания рождаемости имеют совершенно иной характер, нежели колебания смертности в прошлом, они лишены резкости, внезапности и частоты, кото-

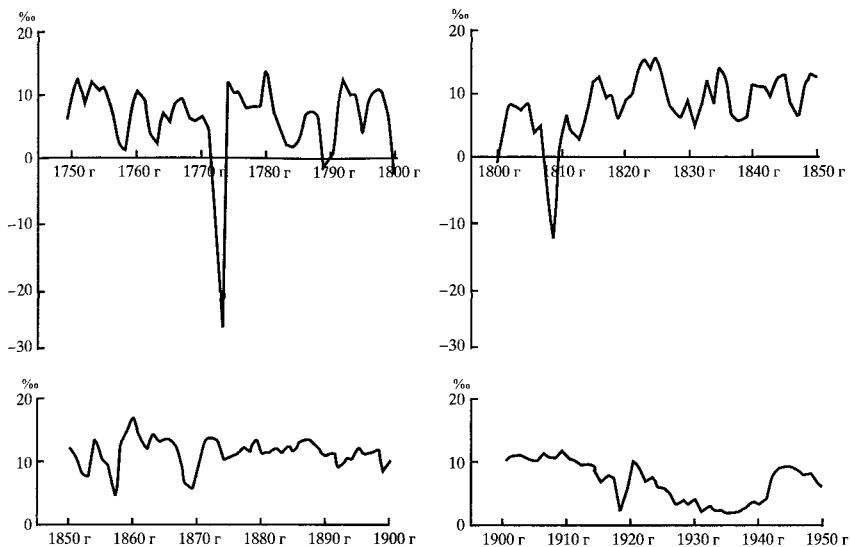


Рис. 8. Уменьшение колебаний коэффициента естественного прироста населения Швеции с 1750 по 1950 г

Источники [45a 59, 45b 45]

рые делали столь лихорадочным течение процесса воспроизводства традиционного типа. Благодаря этому и динамика естественного прироста становится гораздо более плавной. Как видно на рис. 8, значения годовых коэффициентов естественного прироста во второй половине XVIII в. и в первой половине XX в. (XIX в. в Швеции был периодом “демографического взрыва”) колеблются примерно вокруг одной и той же величины: медианное значение коэффициента в первом случае – 7,52‰, во втором – 7,66‰. Но насколько меньше эти колебания в нашем столетии! Возросшая устойчивость демографического процесса не вызывает сомнения.

4.4. ПЕРЕВОРОТ В ЭКОНОМИЧНОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ

Переворот в экономичности воспроизводства, населения – еще одна из важнейших сторон всего современного демографического переворота. Под экономичностью, или эффективностью, здесь, как и во всех других случаях, понимается соотношение затрат и результатов. Пользуясь обычными демографическими мерами, “затраты” можно измерять брутто-коэффициен-

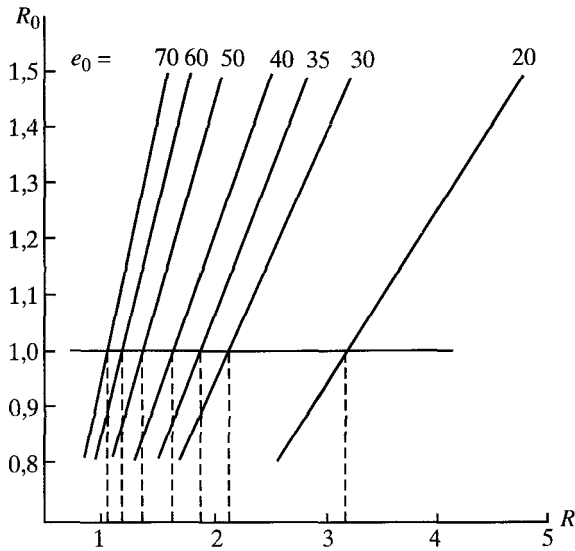


Рис. 9. Взаимосвязь между уровнями рождаемости, смертности и воспроизводства в стабильном населении

Источник [26, модель “West”]

том (R), а “результаты” — нетто-коэффициентом (R_0) воспроизводства населения. Отношение второго к первому показывает, сколько женщин в каждом поколении приходит на смену своим матерям в расчете на одну родившуюся девочку. Можно пользоваться — и это даже удобнее — обратной величиной: числом девочек, которое необходимо родить каждой средней женщине, чтобы обеспечить простую замену материнского поколения ($R_0 = 1$, простое воспроизводство населения):

$$\rho = R/R_0.$$

Мы будем пользоваться именно этой мерой, называя ее *ценой простого воспроизводства*.

Воспроизводство населения традиционного типа характеризуется очень низкой экономичностью. Цена простого воспроизводства во все прошлые эпохи была чрезвычайно высока. График на рис. 9 схематически показывает возможные соотношения между уровнями смертности, рождаемости и воспроизводства населения в целом. Абсцисса точки пересечения горизонтальной прямой, соответствующей уровню простого воспроизводства, с наклонными прямыми, отвечающими определенным уровням смертности, и есть цена простого воспроизводства. Как видим, при типичной для традиционной смертно-

Таблица 4.4.1₃

**Цена простого воспроизводства во Франции и Швеции
в конце XVIII в.**

Годы	Брутто-коэффициент	Нетто-коэффициент	Цена простого воспроизводства
Франция			
1771–1775	2,40	1,08	2,22
1776–1780	2,36	1,10	2,15
1781–1785	2,32	1,12	2,07
1786–1790	2,24	1,14	1,96
1791–1795	2,16	1,15	1,88
1796–1800	2,01	1,10	1,83
Швеция			
1778–1782	2,21	1,21	1,83
1783–1787	2,00	1,05	1,90
1788–1792	2,12	1,15	1,84
1793–1797	2,19	1,27	1,73
1798–1802	2,03	1,15	1,77

Источники [24 506, 33 36–38]

сти средней продолжительности жизни (от 20 до 30 лет) ее величина превышает 2 и даже 3. Это значит, что нетто-коэффициент воспроизводства, равный 1, обеспечивается, грубо говоря, 4,5–6,5 рожденьями в среднем на одну женщину. Даже, когда средняя продолжительность жизни несколько повышается – до 35–40 лет – цена простого воспроизводства остается выше 1,5. Об этом свидетельствует не только графическая схема, но и реальные показатели, наблюдавшиеся еще в конце XVIII в. в Западной Европе (табл. 4.4.1).

Высокая цена простого воспроизводства – свидетельство низкой экономичности воспроизводства населения. Она, в частности, говорит о том, что, несмотря на высокую рождаемость, большинство семей должны быть реально малодетными. Действительно, вопреки часто бытующим представлениям, до относительно недавнего времени многодетные семьи были большой редкостью; высокой рождаемости противостояла высокая смертность, она сильно сокращала размеры семьи.

Всегда казалось, что в прошлом население переживало демографический золотой век, семьи были многодетны, и лишь в но-

вейшие времена, в “наше время” люди испортились, что и привело к малодетности. Еще Полибий жаловался, что “люди испортились, стали тщеславны, любостыжательны и изнежены, не хотят заключать браков, а если и женятся, то не хотят вскармливать прижитых детей, разве одного-двух из числа очень многих, чтобы этим способом оставить их богатыми и воспитывать в роскоши” [14: 299–300].

Свидетельство Полибия имеет большую ценность, но с его оценкой описываемых фактов, которые он воспринимает на фоне идеализируемого прошлого, согласиться трудно. Демографу ясно, что при высокой смертности, господствовавшей до недавнего времени, вырастить одного-двух детей – не так уж мало. Ведь постоянная близость нетто-коэффициента воспроизводства к единице как раз и означает, что в среднем одна женщина оставляла после себя примерно двух взрослых детей.

Многие данные говорят о малодетности семей в прошлом (несмотря на относительно высокую рождаемость). “По материалам Инама-Штернегга, число живых детей у плативших оброк крестьян в VIII и IX вв. было в среднем 2,5 на семью... В Нюрнберге в 1449 г. на семейство приходилось 1,81 ребенка” [20: 114]. Приводя относящиеся к началу XVI в. данные о распределении 358 семей г. Ипра по числу живых детей, Б.Ц. Урланис пишет: “Оказывается, что модой (в статистическом смысле этого слова!) являлась однодетная семья, совсем как в состоятельных кругах в современной Франции” [20: 218–219]. В средневековых городах, по которым имеются кое-какие данные, – Франкфурте, Базеле, Кельне, Ростоке, Нюрнберге, Фрейбурге, Ипре – на семью приходилось 1–2 ребенка. Как полагает приводящий эти данные И.М. Кулишер, городская семья просто не могла прокормить более двух детей [5: 172, 174]. По данным более поздних исследований, среднее число живых детей в семье в 100 приходах Англии в 1574–1821 гг. составляло 2,03, в Илинге (Мидлсекс, Англия) в 1599 г. – 1,64, в Бристоле (Колониальная Америка) в 1689 г. – 3,07, в одном из районов Японии в 1713 г. – 1,96, в Белграде в 1733–1734 гг. – 1,57, в Лонгенес (Па-Де-Кале, Франция) в 1778 г. – 2,36 [38: 83].

О малодетности семьи в прошлом, даже в XVIII в., когда появились первые признаки снижения смертности, говорят не только результаты ретроспективных историко-демографических исследований, но и прямые свидетельства современников. Так, шведский статистик XVIII в. П.-В. Варгентин утверждал, что римский закон, дававший привилегии родителям трех взрослых детей, был бы применим лишь к немногим жителям Швеции [15: 176]. Ф. Кенэ, производя расчеты, касающиеся населения Фран-

**Изменение среднего размера семьи и цены простого воспроизводства
в Англии и Уэльсе в XIX в.**

Год	Средний размер семьи	Цена простого воспроизводства	Год	Средний размер семьи	Цена простого воспроизводства
1801	4,60	...	1861	4,38	1,61
1811	4,64	...	1871	4,40	1,62
1821	4,72	..	1881	4,54	1,45
1831	4,68	..	1891	4,60	1,47
1851	4,73	..	1901	4,49	1,40

Источники [39 138 33 36–39]

ции, писал: “Основываясь на ходе воспроизводства населения, можно считать, что каждая пара, состоящая из мужчины и женщины, имела бы по крайней мере двух детей, которые достигли бы брачного возраста, и несколько детей, умерших до наступления его” [3: 146–147]. По данным автора XVIII в. М. Мессанса, из более чем 22 тысяч обследованных семей в округах Овернь, Лион и Руан лишь 3,6% имели 6 и более детей [15: 229].

Лишь в XIX в., в связи с начавшимся снижением цены простого воспроизводства (до того как получило широкое распространение внутрисемейное регулирование рождаемости) появилась тенденция к росту выживающих детей в семье и к некоторому увеличению ее среднего размера. Но, насколько можно судить по имеющимся данным, эта тенденция только слабо наметилась в первой половине XIX в., а затем сменилась противоположной тенденцией. В Англии, например, как видно из табл. 4.4.2, во второй половине XIX в. средний размер семьи уже уменьшался.

Можно думать, что наметившийся в первой половине прошлого века рост среднего размера семьи (который был отражением роста экономичности воспроизводства) был одним из главных побудительных мотивов распространения сознательного ограничения супругами числа рождений, что, в свою очередь, вело к уменьшению размера семьи. Правда, динамика величины семьи может отражать не только демографические процессы, но и происходивший под влиянием различных социальных изменений переход от сложной семьи к простой, ее нуклеаризацию.

Однако сходную динамику обнаруживает и нетто-коэффициент воспроизводства населения, на который нуклеаризация семьи не оказывает непосредственного влияния. Как следует из рис. 10, нетто-коэффициент воспроизводства населения Швеции на про-

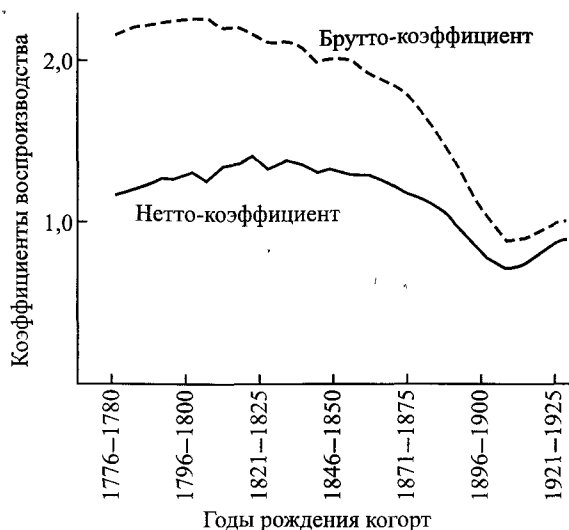


Рис. 10. Динамика брутто- и нетто-коэффициента воспроизводства для женских когорт Швеции

Источник: [33. 41]

тяжении XIX в. сначала имел тенденцию к повышению, которая затем сменилась противоположной тенденцией. По существу, рис. 10 свидетельствует о том же явлении для Швеции, что и табл. 4.4.2 для Англии и Уэльса, потому что за изменениями нетто-коэффициента обязательно должны стоять аналогичные изменения среднего числа выживающих детей в семье.

Прогрессирующее снижение смертности вело к очень быстрому снижению цены простого воспроизводства, к подлинному перевороту в экономичности демографического воспроизводства. За полтора-два столетия она выросла в два раза и более. Высокая экономичность – одна из самых замечательных черт рационального типа воспроизводства населения.

Во всех странах, в которых установился современный тип воспроизводства населения, цена простого воспроизводства близка к 1 (табл. 4.4.3). Иначе говоря, она в 2–3 раза ниже, чем во времена господства традиционного типа воспроизводства населения в его классическом виде. Даже по сравнению с тем, что наблюдалось в Западной Европе всего два столетия назад (см. табл. 4.4.1), когда традиционный тип воспроизводства уже начал изживать себя, цена простого воспроизводства уменьшилась не менее чем в полтора-два раза. Но близость этого показателя к 1 свидетельствует не только об очень быстром росте экономичности воспроизводства, но и о том, что возможности ее дальнейшего

**Цена простого воспроизводства в некоторых странах
в 1965–1969 гг.**

Страна	Коэффициенты воспроизводства		Цена простого воспроизводства	Страна	Коэффициенты воспроизводства		Цена простого воспроизводства
	брутто	нетто			брутто	нетто	
СССР*	1,17	1,11	1,054	Англия и Уэльс	1,28	1,25	1,024
Венгрия	0,94	0,89	1,056	Франция	1,30	1,27	1,024
Чехословакия	1,14	1,11	1,027	Швеция	1,08	1,06	1,019
США	1,22	1,19	1,025	Япония**	1,08	1,05	1,029

* 1968–1969 гг. ** 1967 г.

Источники: [2: 87; 43: 380–387].

повышения практически исчерпаны. Возможно, конечно, еще некоторое снижение цены простого воспроизводства – теоретически до 1, но это не внесет уже принципиальных изменений в экономичность воспроизводства населения. Поэтому можно сказать, что современный тип воспроизводства не просто более экономичен, чем любой предшествующий, он – самый экономичный из всех возможных (во всяком случае, до тех пор, пока воспроизводство населения сохраняет основные черты естественного процесса размножения, свойственные человеку как биологическому виду). Благодаря изменившейся экономичности процесса воспроизводства сейчас в среднем рождение 200–250 детей в расчете на каждые 100 женщин какого-либо поколения обеспечивает тот же демографический результат, тот же уровень непрерывного возобновления поколений, который на протяжении большей части человеческой истории обеспечивало рождение 400–600 детей.

4.5. РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

Под индивидуальным жизненным циклом мы понимаем последовательное размещение типичных событий биографии человека на протяжении всей его жизни от рождения до смерти. Конечно, человеческую жизнь лишь условно можно рассматривать как цикл, как замкнутый кругооборот (библейское “возвратишься в землю, из которой ты взят”). Выражение “жизненный цикл”

употребляется здесь для того, чтобы подчеркнуть неизбежную повторяемость определенных событий в жизни каждого человека из поколения в поколение. Естественную основу такой повторяемости составляют физиологические возрастные изменения (все люди в определенном возрасте переживают, скажем, период полового созревания, период старения и т.п.), но на эту основу накладывается ряд этапов социальной биографии каждого человека, характерных для того или иного общества (скажем, период получения образования, период трудовой деятельности и пр.).

Среди существенных событий, составляющих обязательную часть индивидуального жизненного цикла (обязательную для “среднего” человека, из общего правила всегда могут быть исключения), важное место принадлежит тем из них, которые связаны с продолжением рода и образуют демографический цикл человеческой жизни (вступление в брак, рождение детей и т.д.). При желании, в этом цикле можно усмотреть действительный кругооборот, который описывает жизнь каждого отдельного человека с момента его собственного рождения до появления на свет его детей.

У животных, особенно у низших, жизненный цикл почти или точно совпадает с воспроизводительным, прекратив давать потомство, они очень быстро завершают свой жизненный круг и погибают. Современный человек живет много лет после того, как прекращает выполнение своих демографических функций. Так, однако, было не всегда, эти “свободные” годы – ценнейший выигрыш, который несет человечеству его историческое развитие.

Человек никогда не имел, не имеет и, вероятно, не будет иметь в обозримом будущем абсолютной власти над своим биологическим бытием. Индивидуальная жизнь конечна, непрерывность существования человеческого вида предполагает постоянное угасание одних жизней и появление других. В основе этого непрерывного чередования рождений и смертей, всего процесса человеческого размножения лежат фундаментальные законы природы, которые человеку не дано изменить. Но люди могут познать эти законы и, благодаря этому, рационализировать свои отношения с природой. Подчиняясь естественной необходимости, они могут тем не менее выполнять вытекающие из нее требования “с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей” [9: 387].

Такую рационализацию и несет, в частности, демографическая революция, переход к современному типу воспроизводства населения.

При воспроизводстве населения традиционного типа у людей, как и у животных, жизненный цикл почти совпадал с демографическим циклом. Люди вступали в брак и начинали рожать очень

рано, заканчивали очень поздно и жили после этого недолго. Демографические события играли огромную роль в их жизни, смерти и рождения были ее постоянными частыми спутниками, теснейшим образом переплетались со всеми остальными сторонами их существования. Воспроизводство населения так же, как и материальное производство, принадлежит к области необходимости, диктуется “внешней целесообразностью”, и там, где оно занимает слишком много места в жизни человека, оно служит одним из главных препятствий расширению области свободы. Так и было при господстве традиционного типа воспроизводства населения.

Уже переворот в смертности резко меняет ситуацию. Он позволяет продлить время индивидуальной жизни “среднего” (а не исключительного) человека далеко за те пределы, которых требует минимальный “запас прочности”, необходимый для того, чтобы человечество не вымерло. Только благодаря этому люди получают огромную массу дополнительного “свободного” (свободного от забот, связанных с продолжением рода) времени. Но одновременно снижение смертности открыло путь перевороту в рождаемости, который повлек за собой полную перестройку индивидуального демографического цикла, сокращение его места во всем жизненном цикле, а значит, сужение области необходимости и расширение области свободы, области “развития человеческих сил, которое является самоцелью” [9: 387].

Ж. Фурастье дал сжатое описание тех изменений, которые произошли в жизненном цикле среднего западноевропейца между концом XVII и серединой XX в. в результате совершившихся за это время кардинальных демографических сдвигов. “В конце XVII в. жизнь среднего отца семейства, женившегося первый раз в 27 лет, можно было схематически представить следующим образом: он родился в семье, в которой всего было пятеро детей, но из них лишь половина дожила до 15 лет. Как и у его отца, у него самого было пятеро детей, из которых только двое или трое были живы к моменту его смерти” [28: 418] Этот человек доживал до 52 лет – возраст по тем временам весьма почтенный. К моменту его смерти уже не было в живых ни одного из его бабушек и дедушек (трое из них умерли еще до его рождения), обоих его родителей и троих из его детей. В наше время такой “средний” человек родится в семье, в которой всего трое детей, женится в 26 лет на 24-летней девушке и также имеет двоих-троих детей. Достигнув 50 лет, он имеет один шанс из двух прожить еще более 26 лет; 70–75-летний человек в наше время – обычное явление, тогда как прежде “старость была завершением необыкновенного жизненного пути; преодолев тысячи опасностей, “обманув смерть”, окруженный целой плеядой детей, внуков и племянников, старик считался и сам себя считал “мудре-

**Возраст женщины к моменту рождения последнего ребенка
(северо-запад Франции, браки, заключенные между 1670 и 1769 гг.)**

Возраст вступления в брак	Возраст в годах		Медианный интервал между вступлением в брак и первым рождением в годах
	средний	медианный	
До 20 лет	38,7	39,0	1,40
20–24 года	39,6	40,6	1,06
25–29 лет	39,7	40,9	1,01

Источник: [32: 899, 909, 911].

цом”, обладателем магической силы...” [28: 419]. В прошлом в одном случае из двух дети умирали раньше своего отца, половина оставшихся теряла своего отца, не достигнув совершеннолетия. Средний возраст детей к моменту смерти одного из родителей составлял 14 лет. Ныне возраст “среднего” сына к моменту смерти отца приближается к 55–60 годам. Прежде родители умирали, как правило, до того, как их младшие дети заканчивали образование. Теперь нормальная супружеская пара на 15–20 лет переживает брак младшего из своих детей [28: 418–419].

Изменения в индивидуальном демографическом цикле принесли много нового “отцу семейства”, мужчине, но совершенно исключительным и по глубине, и по важности последствий было их влияние на жизнь женщины.

Чтобы обеспечить то высокое число рождений, которого требует традиционный тип воспроизводства населения, женщина должна посвятить вынашиванию, рождению, выкармливанию и вынянчиванию детей все время, прожитое в браке до конца репродуктивного периода ее жизни. Так и было в действительности во всем мире до начала перехода к современному типу воспроизводства населения. Благодаря историко-демографическим исследованиям последних десятилетий можно представить себе, как складывалась “репродуктивная жизнь” женщины в Западной Европе накануне демографической революции. Приведем для иллюстрации данные, относящиеся к Франции второй половины XVII в. – первой половины XVIII в. (табл. 4.5.1).

Женщина, вступавшая в брак до 20-летнего возраста и рождавшая первого ребенка менее чем через полтора года после свадьбы, продолжала рожать детей до 39 лет. Иначе говоря, ее репродуктивная деятельность длилась примерно 19–20 лет. Правда, как мы

Таблица 4.5.2

Средние интервалы между рожденьями у женщин в возрасте до 30 лет
(в годах) (браки, заключенные между 1670 и 1769 гг.)

Возраст вступления в брак	Северо-западная часть Франции	Юго-западная часть Франции
До 20 лет	2,47	2,98
20–24 года	2,33	2,68
25–29 лет	2,11	2,27

Источник: [32: 911].

видели ранее, в Западной Европе в это время преобладала поздняя брачность, что сокращало время фактической “репродуктивной жизни” женщины. Но классический традиционный тип воспроизводства не знает “европейской” брачности. В дореволюционной России, например, почти всеобщей была ранняя брачность, а средний возраст при рождении последнего ребенка, насколько об этом позволяют судить результаты ретроспективного выборочного обследования, был таким же, как во Франции в XVII–XVIII в.: у поколений женщин, родившихся в 1885–1889 гг., – 39,1 года, у поколений, родившихся в 1890–1894 гг., – 38,4 года [18: 108]. В современной Индии, по данным одного из обследований, медианный возраст женщины при рождении первого ребенка – 18,2 года, при рождении последнего – 37 лет [47: 363]. Таким образом, и здесь период, в течение которого женщина рождает детей (если ей, конечно, удастся не умереть и не овдоветь за это время), продолжается около 19 лет.

Было бы большой ошибкой думать, что на протяжении 15 или 20 лет между появлением на свет первого и последнего ребенка женщина могла позволить себе большие перерывы между рожденьями. До тех пор пока она сохраняла свою естественную плодовитость, рождения, а тем более беременности следовали одна за другой почти непрерывно. У знаменитого своей исключительно высокой рождаемостью французского населения Канады в начале XVIII в. интервалы между первыми несколькими рожденьями в среднем не достигали и двух лет [30: 85]. Но и в самой Франции, где рождаемость была несколько ниже, интервалы между рожденьями у женщин более молодых возрастов колебались в пределах от 2 до 3 лет (табл. 4.5.2).

Как правило, интервалы между рожденьями увеличивались по мере перехода к рожденьям более высоких порядков. Но, как свидетельствуют материалы по Франции, даже самые последние интервалы обычно если и превышали 3 года, то лишь незначительно (табл. 4.5.3).

**Интервалы между последовательными рождениями
в различных приходах Франции в XVII–XVIII вв.
(в годах)**

Приходы	Интервалы					
	между рождениями			пред- пред- послед- ний	пред- послед- ний	послед- ний
	первым и вто- рым	вторым и тре- тьим	треть- им и четвер- тым			
Билер (браки 1740–1779 гг.)	1,98	2,27	2,50	2,59	2,62	3,18
Тезель-Сен-Сернен (браки 1700–1792 гг.)	2,12	2,50	2,68	2,72	2,81	3,19
Крюле (браки 1674–1742 гг.)	1,72	2,11	2,27	2,39	2,57	2,75
Три деревни Иль-де-Франс (браки 1740–1799 гг.)	1,65	1,95	1,94	2,25	2,43	2,93
Сэнгэн-ан-Мелантуа (браки до 1770 г.)	1,76	1,82	2,01	2,23	2,50	3,17
Сотвиль-де-Руан (браки 1760–1792 гг.)	1,60	1,83	–	1,98	2,27	2,50
<i>Источник.</i> [29 175]						

Как видим, интервалы между рождениями достаточно малы. Но к этому надо добавить некоторое (вероятно, немалое) число выкидышей и мертворождений, не поддающихся учету при анализе приходских книг (из них черпается приведенная выше информация), так что общее число беременностей окажется большим, чем число рождений живых детей, а интервалы между ними – соответственно меньшими. Практически вся жизнь замужней женщины была отдана производству потомства, при этом смерть детей, как правило, сводила на нет значительную часть ее усилий. Продолжение рода было священной обязанностью женщины, ее важнейшей социальной функцией, но в то же время оно было тяжким и неблагодарным трудом, которому женщина отдавала лучшие годы своей жизни, а нередко и саму жизнь.

Никакой прогресс не может, вероятно, освободить людей от забот о продолжении рода, женщину – от ее материнских обязан-

ностей. Но переход к рациональному типу воспроизводства населения позволяет безболезненно сократить – и очень значительно – ту часть жизни женщины, которую она неизбежно должна посвятить выполнению этих обязанностей. При этом женщина получает возможность выбрать тот период своей семейной жизни, когда выполнение материнских обязанностей для нее наиболее удобно.

Воздействие на рождаемость путем изменения норм брачности, которое развивается на ранних стадиях демографического перехода, позволяет сократить продолжительность периода репродуктивной деятельности женщины, но не позволяет свободно выбирать время рождения детей. Более того, оно неизбежно ведет к концентрации рождений в относительно старших возрастах, когда естественная плодовитость женщины уже идет на убыль. Это – одно из свидетельств внутренней противоречивости воздействия на рождаемость через брачность в новых условиях, его неадекватности этим условиям и в конечном счете ограниченности самого этого метода демографического регулирования.

Наоборот, переворот в рождаемости, связанный с переходом к ее внутрисемейному регулированию, открывает возможности контроля над “календарем” рождений. Теоретически этот контроль может проявляться в значительном увеличении интервалов между вступлением в брак и рождением первого ребенка, а также между рожденьями, но практически основным оказывается другой путь – сокращение периода репродуктивной деятельности за счет более раннего ее завершения. Это обнаружилось уже у тех групп населения, которые первыми перешли к прямому контролю над своим репродуктивным поведением. В то время как у большинства населения Франции в XVII–XVIII вв. средний возраст женщины при рождении последнего ребенка приближался к 38–40 годам, у французских герцогов и пэров во второй половине XVII в. рождение детей заканчивалось в среднем к 31,2 года [41: 821], у женеvской буржуазии – к 34,3 года [31: 89].

По мере распространения современного типа рождаемости распространялось и ее омоложение. О нем можно, в частности, судить по доле рождений у женщин различных возрастов в суммарной рождаемости. Во Франции в последнем десятилетии прошлого века на долю женщин в возрасте до 25 лет приходилось 26,2%, в возрасте 25–29 лет – 29,3%, в возрасте 30 лет и старше – 44,4% суммарной рождаемости [19: табл. 5]. В других странах, как и следовало ожидать, положение было несколько иным, но оно быстро менялось (табл. 4.5.4).

На примере Швеции мы видим, как начиная с конца XIX в. нарастала доля младших репродуктивных возрастов в суммарной рождаемости. А это и значит, что все большее число женщин за-

Таблица 4.5.4

**Доля рождений у женщин разных возрастов
в суммарной рождаемости женщин Швеции (в процентах)**

Период	До 25 лет	25–29 лет	30 лет и старше
1891–1895	14,6	23,6	61,8
1896–1900	16,1	24,1	59,8
1901–1905	17,3	24,7	58,0
1906–1910	18,8	24,9	56,3
1911–1915	20,1	24,7	55,2
1916–1925	21,6	25,4	53,0
1926–1935	25,3	26,1	48,6

Источники: [35: 123; 25: 83].

Таблица 4.5.5

**Медианный возраст женщин США на различных стадиях
жизненного цикла (в годах)**

	Годы рождения женщин				
	до 1886 (квакеры)	1880– 1889	1900– 1909	1920 –1929	1930– 1939
Первый брак	20,5	21,6	21,1	20,8	19,9
Рождение первого ребенка	...	22,9	22,6	23,0	21,5
Рождение последнего ребенка	37,9	32,9	30,4	30 – 31	...
Брак последнего ребенка	60,2	56,2	51,9	51,5 – 52,5

Источники: [48: 281, 27: 294].

канчивали свою репродуктивную деятельность в относительно раннем возрасте. Сейчас, как правило, в экономически развитых странах на долю младших женских возрастов (до 25 лет) приходится не менее трети суммарной рождаемости, на долю женщин в возрасте 30 лет и старше – не более трети. В некоторых странах (например, в США) доля младших возрастов в суммарной рождаемости еще значительнее. По США имеются данные, которые дают представление о тенденциях изменений в индивидуальном жизненном цикле женщины (табл. 4.5.5).

Сходные тенденции наблюдаются и во всех других странах, в которых совершился переход к новому типу воспроизводства населения. В частности, в СССР доля женщин в возрасте до 25 лет

в суммарной рождаемости увеличилась с 1926–1927 по 1972–1973 гг. с 27,4% до 42,1%, а в возрасте до 30 лет – с 52,2% до 70,0% [2: 87; 18: 107]. Возраст женщины при рождении последнего ребенка также неуклонно снижался. Как уже отмечалось, по данным выборочного обследования у поколений женщин, родившихся в 1885–1889 гг., он составлял 39,1 года, в том числе в городах – 36,5 года, в сельской местности – 39,9 года. У поколений же, родившихся в 1905–1909 гг. и достигших 20-летнего возраста в 1925–1929 гг., средний возраст женщины при рождении последнего ребенка равнялся 34,2 года, в том числе в городах – 32,7 года, в сельской местности – 34,6 года [18: 108].

Общая линия развития, таким образом, заключается в том, что демографический цикл занимает все меньшее и меньшее место во всем жизненном цикле женщины, причем благодаря перелому в экономичности воспроизводства, описанному в предыдущем параграфе, это не ставит под угрозу продолжение человеческого рода. Время жизни женщины может теперь использоваться совершенно иначе, она получает объективную возможность участвовать в общественном производстве и общественной деятельности, без чего ее равноправие с мужчиной остается только утопическим пожеланием.

Демографические основания традиционного неравноправия мужчины и женщины вообще недооцениваются. Ни у животных, ни у первобытного человека нет неравенства полов. Оно возникает в процессе исторического развития, которое в целом есть движение вперед, а не назад. Не женщина была низведена до положения, более низкого, чем она занимала в первобытной общине, а мужчина возвысился до нового статуса, связанного с расширением его экономических и социальных функций. Овладевая все более совершенными методами производства, мужская половина человечества расширяла свою власть над природой, создавала материальные предпосылки для дальнейшего развития, двигала общественный прогресс. Само активное участие мужчины в этом историческом процессе создавало условия для развития его личности. Но “производство самого человека”, бывшее обязанностью женщины, не поддавалось усовершенствованию, для нее область свободы, область развития личности практически не расширялась. Женщина объективно не могла стать равноправным участником исторического процесса, была обречена на роль несамостоятельного спутника мужчины, превращена в слугу мужа, “в рабу его желаний, в простое орудие деторождения” [22: 60]. На определенном историческом этапе женщина “отстала” от мужчины, произошло то “всемирно-историческое поражение женского пола”, о котором писал Ф. Энгельс [22: 60]. В утверждении гос-

подства мужчины над женщиной он видел “революцию – одну из самых радикальных, пережитых человечеством” [22: 59].

Наше время – эпоха всемирно-исторического освобождения женского пола, восстановления равноправия мужчины и женщины. Множество экономических, социальных, культурных, политических и прочих изменений слились в одном мощном процессе раскрепощения женщины, коренного изменения ее роли в семье и в обществе, завоевания ею полного и подлинного равноправия. Однако это не возврат к равноправию наших далеких предков соответствовавшим условиям их полуживотного существования. Новое равноправие развивается на основе преобразованных тысячелетним развитием материальных и социальных условий жизни людей. Многие из них хорошо известны – например, современное общественно организованное производство, открывающее возможность для массового труда женщины вне домашнего очага. Но о бесшумных, кардинальных изменениях в демографической сфере часто забывают. Это несправедливо. Разве может стать свободной и равноправной женщина, вынужденная (вынужденная объективно!) отдать 20 лет своей сознательной жизни беременностям, родам, кормлению грудью и т.п.? Демографическая революция коренным образом меняет весь жизненный цикл женщины, а тем самым создает важнейшие материальные условия ее полного и окончательного социального освобождения.

4.6. КРАТКИЕ ВЫВОДЫ

Воспроизводство населения рассматривается в этой книге как диалектическое единство двух полярно противоположных процессов: смертности и рождаемости. В соответствии с таким подходом охарактеризованные ранее перевороты в смертности и рождаемости могут рассматриваться как две стороны единого переворота в воспроизводстве населения, приводящего к смене его исторического типа – демографической революции. Демографической революции предшествует период кризиса старой системы демографических отношений и медленного созревания элементов новой их системы. На протяжении этого промежуточного периода объективная необходимость побуждает, выражаясь словами К. Маркса, “находить лазейки для того, чтобы в рамках традиции ломать традицию” [1: 111], но смена типа воспроизводства, уничтожение “рамок традиции” совершается только в результате демографической революции. Весь период, включающий в себя как демографическую революцию, так и предшествующие ей подготовительные стадии, представляет собой период демографического перехода.

Неравномерность перестройки рождаемости и смертности в процессе демографического перехода, особенно на его революционной стадии, ведет к очень важному количественному результату – демографическому взрыву. Демографический взрыв, его продолжительность и “мощность” – следствие не демографической революции как таковой, а тех конкретных условий, в которых она протекает в различных странах и районах мира. Он приводит к огромному и очень быстрому увеличению численности населения земного шара. Увеличение темпов роста населения отдельных стран и всего мира – явление временное, с завершением демографической революции демографический взрыв прекращается.

Главное в демографической революции – это глубокие качественные изменения всей системы демографического регулирования, а потому и самого демографического процесса. Во второй и третьей главах были рассмотрены те из них, которые связаны либо только с рождаемостью, либо только со смертностью. Но некоторые изменения могут быть осознаны лишь при анализе воспроизводства населения в целом. Подчеркнем важнейшие из них:

- демографическое старение – сокращение доли младших и повышение доли старших возрастных групп в населении в результате установления новых соотношений между рождаемостью и смертностью при сохранении примерно тех же, что и раньше, темпов роста населения;

- повышение управляемости демографического процесса – резкое ограничение стихийных, неконтролируемых сил, их влияния на воспроизводство населения;

- повышение устойчивости демографического процесса – сокращение частоты и размаха подъемов и спадов рождаемости и смертности и переход к гораздо более плавной и равномерной динамике численности населения;

- повышение экономичности воспроизводства населения – сокращение числа рождений, необходимого для достижения того же демографического результата, который прежде обеспечивался только при почти полном использовании реальной плодовитости женщины;

- рационализация индивидуального жизненного цикла – сокращение той части человеческой жизни, которая обязательно должна быть отдана производству потомства, и огромное расширение свободного времени, которое в принципе может быть использовано для развития человеческой личности. Это особенно важно для женщины, ибо для нее такая рационализация играет роль одной из важнейших материальных предпосылок завоевания подлинного равноправия с мужчиной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

“Знать, понимать, оценивать, изменять” так определял задачи демографической науки А. Ландри [1: 10], так понимаем их и мы. Но успешность выполнения этих задач в очень большой мере зависит от общего концептуального взгляда на демографический процесс.

Идет ли речь обо всем мире или об отдельных странах, современная демографическая ситуация характеризуется огромной пестротой. Очень высокие уровни рождаемости и смертности соседствуют с очень низкими, стремительный рост населения – с очень медленным, общепринятость внутрисемейного регулирования рождаемости с его почти полным неприятием и т.п. Демографическое поведение горожан отличается от демографического поведения сельских жителей, рабочие ведут себя не так, как служащие, индийцы – не так, как японцы, христиане – не так, как мусульмане, католики – не так, как протестанты, – этот перечень можно продолжать до бесконечности. Чем объяснить все эти различия и как следует относиться к ним? Наблюдая различные формы демографического сознания и демографического поведения, вправе ли мы отдать предпочтение какой-либо одной из них? И если да, то какой? Наконец, можно ли повлиять на демографическое развитие той или иной страны, той или иной части населения, побудить его к движению в желаемом направлении?

Наш анализ был направлен на развитие такого концептуального объяснения демографической истории человечества, при котором последняя рассматривается как всеобщий объективный процесс восхождения от низшего к высшему. В главных чертах путь демографической эволюции для всех народов и для всех слоев населения в конечном счете один. Наблюдающиеся в настоящее время различия отражают – в основном и прежде всего – прохождение отдельных частей населения через различные стадии единой демографической эволюции, что

вытекает, разумеется, из пребывания их на различных этапах социально-экономического или культурного развития. Следовательно, демографические различия – это прежде всего различия исторические.

Сосуществующие во времени типы демографического сознания и демографического поведения связаны с определенными экономическими и социальными условиями, представляют собой часть определенной культуры, и никто не вправе сказать, что одни из них “хуже”, а другие – “лучше”, никто не вправе навязывать кому-либо свое понимание демографического идеала. И тем не менее динамически эти типы не равноценны, одни из них принадлежат прошлому, другие – будущему, одни обречены на отмирание, другие будут развиваться и укрепляться. Следовательно, далеко не во всяком направлении можно воздействовать на демографическое развитие с целью его изменения, поддержка отживших демографических типов не может быть успешной и едва ли может быть желательной. Если и удалось бы ценой больших усилий на какое-то время задержать демографическое развитие, это не вызвало бы ничего, кроме болезненных осложнений в социальном организме, о каком бы обществе ни шла речь. И наоборот, поддержка прогрессивных, “высших” типов демографического сознания и демографического поведения, объективные условия для которых уже наступили, может ускорить демографическое развитие, а тем самым и все социально-экономическое развитие.

Прогрессивность более высоких демографических форм неразрывно связана с прогрессивностью более высоких этапов социально-экономического развития. Эта связь двусторонняя. На протяжении всей книги мы старались показать, что демографические сдвиги всегда были естественной реакцией на изменения экономических и социальных условий жизни общества, следствием этих изменений. Но в то же время и демографические сдвиги выступали в качестве важнейшей предпосылки коренных социально-экономических перемен, оказывали и свое революционизирующее влияние на общественное развитие.

Таково, в частности, и влияние современной демографической революции. Ее историческое значение заключается в том, что, заменив один тип воспроизводства населения другим, она привела демографическое воспроизводство в соответствие с новыми техническими, экономическими и социальными условиями, которые оказались так же несовместимыми с традиционным типом воспроизводства населения, как, скажем, с системой натурального хозяйства.

Развитие материальных производительных сил, лежащее в основе всего исторического развития вообще, затрагивало прежде всего экономику производства вещей: совершенствовались орудия производства, расширялся круг включаемых в экономический оборот природных богатств, улучшались методы обработки земли и т.п. Но главная производительная сила общества – люди. Дважды на протяжении истории перевороты в материальных условиях производства затронули и “экономику” производства людей, что несомненно способствовало тому, что эти перевороты приобрели особенно грандиозные масштабы.

Добавление 2005 года

30 лет назад, когда писалась эта работа, ее автору, как и всем советским обществоведам, приходилось серьезно считаться с опасностью идеологических обвинений. Они могли быть адресованы как самому автору, так и защищаемой им научной концепции, что, по тогдашним понятиям, могло надолго блокировать ее распространение и использование в Советском Союзе. Одной из главных идеологических ересей тех лет считалась “теория конвергенции”, которая указывала на сходство основных тенденций развития в СССР и в западных странах, тогда как надлежало всячески подчеркивать абсолютную непохожесть “двух систем”, их принципиальное различие и безусловное превосходство “социализма” над капитализмом.

Теория демографического перехода, настаивающая на универсальном, общемировом характере нынешних демографических изменений, была в этом смысле, конечно, “еретической”, “буржуазной”, и не удивительно, что она была фактически неизвестна в СССР, ее огромное методологическое богатство практически не использовалось в советской демографии. Еще в книге, изданной в 1970 г., лишь глухо и неопределенно упоминалось о “так называемой теории транзисторной динамики народонаселения” [4: 55], хотя автор книги и признавал, что демографическая ситуация в развивающихся странах “несомненно представляет временную стадию перехода от характерного для колониальной эпохи типа воспроизводства населения с высокой рождаемостью и высокой смертностью к господствующему в индустриальных государствах типу с низкой рождаемостью и низкой смертностью” [4: 62]. И только в 1971 г. был опубликован сделанный за три года до этого на международной конференции в Варне доклад А.Я. Кваши, где была сделана попытка в явном виде приме-

нить теорию демографического перехода к анализу этапов демографического развития СССР [5: 77–87].

Ситуация в СССР и в самом деле давала все основания для применения теории демографического перехода, который происходил буквально на глазах у исследователей, все с большей убедительностью подтверждая правильность теории, ее аналитические и прогностические возможности. Тем не менее, появление моей статьи [3], в которой я попытался сформулировать и поддержать основные идеи теории, вызвало, если пользоваться стандартным клише, “неоднозначную реакцию”. Статья увидела свет в престижном и в то же время “идеологически надежном” журнале “Вопросы философии” и привлекла заметное внимание. Вскоре она была опубликована в переводе на английский и французский языки в изданном в Москве сборнике статей советских демографов [8; 9], дважды издавалась в Германии – в ГДР и в ФРГ [10; 11]. Во французском журнале “La Pensée” появилась рецензия на франкоязычный сборник, автор которой выделял эту статью как “наиболее интересную” и видел заслугу автора в том, что его подход позволяет “избежать эмпиризма и освободить понятие перехода от идеологической нагрузки – первый шаг к его конституированию как научной концепции” [7: 141–142].

Надо сказать, что все упомянутые издания позиционировали себя как марксистские, и по тем временам это было важно, с точки зрения возможностей дальнейшего использования методологии, вытекавшей из теории перехода, в советских демографических исследованиях, освобождения их от поверхностного описательства и приближения к пониманию реальности, от которого тогда они были довольно далеки.

Однако сами демографы были более бдительны. «Нетрудно увидеть, – писал один из них, – тесную связь “теории демографического перехода” и подобных ей концепций, игнорирующих самое главное содержание исторического развития – смену общественных формаций, с теорией индустриального общества и другими нынешними конструкциями буржуазной общественной науки. Их пропагандисты широко используют в своей аргументации сходство изменений основных демографических показателей в СССР и в развитых капиталистических странах... Чтобы правильно понять демографическую ситуацию в социалистических странах, вместо полумистического обязательного для всех закона “перехода” надо обратиться к конкретному анализу общественных условий... Такой анализ ставит... под сомнение сохранение упомянутого сходства по мере продвижения к коммунизму» [2: 67–68].

К моменту публикации моей книги упреки подобного рода участились и могли поставить под вопрос само ее издание, не го-

воря уже о ее дальнейшей судьбе. Поэтому приходилось идти на компромисс и указывать в разных местах книги на “принципиальные различия” в том, как реализуются универсальные закономерности демографического перехода при капитализме и социализме. В настоящем издании все подобные оговорки сняты, и читатель этого даже не заметит, они всегда были искусственным добавлением к уже готовому тексту.

Другим орудием защиты от обвинений в отсутствии “классового” и “формационного” подходов было обильное цитирование классиков марксизма. В Советском Союзе, где исповедовался обязательный, казенный марксизм, использование таких цитат было необходимым атрибутом любой обществоведческой работы, свидетельством ее идеологической благонадежности. Не была исключением и “Демографическая революция”. Разумеется, если бы я писал ее сегодня, таких цитат было бы меньше.

Однако это не значит, что приведенные в работе цитаты лишены содержательного (а не декоративного) смысла или что в глубине души я был не согласен с тем, что цитировал. Отнюдь нет. Поэтому почти все цитаты остались на своих местах, и сегодняшний читатель сам прекрасно сможет оценить уместность или неуместность их использования.

Сейчас былые страсти поутихли, и, казалось бы, упреки в признании «полумистического обязательного для всех закона “перехода”», равно как и призывы “обратиться к конкретному анализу общественных условий” вместо того, чтобы “теоретизировать”, развивая обобщенный, концептуальный взгляд на общемировые процессы, остался в советском прошлом. Эмпирическое знание, конечно, очень важно, но научный взгляд появляется тогда, когда начинается обобщение эмпирики, которое и содержалось в развивавшейся на протяжении всего XX в. теории демографического перехода. Скажем, в СССР были довольно хорошо изучены этнические различия в рождаемости. Однако простая констатация факта низкой рождаемости у народов европейской части страны и высокой рождаемости у народов Средней Азии или Закавказья сама по себе ничего не объясняла и не позволяла ничего предсказывать. А теория перехода позволяла делать и то, и другое, поскольку она исходит из того, что главные демографические различия *на этой стадии развития* – не географические, не этнические, не религиозные, а исторические, т.е. ослабевающие и исчезающие по мере исторической эволюции.

Но, оказывается, “выбор эволюционистского взгляда” был подсказан не желанием понять общую основу происходящих во всем мире демографических изменений, а “стремлением не выпячивать различия между регионами... Каждой республике было

отведено свое, точно определенное место внутри длинного пути, соответствующего стадильному историческому развитию. Считалось, что весь Советский Союз идет в направлении одной и той же цели, и различия между республиками объясняются лишь тем фактом, что некоторые из них продвинулись дальше по этому, одному для всех, пути модернизации, а другие, например среднеазиатские регионы, в большей или меньшей степени отстали... Такие параметры, как религиозное или социальное развитие, вообще не учитывались или представлялись в виде лишь одной из многих областей подобной эволюции. Подобный подход мы встречаем и у А.Г. Вишневого, когда он обращается к проблеме демографического перехода, служащего у него концептуальной базой для изучения модернизации (Вишневский 1976). Рассматривая демографический переход как неизбежный, хотя и не везде идущий с одинаковой скоростью процесс, он помещает все республики на один и тот же путь постепенного прогресса” [1: 18]. Остается добавить намек на поклонение “теории индустриального общества и другим нынешним конструкциям буржуазной общественной науки”, и круг замыкается новыми поисками идеологической ереси, но уже с противоположным знаком.

В действительности в моей работе советским республикам отводится совсем немного места, а интерпретация демографических процессов в СССР ничем не отличается от интерпретации того, что происходило во всем мире. В ней нет никаких признаков того, что на настоящее или будущее демографических процессов, скажем, в Узбекистане, я смотрю иначе, чем на их настоящее или будущее в Индии или Алжире, или что демографический путь Украины мне представляется иным, чем демографический путь Франции, – в общих чертах, разумеется. Главный пафос книги в том и заключался, что в ней подчеркивалось отсутствие особого “социалистического” демографического пути. Почему это не нравилось советским идеологическим евнухам, понять можно. Но почему это может вызывать неодобрение в научной среде 15 лет спустя после распада СССР, понять сложнее.

Если же говорить по существу, то действительно из теории перехода вытекало, что все республики СССР как и вообще все страны, в своем демографическом развитии должны пройти одни и те же стадии – одни и те же, разумеется, не в деталях, а в смысле общего направления движения и конечного результата. Ожидать чего-либо другого было бы столь же наивно, как думать, что яблоко Ньютона, в очередной раз сорвавшись с ветки, не упадет на землю, а взлетит вверх.

О том, что происходило с бывшими советскими республиками на самом деле, позволяет судить график на рис. 11.

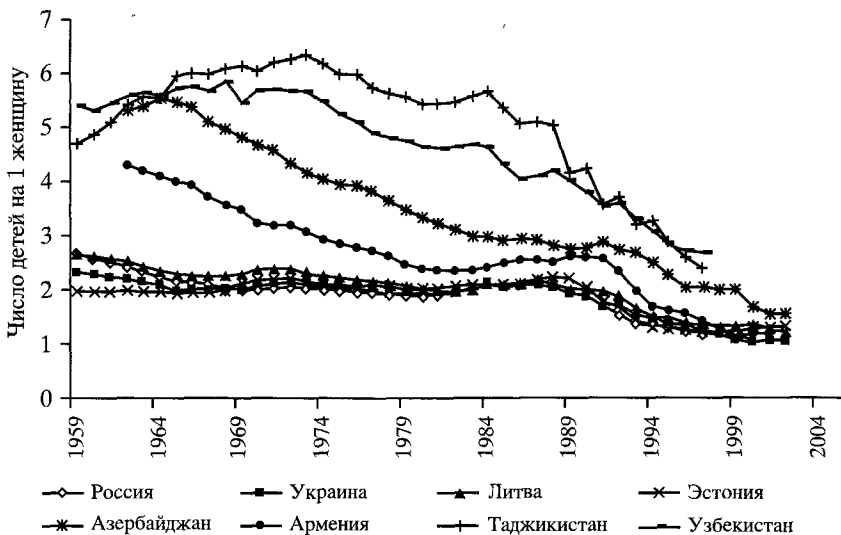


Рис. 11. Сближение коэффициентов суммарной рождаемости в некоторых бывших республиках СССР

Динамика рождаемости – главный показатель вовлечения страны в “неизбежный, хотя и не везде идущий с одинаковой скоростью процесс” демографического перехода. Он и на самом деле неизбежен, все страны, независимо от их исходного состояния, вовлекаются все больше в этот процесс буквально на наших глазах, о чем и свидетельствует график.

Чтобы ожидать чего-то иного, надо было рассчитывать либо на чудо, вроде вознесения падающего яблока, либо, как мы видели выше, на “продвижение к коммунизму”. Если же исключить и то, и другое, то остаются только сбывающиеся предсказания, вытекающие из теории демографического перехода.

ЛИТЕРАТУРА

Введение

1. *Майо Смит Р.* Статистика и социология. М, 1900.
2. *Павлик З.* Проблемы демографической революции // *Studia demograficzne.* 1970. № 22–23.
3. *Cowgill D.O.* Transition theory as general population theory // *Social demography /* Ed. by T.R. Ford et G.F. De Jong. Englewood Cliffs. N.J., 1970.

Глава 1

1. *Боярский А.Я.* Двести пятьдесят миллионов // *Новое время.* 1973. № 32.
2. *Брайант А.Т.* Зулусский народ до прихода европейцев. М., 1953.
3. *Бьерре И.* Затерянный мир Калахари. М., 1964.
4. *Вшинецкий А.Г.* Демографическая революция // *Вопросы философии.* 1973. № 2.
5. *Геодакян В.А.* О существовании обратной связи, регулирующей соотношение полов // *Проблемы кибернетики.* М., 1965. Вып. 13.
6. *Гузеватый Я.Н.* О социально-экономической обусловленности демографического развития мирового населения // *Народонаселение зарубежных стран.* М., 1974.
7. *Гузеватый Я.Н.* Общесметодологические принципы объяснения демографических процессов // *Вопросы философии,* 1974, № 9.
8. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // *Полн. собр. соч. Т. 3.* М., 1958.
9. *Ленин В.И.* Карл Маркс // *Полн. собр. соч. Т. 26.* М., 1961.
10. *Ленин В.И.* К вопросу о диалектике // *Полн. собр. соч. Т. 29.* М., 1963.
11. *Лэк Д.* Численность животных и ее регуляция в природе. М., 1957.
12. *Макфедьен Э.* Экология животных. М., 1965.
13. *Маркрян Э.С.* О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
14. *Маркс К.* Британское владычество в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9.* М., 1957.
15. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12.* М., 1958.
16. *Маркс К.* К критике политической экономии // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13.* М., 1959.
17. *Маркс К.* Капитал.
 - а. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.* М., 1961.
 - б. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1.* М., 1961.

18. *Маркс К.* Экономические рукописи 1957–1959 годов // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. 1. М., 1968.
19. Марксистско-ленинская теория народонаселения. Изд. 2-е. М., 1974.
20. *Массон В.М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Материалы и исследования по археологии СССР. № 180. Л., 1971.
21. Мировое демографическое положение в 1970 г. Исследования в области народонаселения, № 49, ООН. Н.-Й., 1972, А/49.
22. *Павлик З.* Вопросы перспективного исчисления населения в Чехословакии // Совершенствование планирования и управления народным хозяйством (к 90-летию академика С.Г. Струмилина). М., 1967.
23. *Панов Е.Н.* Организация и эволюция популяционных систем // Вопросы философии, 1973. № 11.
24. *Панов Е.Н.* Популяция и индивидуум: эволюция взаимоотношений // Природа, 1973. № 3.
25. *Уатт К.* Экология и управление природными ресурсами. М., 1971.
26. *Харрисон Дж., Уайнер Дж., Таннер Дж., Барникот Н.* Биология человека. М., 1968.
27. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
28. *Шовен Р.* От пчелы до гориллы. М., 1965.
29. *Шовен Р.* Поведение животных. М., 1972.
30. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. М., 1955.
31. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. М., 1961.
32. *Acsadi Gy., Nemeskéri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
33. *Birdsell J.B.* Some predictions for the pleistocene based on equilibrium systems among recent hunter-gatherers // Man the hunter. Chicago, 1968.
34. *Braidwood R.J., Reed C.A.* The achievement and early consequences of food production. A consideration of the archeological and natural-historical evidence // Cold Spring Harbor Symposia on quantitative biology. V. XXII. 1957.
35. *Carr-Saunders A.M.* The population problem. Oxford, 1922.
36. *Chauvin R.* Vue de démographie animale // Population, 1973. N 2.
37. *Childe G.* Man makes himself. L., 1941.
38. *Hollingsworth T.H.* Historical demography. L., 1969.
39. *Landry A.* La révolution démographique. P., 1934.
40. *Nougier L.R.* Géographie humaine préhistorique. P., 1959.
41. *Pavlik Z.* Nástin populačného vývoje světa. Praha, 1964.
42. *Reinhard M., Armengaud A.* Histoire générale de la population mondiale. P., 1961.
43. *Wynn-Edwards V.C.* Animal dispersion in relation to social behaviour. L., 1962.

Глава 2

1. *Бароян О.В.* Очерки по мировому распространению важнейших заразных болезней человека. М., 1962.
2. *Бароян О.В.* Судьба конвенционных болезней. М., 1971.
3. *Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956.
4. Вестник статистики
 - a. 1973, № 12.
 - b. 1974, № 2.

5. *Возралик Г.Ф.* Учение об эпидемических заболеваниях. Томск, 1935.
6. Воспроизводство населения СССР. Под ред. А.Г. Вишневого и А.Г. Волкова. М., 1983.
7. Вторые десять лет Всемирной организации здравоохранения. 1958–1967. ВОЗ. Женева, 1969.
8. *Давыдовский В.И.* Геронтология. М., 1966.
9. *Де Кастро Ж.* География голода. М., 1954.
10. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (Сводный том). М., 1962.
12. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969.
13. *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Т. II. М., 1931.
14. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М., 1957.
15. *Маркс К.* Капитал. Т. I // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. М., 1961.
16. Народное хозяйство СССР
 - a. Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966.
 - b. Народное хозяйство СССР. 1922–1972 гг. М., 1972.
 - c. Народное хозяйство СССР в 1973 г. М., 1974.
17. Народонаселение стран мира. Справочник. М., 1974.
18. Народонаселение, снабжение продовольствием и развитие сельского хозяйства. Доклад, подготовленный Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО). Всемирная конференция по народонаселению. Бухарест, 1974, E/Conf 60/CBR/25.
19. Население СССР (численный состав и движение населения). 1973. Статистический сборник. М., 1975.
20. *Неру Дж.* Открытие Индии. М., 1955.
21. *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
22. *Новосельский С.А., Паевский В.В.* Таблицы смертности населения СССР // *Паевский В.В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
23. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
24. *Птуха М.В.* Очерки по статистике населения. М., 1960.
25. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
26. *Урланис Б.Ц.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960.
27. *Фролькис В.В.* Регулирование, приспособление и старение. Л., 1970.
28. *Хлопин Г.В.* Гигиена и санитария с исторической точки зрения. СПб., 1897.
29. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. М., 1955.
30. *Acsádi Gy., Nemeskéri J.* History of human life span and mortality. Budapest, 1970.
31. *Bourgeois-Pichat J.* Essai sur la mortalité “biologique” de l’homme // *Population*, 1952, N 3.
32. *D’Alembert.* Sur l’application du calcul de probabilités à l’inoculation de la petite vérole. Opuscules mathématiques, Т. 2. 1761.
33. *Dublin L., Lotka A., Spiegelman M.* Length of life. N.Y. 1949.
34. *Dupâquier J.* Sur une table (prétendument) florentine d’espérance de vie // *Annales*, 1973. V. 28, N 4.
35. *Goubert P.* Cent mille provinciaux au XVII siècle. Beauvais et le Beauvaisis de 1600 à 1730. P., 1968.

36. *Hansluwka H.* A keringési rendszer betegségei és az emberi élettartam hossza // *Demographia*, 1972. N 2.
37. *Helleiner K.F.* The vital revolution reconsidered // *Population in history*. L., 1965.
38. *Henry L.* L'âge au décès d'après les inscriptions funéraires // *Population*, 1959. N 2.
39. *Hollingsworth T.H.* A demographic study of the British ducal families // *Population in history*. L., 1965.
40. *Hopkins K.* On the probable age structure of the Roman population // *Population Studies*, 1966, November.
41. *Keyfitz N., Flieger W.* World population. An analysis of vital data. Chicago–London, 1968.
42. *Mckeown T., Brown R.G., Record R.G.* An interpretation of the modern rise of population in Europe // *Population studies*, 1972. N 3.
43. *Nizard A., Vallin J.* Les plus faibles mortalités // *Population*, 1970. N 4.
44. *Preston S.H., Keyfitz N., Schoen R.* Causes of death. Life tables for national populations. N. Y.; L., 1972.
45. *Sauvy A.* Malthus et les deux Marx. P., 1963.
46. Statistisk årbok 1973. Oslo, 1973.
47. Statistisk årsbok for Sverige. 1951. Stokholm, 1951.
48. The determinants and consequences of population trends. UN. N.Y., 1953.
49. UN Demographic Yearbook
 - a. UN Demographic Yearbook, 1967.
 - b. UN. Demographic Yearbook, 1971.
 - c. UN. Demographic Yearbook, 1973.
50. World Health Statistics Annual. 1970. N 1, Genève, 1973.

Глава 3

1. *Борисов В.А.* Гипотетический минимум естественной рождаемости // Вопросы статистики населения, народного благосостояния и сельскохозяйственной статистики. Труды МЭСИ. М., 1971.
2. *Борисов В.А.* Использование коэффициента ГМЕР для характеристики уровня рождаемости // Население и народное благосостояние. Труды МЭСИ. М., 1972.
3. Вестник статистики, 1971, № 12.
4. *Вигдорчик Н.А.* Детская смертность среди петербургских рабочих // Общественный врач, 1914. № 2.
5. *Волков А.Г.* О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения. М., 1968.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 51. М.; Л., 1931.
7. *Ганди М.* Моя жизнь. М., 1969.
8. *Гиляровский Ф.В.* Исследование о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. СПб., 1866.
9. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II.
10. Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. Т. 1, вып. II.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. (Сводный том). М., 1962.
12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972.
13. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М., 1969.
14. *Левада Ю.А.* Социальная природа религии. М., 1965.
15. *Ленин В.И.* Рабочий класс и неомальтузианство // Полн. собр. соч. Т. 23. М., 1961.

16. Ленин В.И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства // Полн. собр. соч. Т. 38. М., 1963.
17. Луния Б.Н. История индийской культуры с древних веков до наших дней. М., 1960.
18. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. М., 1895.
19. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М., 1961
20. Маркс К. Экономические рукописи 1957–1959 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. М., 1968.
21. Народное хозяйство СССР 1922–1972. М., 1972.
22. Население СССР: численный состав и движение населения. 1973: Стат. сборник. М., 1975.
23. Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II. СПб., 1913.
24. Паевский В.В. К вопросу о рождаемости в Ленинграде (по материалам статистики аборт) // Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
25. Паевский В.В. О сводных характеристиках воспроизводства и перспективных исчислениях населения // Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970.
26. Птуха М.В. Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
27. Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956.
28. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании // Избранные сочинения в трех томах. Т. 1. М., 1961.
29. Санитарно-демографические материалы зарубежных стран. Под ред. А.М. Меркова. Вып. 1. М., 1959.
30. Сифман Р.И. Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.
31. Сифман Р.И. Размещение рождений в течение периода плодovitости женщин в СССР // Факторы рождаемости. М., 1971.
32. Тацит К. О происхождении германцев и местоположении Германии // Тацит К. Сочинения: В 2 т. Т. 1. Л., 1969.
33. Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Полн. собр. соч. Т. 25. М., 1937.
34. Томилин С.А. Аборт в связи с генеративной функцией женщины // Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973.
35. Томилин С.А. К вопросу о плодovitости крестьянки и влиянии ее на детскую смертность // Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973.
36. Тревилян Дж.М. Социальная история Англии. М., 1959.
37. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе. М., 1941.
38. Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963.
39. Урланис Б.Ц. История одного поколения. М., 1968.
40. Цеткин К. Из записной книжки // Воспоминания о Ленине. Т. 2. М., 1957.
41. Шлиндман Ш., Звидриньш П. Изучение рождаемости. М., 1973.
42. Энгельс Ф. Политическое положение Швейцарской республики // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. М., 1957.
43. Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения. СПб., 1892.
44. Agarwala Sh.N. Mean ages of marriage and widowhood in India // Proceedings of the International population conference. N.Y., 1961.
45. Agarwala Sh.N. Widowhood age and length of fertile union in India // World views of population problems. Budapest, 1968.
46. Annuaire statistique de la France. Résumé rétrospectif. 1966.
47. Bergues H. e.a. La prévention des naissances dans la famille. Paris, 1960.
48. Biraben J.-N. Sur révolution de la fécondité en Europe occidentale. Conférence Démographique Européenne. Strasbourg, 1966. P. 1.

49. *Bogue D.J.* Principles of Demography. N.Y.; L.; Sydney; Toronto, 1969.
50. *Bunle H.* Le mouvement naturel de la population dans le monde de 1906 à 1936. P., 1954.
51. *Coale A.J.* Factors associated with the development of low fertility; an historic summary // UN World Population Conference, Belgrade, 1965. N.Y., 1967. V. 2.
52. *Connell K.H.* The population of Ireland, 1750–1845. Oxford, 1950.
53. *Dublin L., Lotka A., Spiegelman M.* Length of life. N.Y., 1949.
54. Family planning in Japan. Tokyo, 1970.
55. Fertility trends and differentials in Arab countries. Cairo, 1971.
56. Fertility trends in the world. World Population Conference, Bucharest, 1974, E/Conf. 60/CBP/16/
57. *Festy P.* Evolution de la fécondité en Europe occidentale depuis la guerre // Population, 1970. N 2.
58. *Glass D.V.* Fertility trends in Europe since the Second World War. Fertility and family planning: a world view. Ann Arbor, 1969.
59. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // Population in history. L., 1965.
60. *Hajnal J.* The marriage boom // Population index, 1953. N 2.
61. *Henripin J.* La population canadienne au début du XVIII^e siècle. P., 1954.
62. *Henry L.* Anciennes familles génevoises. P., 1956.
63. *Henry L.* La fécondité naturelle. Observation, théorie, résultats // Population, 1961. N 4.
64. *Henry L.* Fécondité des mariages dans le quart Sud-Ouest de la France de 1720 à 1829 // Annales, 1972. N 3.
65. *Henry L.* The population of France in the eighteenth century // Population in history. L., 1965.
66. *Henry L., Houdaille J.* Fécondité des mariages dans le quart Nord-Ouest de la France de 1670 à 1829 // Population, 1973. N 4–5.
67. *Himes N.* Medical history of contraception. N.Y., 1963.
68. *Hofsten E.* The Swedish population 1750–1950. Stokholm, 1972.
69. *Hollingsworth T.H.* A demographic study of the British ducal families // Population in history. L., 1965.
70. *Kuczynski R.* The balance of births and deaths. V. I. N.Y., 1928.
71. *Kuczynsky R.* The measurement of population growth. N.Y.; L.; P., 1969.
72. *Lorimer F. e. a.* Culture and human fertility. P., 1954.
73. *Matthiessen P.C.* Some aspects of the demographic transition in Denmark. Copenhagen, 1970.
74. *Mitra A.* The small family norms and literacy // Family Planning News, X. N 2.
75. *Moheau J.-B.* Recherches et considérations sur la population de la France. P., 1778. T. 2.
76. Population Index
 - a. Population Index, 1972. V. 36, N 3.
 - b. Population Index, 1974. V. 38, N 2.
77. Recent population trends and future prospects. UN World Population Conference, Bucharest, 1974. E/Conf. 60/3.
78. *Sundbärg G.* Bevolkeringsstatistik Schwedens, 1750–1900 // Urval, N 3, 1970.
79. *Taeuber J.B.* Growth of the population of the United States in the twentieth century // Demographic and social aspects of population growth. The Commission on population growth and the American future research reports. Washington, 1972.
80. The demography of Tropical Africa. Princeton (N.J.), 1968.¹¹.

81. The determinants and consequences of population trends. UN, N.Y., 1973.
82. UN Demographic Yearbook
 - a. UN Demographic Yearbook 1949/1950.
 - b. UN Demographic Yearbook 1954.
 - c. UN Demographic Yearbook 1959.
 - d. UN Demographic Yearbook 1965.
 - e. UN Demographic Yearbook 1969.
 - f. UN Demographic Yearbook 1971.
 - g. UN Demographic Yearbook 1973.
83. *Voltaire*. Oeuvres complètes. Paris, 1879. Т. 25.
84. *Wrigley E.A.* Family limitation in pre-industrial England // *The Economic History Review*. Second series. V. XIX. N 1 (1966).

Глава 4

1. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IX. М., 1941.
2. Вестник статистики. 1974. № 12.
3. *Кенз Ф.* Избранные экономические сочинения. М., 1960.
4. *Козлов В.И.* Динамика численности народов. М, 1969.
5. *Кулишер И.М.* История экономического быта Западной Европы. Т. I. М, 1931.
6. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 9. М., 1957.
7. *Маркс К.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 12. М., 1958.
8. *Маркс К.* Гражданская война во Франции // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 17. М., 1960.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. II. М., 1962.
10. Марксистско-ленинская теория народонаселения. Изд. 2-е. М., 1974.
11. Мировые и региональные перспективные оценки в области народонаселения: Доклад, подготовленный секретариатом ООН для Всемирной конференции по народонаселению. Бухарест, 1974. E/Conf 60/CBP/15.
12. Народонаселение стран мира: Справочник. М., 1974.
13. Население СССР: Справочник. М., 1974.
14. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Т. III. М., 1899. Кн. XXXVII, 9.
15. *Птуха М.В.* Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков. М., 1945.
16. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
17. *Россет Э.* Процесс старения населения. М., 1968.
18. *Сифман Р.И.* Динамика рождаемости в СССР. М., 1974.
19. Социально-демографические материалы зарубежных стран / Под ред. А.М. Меркова. Вып. 1. М, 1959.
20. *Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. М., 1941.
21. Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
22. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. М., 1961.
23. *Bennett M.K.* The world's food. A study of the interrelations of world populations, national diets and food potentials. N. Y., 1954.
24. *Bourgeois-Pichat J.* The general development of population of France since the eighteenth century // *Population in history*. L., 1965.
25. *Bunle H.* Le mouvement naturel de la population dans le monde de 1906 à 1936. P., 1954.
26. *Coale A.J., Demeny P.* Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966.
27. Demographic and social aspects of population growth. The Commission on population growth and the American future research reports. V. 1. Washington, 1972.

28. *Fourastié J.* De la vie traditionnelle à la vie "tertiaire". Recherches sur le calendrier démographique de l'homme moyen // *Population*, 1959, N 3.
29. *Guillaume P., Poussou J.-P.* Démographie historique. P., 1970.
30. *Henripin J.* La population canadienne au début du XVIII^e siècle. P., 1954.
31. *Henry L.* Anciennes familles genevoises. P., 1956.
32. *Henry L., Houdaille J.* Fécondité des ménages dans le quart Nord-Ouest de la France de 1670 à 1829 // *Population*. 1973. N 4–5.
33. *Keylitz N., Flieger W.* World population. An analysis of vital data. Chicago; L., 1968.
34. *Kuczynski R.* The balance of births and deaths. V. I. N.Y., 1928.
35. *Kuczynski R.* The measurement of population growth. N.Y.; L.; P., 1969.
36. *Landry A.* La révolution démographique. P., 1934.
37. *Landry A.* Traité de démographie. P., 1945.
38. *Laslett P.* Introduction: The history of family // *Household and family in past time.* Cambridge, 1972.
39. *Laslett P.* Mean household size in England since the sixteenth century // *Household and family in past time.* Cambridge, 1972.
40. Le concept de population stable. NU, N.Y., 1966.
41. *Levy Cl., Henry L.* Ducs et pairs sous l'Ancien Régime // *Population*. 1960. N 5.
42. *Pavllk Z.* Nástin populačného vyvoje sveta. Praha, 1964.
43. *Population Index*. 1974. N 2.
44. Recent population trends and future prospects: UN World Population Conference, Bucharest, 1974. E/Conf. 60/3. Annex 2.
45. *Statistisk årsbok for Sverige.*
 - a. *Statistisk årsbok for Sverige*. 1951. Stokholm, 1951.
 - b. *Statistisk årsbok for Sverige*. 1954. Stokholm, 1954.
46. *Sundbärg G.* Bevolkeringsstatistik Schwedens, 1750–1900 // *Urval*. 1970. N 3.
47. The determinants and consequences of population trends. V. I. UN, N.Y., 1973.
48. *Wells R.* Demographic change and the life cycle of American families // *The Journal of interdisciplinary history*. 1971. N 2.

Заклучение

1. *Блум А.* Родиться, жить и умереть в СССР. М., 2005.
2. *Боярский А.Я.* К "проблеме населения" // *Боярский А.Я.* Население и методы его изучения. М., 1975.
3. *Вишнеvский А.Г.* Демографическая революция // *Вопросы философии*. 1973. № 2. С. 53–64.
4. *Гузеватый Я.Н.* Проблемы народонаселения стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.
5. *Кваша А.Я.* Этапы демографического развития СССР // *Факторы рождаемости* / Под ред. А.Г. Волкова. М., 1971.
6. *Landry A.* Traité de démographie. P., 1945.
7. *La Pensée.* Revue du rationalisme moderne. № 185. 1976. Février.
8. *Vichnevski A.* La révolution démographique // *Problèmes de la population*. II^e livraison. Problèmes du monde contemporain, Moscou, 1974, 1(25).
9. *Vishnevsky A.* The Demographic Revolution // *Population Problems*. Issue Two. Problems of the Contemporary World, Moscow, 1974, 1(26).
10. *Višnevskij A.G.* Die demographische Revolution // *Theorie und Methode III. Demographie. Einführung in die marxistische Bevölkerungswissenschaft*. Frankfurt am Main. Herausgegeben vom Institut für Marxistische Studien und Forschungen (IMSF), 1980.
11. *Wichnevski A.G.* Die demographische Revolution // *Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge*, Berlin, 1973, 6.